

64 41 48 45 61 27

36 52 53 14 73

16 88 15

90 41

5 61 21 64

33 20 25 64 41

М. ЛЕВИН

ГРАНИЦА

М. ЛЕВИН

ГРАНИЦА

ПОВЕСТЬ И РАССКАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ИРФОН“
Душанбе 1964

Автор много лет служил в пограничных войсках. Это дало ему возможность накопить большой фактический материал, который и лег в основу предлагаемой книги. Здесь есть все: и служебные собаки, идущие по следу, и выстрелы, и другие аксессуары приключенческой литературы. Но характерной особенностью «Границы» является показ пограничных будней. В центре внимания — воспитание солдат. С этим читатель познакомится в дневниковых записках «Из тетради». Рассказ «Был солдат...» — о судьбе демобилизованного пограничника.

**В МЕТЕЛЬ
НА КЫЗ-БАЙТАЛЕ**
(ПО ЗАПУТАННОМУ СЛЕДУ)

ПОВЕСТЬ

Глава первая

СТО ТЫСЯЧ ПОЧЕМУ

Перехваченная кодограмма. — Инструктаж. — Воронков путешествует по карте. — Цифры отказываются говорить. — Надо верить в таланты. — Метеориты бывают разные. — Кто был на перевале Кыз-Байтал?

Полковник Константин Яковлевич Воронков привычным движением вскинул руку. Стрелки на светящемся циферблате показывали начало четвертого утра.

«А в Москве сейчас полночь!» — подумал он и шумно поднялся.

— Всё ясно, товарищи офицеры?

Начальник заставы капитан Демин и его заместитель по политической части лейтенант Ганиев ответили в один голос:

— Так точно, товарищ полковник!

Теперь они стояли тоже. Демин рядом с полковником. Ганиев у печки, в которой бушевало пламя. На его красивом смуглом лице выступили капельки пота.

Воронков вдруг нагнулся и подложил в печку поленья.

— Не замерзли бы...

— Для вас старались, товарищ полковник, — смутился Ганиев.

— Ну, спасибо, — усмехнулся тот. — А я грешным делом считал, что мне еще рановато на пенсию.

Он неторопливо подошел к вешалке, снял полушубок. Плотный, широкоплечий, Воронков не казался грузным. В нем угадывался человек сильный, мужественный, волевой. Простое, слегка одутловатое лицо его было непроницаемым. Ни следа волнения: сказывались привычка и характер. Офицерам передалось это спокойствие.

Они вышли проводить Воронкова к машине. В непроглядной тьме стонал и метался ветер, норовя залепить глаза увесистыми мокрыми хлопьями.

Полковник пожал офицерам руки.

— Ну, идите, идите. — И, усаживаясь в газик, сказал шоферу: — Поторопитесь.

— Домой? — спросил прикорнувший было за баранкой солдат.

— Домой, — подтвердил полковник.

— Часа через полтора будем.

— При ваших-то талантах? — подзадорил Воронков.

— Ладно, — весело ответил солдат. — Засекайте время, товарищ полковник.

Густая снежная завеса неохотно расступалась перед полосами света, бившими в одну точку из трех автомобильных фар. Водитель то и дело переключал скорости — дорога была извилистой и неровной.

Полковник набил табаком трубку. Не прикуривая, устало откинулся на сидение.

«Да, задачку задал этот Кыз-Байтал!» — подумал он про себя.

Всего несколько часов назад, а точнее в 22.00 по местному времени, на участке отряда засекали неизвестную радиостанцию. Передача велась шифром на ультракоротких волнах с перевала Кыз-Байтал, расположенного на стыке застав капитана Демина и майора Ступина.

Узнав об этом, Воронков немедленно выехал на место происшествия. Теперь он возвращался в штаб, проинструктиввав начальников застав и убедившись в боевой готовности подразделений. Шоферу казалось, что он спит. На самом деле Воронков мысленно путешествовал по карте.

В районе перевала за каменистым гребнем, по которому проходила демаркационная линия, скалы обрывались

под прямым углом. Дальше километра полтора шел покатый, «гофрированный» склон и снова — обрыв.

Вряд ли, — думал полковник, — кто-нибудь из-за рубежа станет взбираться сюда лишь для того, чтобы развернуть рацию. На той стороне это можно сделать в любом селении, сделать открыто, не ограничиваясь одной-двумя зашифрованными фразами.

Значит, правильной всего предположить, что запеленгованный передатчик был привезен на Кыз-Байтал. Кем?! В течение дня здесь побывало множество машин. Снегопад помешал определить, останавливалась ли какая-нибудь из них на перевале. Но сколько прошло машин и какие, при некоторой сноровке можно было выяснить. А как разобратся с перехваченным кодом?

Этот же вопрос задавал себе майор государственной безопасности Безуглый.

Телефонный звонок вывел его из задумчивости.

— Майор Безуглый слушает.

— Зайдите ко мне.

Майор запер в сейф документы, положив в папку «Для доклада» один синий бланк. Этот бланк появился у него на столе спустя несколько минут после того, как замолчал неизвестный передатчик.

В кабинете своего начальника Безуглый застал в этот ночной час полковника Воронкова.

— Здравствуйте, Федор Иванович, — сказал Воронков.

— Здравия желаю! — Безуглый молча пожал руку полковнику и так же молча положил перед своим начальником бланк. Он был недоволен. Вечно эти воинские начальники торопятся. Тут мозги набекрень, а они... Вот сейчас Воронков будет спрашивать. Что отвечать?

Начальник отдела пробежал кодограмму и передал бланк Воронкову. Полковник запыхтел трубкой, углубился в чтение.

В две строки на бланке — цифры. Только цифры:

18	25	42	10	1	2	7	8	27	17	88
		21	424	5	46	29	88			

— По тому, как вы разбили их, — сказал Воронков, — нетрудно заметить, что все цифровые группы здесь разные, за исключением одной.

Безуглый кивнул.

— Да. Повторяется лишь восемьдесят восемь. В середине текста и в конце. Думаю, что это точка... Вот пока и всё, что могу сказать.

— Маловато, — заметил полковник.

— Да, маловато, — согласился начальник отдела.

Воронков снова задымил трубкой.

— Что же он запросил?

Безуглый задумался.

— Трудно сказать.

— При ваших-то талантах? — повторил любимую фразу Воронков.

— При чем здесь таланты? — вздохнул Безуглый.

— Они — всему делу венец, — уверенно вставил полковник. — Вот мы с заставы Демина знаете сколько добирались? Пятьдесят шесть минут...

— Я за такое время не разберусь. — Безуглому было не до шуток.

— Но в конце концов разберетесь, — поддержал полковника начальник отдела. — Не такие головоломки решали.

Безуглый промолчал.

— Желаю удачи, — сказал Воронков, прощаясь. — А если что-нибудь прояснится...

— Не беспокойтесь, — пообещал майор Безуглый. — Сообщим немедленно.

Воронков не ложился.

Так как же всё-таки объяснить появление неизвестного передатчика на Кыз-Байтале? Что это — острая необходимость, переходящая в риск, или дерзость уверенного в своих силах разведчика? А может быть, провокация?

Ветер ворвался в открытую форточку, зашелестел бумагами. Полковник придержал их. Некоторое время сидел не шевелясь. Отыскал едва заметную точку на крупномасштабной карте. Пристально всмотрелся.

Здесь, напротив участка второй комендатуры, по ту сторону границы, работает подозрительная экспедиция. Вот уже скоро месяц она разыскивает упавший в горах метеорит.

Полковник Воронков подошел к сейфу, вынул кипу газет. ...Астроном Биксфорд предположил, что это был

болид пятнадцатой звездной величины. Относится к спорадическим, т. е. одиночным метеорам», — прочел он в одной из них.

В другой статье тот же Биксфорд рассуждал о роли метеоров в происхождении и развитии солнечной системы. И опять: болид... болид... болид...

— Да, орешек! — вслух сказал Воронков.

...Пограничники зорко наблюдали за кипучей деятельностью экспедиции. Полковник знал и фамилию ее руководителя: Фукс. Вилли Фукс. Уж не ему ли адресовывалась перехваченная кодограмма?

Так или иначе, пока ясно одно: в пограничной зоне, на советской земле, появился враг. Его нужно во что бы то ни стало найти и обезвредить.

Но кого заподозрить из десятков, а может быть и сотен людей, побывавших в этот день на Кыз-Байтале? И среди них ли нужно искать выдавшего себя разведчика?

Полковник знал, что органы государственной безопасности проверяют все машины и всех пассажиров, зарегистрированных сегодня на контрольно-пропускном пункте.

Но что это даст?

Глава вторая

ПРОИСШЕСТВИЕ В ПУТИ

Дорога. — Девушка его мечты. — Собрание переносится. — Новые знакомые. — Обручев не любит балагуров. — Земляки. — «Смотри же внимательно в лица». — Ральф превышает власть. — «Чудак человек».

На этот раз вокзал не показался сержанту Николаю Обручеву таким уютным и приветливым, как две недели назад, когда скорый поезд привез его сюда, в Мурманск. Среди родных и друзей отпуск пролетел незаметно. Пора было возвращаться в часть.

Загудел электровоз. Состав вздрогнул, плавно тронулся с места.

Обручев стоял на подножке вагона в новой кавалерийской шинели, туго перетянутой ремнем, и махал зеленой фуражкой.

Мелькнули последние стрелки. Поезд набирал скорость...

Николай подолгу стоял у окна, вдыхал аромат весны. Правда, поля и леса были еще покрыты снегом. Но весна уже чувствовалась во всем: в почерневшей санной дороге, по проталинам на буграх.

Навстречу, грохоча, неслись составы с углем, нефтью, машинами. Оставались позади города, похожие друг на друга новостройками.

А вот и Волга, еще не сбросившая с себя ледяной панцырь...

Летит поезд, летит, и уже встречают его степи Казахстана.

На какой-то станции пропустили вперед эшелон, увешанный красными транспарантами. Из окон выглядывали молодые веселые лица.

Незнакомая девушка бросила Обручеву еловую ветвь, как мохнатую лапу. Он поймал ее, прижал к груди.

Вот бы сейчас — в тот поезд.

...И представил себе ковыльные степи. Через год он тоже — на целине. Встречает эту самую девушку.

«Вот неожиданность!»

«Неужели вы меня помните?» — спросит он.

А потом...

Кем он будет? Трактористом? Шофером? И она будет приходить к нему в степь...

Будет приходить? Она?!

Ну, конечно! Бывают же удивительные встречи...

Обручев не в силах был хранить свои мысли. На другой день он сказал соседу:

— Видел? — и показал на мохнатую еловую ветвь.

Знакомую встретил. На целину поехала. Меня будет ждать.

— Давай, давай! — ответил сосед и спросил как насчет воблы: аппетит не разыгрался?..

Наконец, дорога окончилась. Обручев подхватил чемодан и вышел на перрон. Сразу увидел пограничников с красными нарукавными повязками. Они проверяли документы. Приятное чувство дома охватило Обручева.

Он шел по выложенному плитами тротуару. Улицы петляли. Здания прятались за деревьями. Тянулись к солнцу стройные тополя, ласкали взор широкоствольные чи-

нары, змеей извивался карагач. А на горизонте виднелись горы. Они подковой надвигались на город. От них веяло свежестью, и Обручев подумал, что на заставе еще всё в снегу.

О том, что на границе тревожно, Николай узнал в комендатуре. Правда, никто ничего ему прямо не сказал, но он сразу почувствовал это по напряженному ритму жизни, который здесь царил. Кони стояли подседланными. Высылались усиленные патрули. На дверях клуба висело объявление. Вместо слова «сегодня» густой черной краской на нем было выведено: «переносится».

Обручеву не терпелось скорее попасть на заставу. Из комендатуры машина должна была пойти в горы лишь послезавтра. Получив разрешение воспользоваться попутной машиной, Обручев направился в автопарк и быстро договорился с диспетчером.

Вернувшись в комендатуру, он доложил дежурному, что всё в порядке. Рядом с дежурным стоял молодой солдат. Его чуть вздернутый нос был усыпан веснушками. Из-под белесых бровей смотрели озорные глаза. В левой руке он держал поводок. К ноге прижималась овчарка. Обручев хотел погладить ее по серой с черными переливами шерсти. Овчарка предостерегающе ощерилась и показала клыки.

— Ну, вот и познакомились,— усмехнулся дежурный.— Рядовой Зубарев направляется к вам на заставу. Может быть, поедете вместе?

— Конечно! — сказал Обручев, не задумываясь.

Пограничники подошли к диспетчерской, когда первые машины уже выезжали из гаража.

— Эй, подожди! — крикнул Обручев, поднимая руку. Две машины проехали мимо.

— Не торопись, сержант, — к Обручеву подошел шофер и представился: — Игнатюк. — Он протянул руку.— Давай ко мне в кабину. Я с бензовоза.

— Нет уж, мы — вместе! — ответил Обручев.

— Дело, конечно, хозяйское, — Игнатюк улыбнулся.—

А я думал: зашибу на четвертинку... Шучу, конечно.

— Давай, давай, Игнатюк! — заторопила его диспетчер. — Не задерживай!

Другой шофер подогнал машину к воротам.

— Привет, Зиночка! — сказал он диспетчеру и, заме-

тив пограничников: — Прошу, дорогие гости. Довезу мигом. А для бодрости прихватим «горючего».

Обручев не любил балагуров. Ответил сдержанно:

— Нам, например, не потребуется. А вы, если привыкли «заправляться» по дороге, пожалуйста.

Водитель захохотал.

— Проезжай, Калачкин, проезжай!.. Петя, кому говорю! — оборвала диспетчер и остановила следующую сзади машину. — С мужем моим поедете, — сказала она. — Садитесь, товарищи.

Шофер — здоровяк в клетчатой ковбойке, лет тридцати пяти — открыл дверцу.

— Залезай, паря.

Зубарев с овчаркой забрался в кузов. Обручев хотел было сесть в кабину, но передумал и тоже полез в кузов.

Диспетчер озабоченно сказала мужу:

— Осторожней, Махров!

Он кивнул ей и сделал знак отойти.

Грузовик медленно пересекал старый город с узкими кривыми улицами и доживавшими свой век глиняными дувалами. Пришлось делать крюк, потому что впереди расширяли и асфальтировали мостовую. Наконец вырвались на шоссе и помчались навстречу горам, окутанным утренним туманом.

— Вы никогда по этой дороге не ездили? — Обручев испытующе посмотрел на солдата.

— Нет, а что?

— Да повезло вам... Наша застава лучшая в части.

— Ну-у, хо-ро-шо!.. — произнес солдат, окая и растягивая слова.

— Вы северянин? — спросил Обручев.

Зубарев кивнул.

— Значит, земляки.

— А вы откуда? — спросил солдат.

— Есть такой незамерзающий порт в нашем Союзе...

— Мурманск! — догадался Зубарев.

— Да, Мурманск, — подтвердил Николай.

— Так ведь и я оттуда! — обрадовался Зубарев, но неожиданно стал серьезным: — У меня отец кочегарил на «Медузе». В сорок третьем погиб... А ваш отец, товарищ сержант, тоже моряк?

— Был... Капитаном был. И тоже погиб...

Наступило молчание. Зубарев погладил овчарку. Пес положил морду ему на колени.

— У вас никого не осталось на севере? — спросил темного погодя Обручев.

— Невеста, — живо отозвался Зубарев. И смутился: — Хотите покажу фотокарточку?

— Симпатичная, — сказал Обручев. — Как зовут?

— Люба.

— А в медальончике у нее кто?

— Это я там замаскировался.

Жизнь в труде — все, для чего живет человек, для чего прилагает усилия, энергию, знания. Но жизнь в труде не может существовать только для самого труда. Всегда человека вдохновляет любовь.

Об этом подумал Обручев, держа в руках фотографию Любы, и вспомнил девушку, подарившую ему лесную ветку.

В трудной пограничной жизни в сердце солдата всегда хранится образ любимой. Несет ли он службу или отдыхает после наряда, она всегда с ним. Он чувствует ее рядом, хотя между ними, может быть, тысячи километров. Он старается быть зорче всех, смелее всех, сильнее всех, чтобы она могла гордиться им, чтобы ждала его.

Так думал Обручев.

Зубарев бережно спрятал фотокарточку и спросил:

— Товарищ сержант, а вы задержания имеете?

— А что?

— Да вот мне не везет. Два раза был на стажировке, и всё впустую.

— Успеешь еще, — пообещал Обручев, незаметно переходя на «ты». И, не отвечая на вопрос, кивнул в сторону овчарки: — Как кличка?

— Ральф.

— Хороший пес...

Обручев не договорил. Шофер резко затормозил. На дороге стоял патруль. Старший заглянул в кузов.

— Сержант Обручев возвращается из краткосрочного отпуска, — доложил Николай. — Рядовой Зубарев направляется согласно предписанию.

— Документы!

Обручев полез в карман. Ральф зарычал и без Зубарева не позволил ему вытащить руку обратно.

Всё оказалось в порядке и у пограничников и у шофера.

— Можете следовать дальше, товарищ Махров, — сказал старший патруля, возвращая документы.

Обручев достал из полевой сумки большой кусок сахара, бросил Ральфу. Овчарка вильнула хвостом и вопросительно посмотрела на хозяина.

— Можно, Ральф, — разрешил Зубарев.

Ральф осторожно взял зубами сахар.

— Брось! — резко приказал Зубарев.

Ральф послушно положил сахар и отвернулся от него. Солдат погладил собаку, поднял кусок и сам протянул Ральфу. Овчарка взяла, и было слышно, как на клыках хрустнул сахар.

— Брось! — опять сказал Зубарев.

Ральф сейчас же выплюнул раскрошившийся кусок.

Обручев не выдержал:

— Хватит мучить собаку.

Зубарев засмеялся:

— Ешь, Ральф!

Обручев прислонился к кабине, закрыл глаза.

Чем так сидеть, давай лучше споем нашу пограничную, — сказал он и запел:

Смотри же внимательно в лица,
И зоркость буди каждый час.
Запомни, товарищ, граница
Лежит перед каждым из нас.

Припев они спели вместе:

Граница, граница любимой страны!
В дозоре, граница, родные сыны...
— Эй стой!
— Кто идет?
— Кто идет?!
— Не пройдет!..

Дорогу обступали горы. Казалось, протяни руку — достанешь. Но прошло еще немало времени, прежде чем машина подъехала к ним вплотную.

Теперь поднимались по серпантину. С каждым километром пути все реже попадались деревья. Зато все чаще и чаще хрустел под колесами снег. Сперва он лишь кое-где покрывал шоссе чуть заметной серебристой пылью, потом

лег небольшими причудливыми островками и, наконец, когда грузовик с протяжным ревом вскарабкался на перевал, сплошной белой пеленой повис в воздухе.

Шофер выключил мотор и вылез из кабины.

— Что случилось? — спросил Обручев, спрыгивая на землю. — А, хорошо! — воскликнул он, расправляя плечи. — Надо цепи надеть.

— А для чего я, по-твоему, машину остановил? — усмехнулся Махров. — Эй, паря, — сказал он солдату, — сбрось цепи, под скамейкой лежат. — И, не дожидаясь, сам полез в кузов.

Ральф зарычал.

— Не беспокойся, свое беру. — Махров протянул руку к цепям.

Ральф бросился на него.

— Назад! — крикнул солдат, перемахивая через борт. Но шофер уже лежал на снегу. Ральф наступил ему передними лапами на грудь. Не давал пошевеливаться.

— Ко мне! — приказал Зубарев.

Пес неохотно повиновался.

— Вставайте, — разрешил пограничник извиняющимся тоном.

— А... а можно? — переспросил Махров, осторожно поднимаясь. — Поди-ка ты, зверь какой! — растерянно промолвил он, пытаясь улыбнуться.

Зубарев погладил Ральфа. Овчарка успокоилась.

— А впрочем, я сам виноват, — сознался Махров, с опаской проходя мимо собаки. — Ребята, поднажмем!

— А ну! — подхватил Обручев, до сих пор молча наблюдавший за всей этой сценой. Он работал легко, с удовольствием, подставляя разгоряченное лицо ветру.

— Почему не уследил за Ральфом? — строго спросил Обручев, когда машина, гремя цепями, тронулась с места.

— Виноват, товарищ сержант, — ответил солдат. — Я за цепью нагнулся, а он в это время...

— Смотри, чтобы такое больше не повторялось, — категорически предупредил сержант.

Дорога сделала петлю и, нырнув под отвесную скалу, побежала вниз.

«Странный парень, — подумал Обручев о шофере. — Другой бы стал ругаться, а этот ничего... Извиняется... Чуждак человек!».

Глава третья

ДЖИМ КЕНТ ПОЛУЧАЕТ ЗАДАНИЕ

Где-то за океаном. — Катастрофа в Канзас-Сити. — Разговор с боссом. — Тренировка. — Часы с секретом. — Метеоритная «экспедиция» действует.

Человек с генеральскими погонами на темносером кителе, не отрываясь, смотрел в одну точку. На столе — ноги в свободных ботинках. Он думал. Думал уже давно. Перебрал в памяти два-три десятка фамилий своих подчиненных. Решать опрометчиво было нельзя. Дело касалось советской России.

Было что и ему вспомнить. Он изучал Россию с двадцатых годов. Служба в военной миссии, окончившаяся высылкой из Москвы за неблаговидные дела, ставилась в пример его сослуживцам. Да, теперь он считался крупным специалистом по России!..

Генерал шумно выдохнул воздух. На его звонок вошел офицер с рыжим пушком на сосредоточенном лице.

— Принесите дело... — потребовал генерал, называя номер.

Он открыл папку. С портрета на него смотрели холодные глаза. Длинные льняные волосы перехвачены резинкой. Прямой нос. Тонкие губы...

Мистер Кент. Сын разорившегося фермера, завистливый и алчный Джим Кент. Гангстер, работавший в автомобильной фирме. «Специалист» по самоубийствам. «Если нужно поскорей получить наследство, мистер Кент к вашим услугам. Полная иммитация самоубийства!».. Бойкая профессия однажды окончилась пожизненным заключением. Профессиональные навыки Кента послужили лучшей рекомендацией для одного из отделов Центрального разведывательного управления.

Из тюрьмы он написал родителям, что надеется скоро их увидеть, ибо его судьбой заинтересовались. Но свидеться с родителями не пришлось.

Через несколько дней газеты сообщили: Джим Кент погиб во время автомобильной катастрофы на пути в родной город. Его машину нашли на восточном берегу Миссури, недалеко от Канзас-Сити.

Смятая машина валялась на боку, повиснув передними скатами над обрывом. Водительская кабина была открыта. Обезображенное тело Джима нашли спустя неделю в нескольких километрах от места аварии. Родители, горько оплакивая сына, похоронили его в фамильном склепе.

После инсценированной катастрофы Джим попал в секретный колледж.

Началась учеба. Кент стал метко стрелять, ездить верхом, боксировать, поднимать тяжести. Природный ум и профессиональная сообразительность скоро сделали его одним из лучших учеников. Он научился изготавливать фальшивые документы, прыгать с парашютом, голодать, не выдавать своих чувств. Настойчиво и упорно овладевал русским языком.

После окончания колледжа Кенту повезло. Война позволила ему не только ближе изучить русских, но заработать награды и деньги. Это тоже сопутствовало успеху. Правда, он вовсе не собирался всю жизнь подвергать себя опасностям и лишениям. В банке был открыт счет. Он ждал дня, когда его сбережения станут настолько солидными, что можно будет перейти к спокойной, оседлой жизни.

...Агента провели в кабинет генерала.

— Джим Кент, босс! — отливающие желтизной глаза его были непроницаемы.

Генерал оценил спокойствие агента и подумал, что не ошибся в своем выборе.

— Ваш отец был фермером?

Кент едва заметно кивнул:

— Да, босс.

— И вы, конечно, хорошо знаете сельское хозяйство?

Этот вопрос заставил агента неопределенно пожать плечами.

— Ясно, кое-что знаете. Остальное почерпнете из литературы, которую вам сегодня же доставят. Всё изучайте тщательно. Отныне вы — русский агроном.

Кент по-прежнему оставался равнодушным, но генерал знал: его слушают внимательно. И, еще не называя конкретного задания, определил сумму вознаграждения. Как ни скрытен был Кент, однако величина этой суммы потрясла его. Чуть дрогнула бровь. А, может быть, показалось?

Генерал не спускал с него глаз. Молодец. Здорово себя ценит. И завидное спокойствие. Да, конечно, он выполнит задание. Должен выполнить, иначе у него будет много не-

приятностей. Очень много. Если, конечно, черную черту в списке можно назвать всего лишь неприятностью.

Кент между тем продолжал смотреть в глаза собеседника, вовсе не пытаясь прочесть его мысли. Он стоял в спокойной позе, ожидая, что еще ему скажет босс.

Но генерал больше ничего не добавил. Он положил руку на стол, ладонью вверх, что означало: разговор окончен.

Бесшумно открылась дверь. Агент повернулся и вышел из кабинета.

В юности Кент кое-что смыслил в сельском хозяйстве, когда вместе с отцом работал на ферме, и теперь быстро и с увлечением овладевал своей новой «профессией». Он занимался по русским учебникам. На практике постигнув, как много значит «войти в роль», старался во всем разобраться тщательно, не забывая мелочей. Особенно много внимания он уделял газетам, чтобы быть в курсе событий, которыми жила в эти дни далекая и чуждая ему страна.

Он в совершенстве усвоил новую тайнопись, зазубрил адреса. Все это он проделывал в специальных разведывательных школах, вначале близ Вашингтона, а затем на севере страны. Там он ходил на лыжах по шесть — восемь часов в сутки. Взбирался на головокружительные кручи, стремительно летел вниз, прыгал с трамплинов, падал, ушибался, ломал лыжи...

Потом его снова доставили к генералу. Тот показал ему не совсем обычную ампулу и карандашом обвел кружок на карте советской России, в районе освоения целинных земель.

Неприятный холодок пробежал по телу Джима Кента. Но генерал уже протягивал ему чек, и агент понял, что отказываться невозможно.

— Я слушаю, босс.

— Здесь бактерии, — разъяснил генерал, пряча ампулу. — Специально для вас, — он сделал ударение на слове «специально» и повторил: — Специально для вас их вывели наши ученые. Один грамм этих бактерий, внесенный в почву, катастрофически размножаясь, сделает ее бесплодной... Смотрите на карту...

Теперь агент знал, какое ему предстоит дело: проникнуть на целину.

Но это была лишь часть задания. Главное — вербовка и получение подлинных советских документов,

— Я буду туристом, босс? — безразлично спросил Кент, имея в виду путь, каким его забросят на советскую землю.

Генерал отрицательно покачал головой.

— Понимаю: меня включают в состав какой-нибудь миссии?

Молчание.

— Самолет?

— Нет, — сказал генерал. — Вы перейдете границу на лыжах.

Кент вспомнил недавние тренировки и пожурил себя за недогадливость.

— Я знаю финский язык, — заметил он, желая угодить начальству.

— Хорошо, — сказал генерал. — Но на этот раз он вам не понадобится.

Кент промолчал, не желая показать, что сбит с толку.

— Вы пойдете через горы, — не спеша уточнил генерал.

— Да, босс! — хладнокровно произнес Кент.

— Еще раз смотрите. — Палец генерала потянулся к карте. — Вы пойдете здесь...

Джим Кент понял, наконец, почему ему так много платят. Он знал, чем рискует и повертел в руках только что полученный чек. Генерал успокоил:

— Сумма в десять раз большая ждет вас по возвращении.

Моросил дождь, предвестник скорой весны. Снег, впитывая влагу, чернел и оседал.

За океаном заканчивались последние приготовления.

Джим Кент познакомился со своим будущим компаньоном — Горевым. Ему показали его в глазок на дверях мрачной, как тюремная камера, комнаты. Принимались все меры предосторожности. Только в определенном месте и в условленный час помощник узнает своего шефа.

Несмотря на короткое «свидание», Кент хорошо запомнил гибкого человека с красивым, словно выточенным лицом. Показалось даже, что когда-то уже виделся с ним. И натренированная память сразу воспроизвела, где это было: Варшава, тысяча девятьсот сорок четвертый год. Советская Армия подходила к городу. Они встретились на аэродроме после колоссального взрыва, который Горев (тогда ээсовец Курт Бергер) произвел по приказу немецкого командования.

Джим остался доволен помощником: это был отчаянный парень.

А вечером ему принесли мишень, продырявленную в середине. Кент легко определил, что одну дырку проделали в мишени пять пуль. Так стрелял Горев.

Часом позже состоялась последняя встреча с генералом. В его глазах Джим Кент ясно прочел, что задание обязательно должно быть выполнено.

Генерал в свою очередь увидел в спокойном взгляде агента, что тот либо справится с поручением, либо умрет.

Вы нам нужны,— неожиданно мягко сказал генерал,— поэтому берегите себя. А теперь...— Он протянул Кенту золотые часы «Победа».— Поставьте стрелки на четверть седьмого... Вот так... Слегка надавите на корпус... и сдвиньте стекло влево.

В открывшемся пазе Кент различил ампулу.

Агента решили забросить через горы, откуда поступали утешительные известия от Фукса. Эти известия тщательно изучал Хьют, лысый человек с огромной головой. Ему было поручено руководить намеченной операцией.

Завертелась сложная разведывательная машина. На всем пути Кента выстроилась шеренга сообщников. Но самая ответственная задача выпала на долю Фукса.

...Он лежал на топчане и одну за другой курил сигареты. Хьют предупредил, что наступает час решительных действий и в случае успеха Фукс получит полковничьи погоны. Для этого стоило потрудиться.

Вилли Фукс вспомнил свой недавний разговор с Хьютом. Когда-то они вместе росли, были друзьями, а теперь Хьют по должностной лестнице ушел далеко вперед.

— Итак, ты снова поедешь в Азию,— говорил Хьют,— но уже не на тридцать восьмую параллель... Стране, где ты будешь работать, мы недавно выдали безвозмездную субсидию. Как видишь, дружище, контроль за экономикой страны, в которую ты попадешь, установлен. Подчеркиваю все это, чтобы ты не чувствовал себя одиноким на новом месте. Понимаешь?

Хьют подробно рассказал, как нужно себя вести в чужой стране, назвал явки.

— Главное, действуй решительней,— сказал он на прощание.— Ищи старых басмачей, они помогут. Для достижения цели любые средства хороши. Ты ведь опытный разведчик, Вилли, и мне ли тебя учить? А советскую гра-

ницу и в этом месте нужно прощупать. Экспедиция за пропавшим болидом — прекрасная маскировка. В горах недавно упал метеорит. Постарайся найти. Понимаешь?..

Потом была необозримая, раскинувшаяся на сотни километров морская ширь.

Поблескивали на солнце белесые буруны. Теплоход, рассекая их, шел полным ходом. Фукс стоял на палубе и смотрел вдаль. Что ждет его впереди?

И вот — незнакомая земля. Свежий номер газеты, еще пахнувший типографской краской. Черным корпусом набрано:

«Наш народ верен мирной политике и желает установления дружественных отношений со всеми народами мира...

Фукс порвал газету и выругался.

Да, черт возьми. Дела вовсе не так блестящи, как расписывал Хьют.

Утомительная дорога в горы — и никого, с кем можно было бы отвести душу.

С членами «экспедиции» Фукс познакомился позже. Для каждого из них установил обязанности и предупредил, что будет требователен.

«Экспедиция» развила кипучую деятельность. Она лезла по горам, что-то искала, попутно продавала местному населению виски, жевательную резину, а тайком фотографировала, и каждый час, каждую минуту наблюдала за советской границей. Всё казалось было в порядке.

Но, получив секретный приказ, Фукс задумался. Значит, очень большой человек должен был перейти границу, если ему, майору Фуксу, обещаны полковничьи погоны.

Глава четвертая

ЗАСТАВА В ГОРАХ

Гебридзе рассуждает и немного завидует. — Машины останавливаются у шлагбаума. — Махров хочет отпустить усы. — В кабинете капитана Демина. — «Это твой дом, Зубарев». — Встреча друзей.

Горы окружали долину. За первой цепью вершин поднимались другие, еще более высокие и неприступные. Невозможно было определить, где они расступались, пропуская змейку шоссеиной дороги.

Прижимаясь к скалам, белела обнесенная дувалом пограничная застава. Ветер трепал алое полотнище, прикрепленное к металлическому шпилью. Перед воротами — старательно выложенная из камней пятиконечная звезда. Чуть дальше — дорога, прегражденная полосатым шлагбаумом. У шлагбаума часовой — ефрейтор Гебридзе. На нем меховой полушубок и ватные брюки, заправленные в ватники.

Проверив сигнализацию, Гебридзе зашагал от ворот к шлагбауму. Туда и обратно...

Глаза скоро привыкают к темноте. Часовой различал громады гор. Как всегда, они казались ему ссутулившимися, ко всему безразличными. Он любил свои горы — веселые, заросшие лесом. А здесь были камни. Одни камни.

Ветер вздыбил снег. Гебридзе отряхнулся, провел ладонью по верхней губе и, нащупав щетинку усов, усмехнулся. «Настоящий мужчина! — скажет отец».

Подумал вслух:

— В Очамчире сейчас тепло...

И представил террасу, оплетенную виноградником, море, отца, выгружающего корзину камбалы.

...В Очамчире Гебридзе окончил среднюю школу, работал в колхозе. Оттуда его призвали в армию и направили на границу, где почти круглый год лежит на вершинах снег. На заставе Гебридзе возмужал и даже, совсем недавно, стал отращивать усы.

Сзади слышались шаги. Часовой узнал старшину Каримова и дежурного по заставе ефрейтора Петренко.

Каримов дослуживал срок и собирался домой. Недавно в районном центре он выиграл скачки. Выиграл к великому огорчению местных всадников, претендующих на звание чемпиона. Участвовал в скачках и он, Гебридзе, но в Очамчире люди лучше управляли парусом.

«Джигита из меня не получилось, но это не самая большая беда на свете! — рассуждал философски настроенный часовой. — Хотя не мешало бы...».

Выиграй скачки он, Гебридзе, а не Каримов, то он, Гебридзе, ловкий парень с такими красивыми усами, сделал бы то же самое, что и старшина. А Каримов всегда был на высоте положения в прямом и переносном смысле.

Когда стройная девушка, чьи косы трижды обвивались вокруг тубетейки, поднесла победителю шелковый платок...

А девушку, это ведь не секрет, звали Гульджан, и она была настолько хороша, что ей могли позавидовать все девушки на всем побережье от Сухуми до Батуми... Словом, когда Каримов получил подарок, он не ударил лицом в грязь и, как настоящий джигит, опустил перед Гульджан своего коня на колени. Девушка вспыхнула и не нашлась, что сказать. А старики кивали головами в знак своего одобрения. И тогда взволнованный старшина поднял коня, сделал круг почета и галопом умчался. И вся земля, все горы дрожали от топота.

Читатель уже понял, что ефрейтор Гебридзе обладал редким даром рисовать картины и представлять действительность во всей присущей ей красоте. Тем не менее, он оставался часовым, и когда к нему подошли старшина и дежурный, доложил, что никаких происшествий нет.

Он обратил свой восторженный взгляд на Каримова, а тот долго всматривался в даль, где затерялась в снегу шоссейная дорога.

— Продолжайте службу, — сказал старшина часовому. И дежурному: — Пойдемте, Петренко.

Когда вернулись на заставу, дежурный предложил:

— Видпочивайте, товарищ старшина. Дила больше нэма.

Каримов нагнулся, стряхнул снег с валенок.

— Пожалуй, лягу, — согласился он и, уже открывая дверь в казарму, добавил: — Только не забудьте разбудить меня, если приедет Обручев.

В канцелярии горел свет. Значит, начальник заставы еще не ложился. Петренко зашел в дежурную комнату, посмотрел на часы. Скоро смена...

Гебридзе откинул задравшийся воротник полушубка. Прислушался. Издалека донеслось тарахтенье мотора. Ефрейтор повернулся лицом к ветру. Слух не обманул его. Бледная полоска света выскользнула из серой, клубящейся массы, становясь все шире и ярче.

Он подошел к шлагбауму, нажал сигнальную кнопку. В дежурной комнате раздался звонок. Ярko вспыхнула красная надпись «Пост № 1».

Когда облепленная снегом машина затормозила у шлагбаума, рядом с Гебридзе уже стоял Петренко.

Грузовики двигались медленно. Останавливались перед заставой.

Пограничники быстро проверяли документы. Многих водителей они хорошо знали.

«А, Игнатюк, ну как, полным-полна коробочка?»

Раз подъехал бензовоз, значит, скоро конец колонны. Третий год ездит по тракту Игнатюк. Обязательный человек: папиросы привезет и письма пограничников доставит на «большую» землю.

А вот Петр Калачкин...

Этот предъявил документы, и пока пограничники производили досмотр, стал натирать снегом уши. Знал ведь, что рейс будет трудным, а всё-таки поехал в своей кепочке. Он в ней зимой и летом. Правда, натирать уши снегом, пожалуй, не следовало. Он не замерз. Не водой была наполнена его фляга, спиртом. И прикладывался к этой фляге он довольно часто.

Еще одна машина затормозила у шлагбаума. Гебридзе и Петренко подошли к водителю.

— Ваши документы.

— Ребята! — окликнул их выпрыгнувший из кузова пограничник.

Петренко направил на него фонарик.

— Да это же Обручев! — воскликнул он обрадованно.

Махров, не выключая фар, вылез из кабины. Гебридзе проверил его документы и молодецки погладил усы.

— Лихой казак! — не сдержал улыбки Махров.

Гебридзе насупился.

— А ты не обижайся, — сказал Махров примирительно. — С усами как-никак потеплей. Я, пожалуй, тоже отращу. — И кивнул пограничникам: — Счастливо!

Приехавшие зашли в сушилку. Петренко добавил в умывальник воду.

— Ну, что нового? — спросил Обручев.

— Зараз старшину подниму, — спохватился дежурный.

— Ему в наряд? — Николай обрадовался возможности хоть несколькими словами переброситься с другом.

— Нет.

— Так зачем же будить?

— Приказав побудку произвести, как только вы...

— Не надо, зачем? — запротестовал Обручев. — Все равно сейчас пойдем к капитану

Он привычным движением, двумя большими пальцами расправил ремень и придиричливо, уже по-начальнически, с головы до ног осмотрел Зубарева.

Капитан Демин что-то писал.

Зубарев с любопытством осматривал комнату. Окна занавешаны толстыми шторами. Шкаф с книгами. Этажерка. На ней два серебряных кубка — спортивные призы. Сейф. Портрет Ленина. На стене — занавеска, скрывающая, как правильно догадался Зубарев, карту пограничного участка.

Начальник заставы поднял голову. Поредевшие каштановые волосы тронуты на висках едва заметной сединой.

Он вышел из-за стола и, сделав несколько шагов, остановился посередине комнаты. Внимательно выслушал рапорт Обручева.

— Отдохнули?

— Так точно, товарищ капитан.

— Как доехали? — спросил Демин Зубарева.

— Спасибо, хорошо. На попутной. Шофер — гражданский. Махров по фамилии...

Капитан улыбнулся:

— Ну, молодцом. Располагайтесь и чувствуйте себя как дома. Здесь теперь ваш дом... Ефрейтор, — приказал Демин ожидавшему у дверей дежурному, — проводите товарища в казарму... Обязательно накормить и хорошенько! — Он повернулся к Зубареву: — Наверное, проголодался с дороги?

— Никак нет! — поспешно ответил солдат. — Я сыт... Собаку надо покормить, товарищ капитан.

— Да, да, конечно, — сказал Демин. — Идите. Ефрейтор Петренко обо всем позаботится...

— Дома в порядке? — спросил капитан Обручева.

— В порядке! — И сержант начал обстоятельно рассказывать.

Демин слушал внимательно, а когда Обручев стал повторяться, заметил с улыбкой:

— Ну, идите отдыхать. Успеем еще поговорить.

В казарме, как всегда, тепло. Вдоль стен, прижавшись друг к другу, койки и тумбочки.

Обручев остановился у крайней койки. Раскинув руки, посапывая, спал старшина Каримов. Преодолев желание разбудить друга, Обручев откинул одеяло на своей кровати. Чьи-то сильные руки схватили его сзади.

— Не хочешь будить, да? — зашептал Каримов в самое ухо.

— Рашид! — обрадовался Николай.

— Т-сс! — остановил его старшина, сжимая в объятиях. — Всех разбудишь... Пошли ко мне в каптерку. Я выспался.

Друзья на цыпочках вышли из казармы.

— Ну, выкладывай! — заторопил старшина, пристраиваясь на старых матрацах.

— Подожди минутку...

Николай вышел и тут же вернулся с чемоданом в руке.

— Что там еще? — пробурчал старшина.

— Так ведь ты говоришь: выкладывай, — ответил Обручев.

Он открыл чемодан.

— Вот портсигар.

— Кому?

— Ну, допустим, тебе.

— Зачем?

— Ну, считай на память...

— Так ведь я не курю. Чего мудришь, Колька?

— Ладно, не сердись, — миролюбиво заметил Обручев. — Это я Резникову. А тебе вот джемпер... Не спорь. Мать послала...

В эту ночь друзья так и не заснули.

Глава пятая

«СТАРЫЙ БУКИНИСТ»

Книголюб Тихомиров. — Алексей Петрович углубляется в чтение. — Часы отсчитывают минуты. — Жизнь под личиной. — Яд действует мгновенно. — Представим, что он говорит правду. — Майор Безуглый разговаривает с майором Безуглым. — Почему повторяется «88»? — Поиски системы.

Горы и тополевые аллеи. Глиняные кибитки, кучно сбегаящие к реке. Двухэтажный универмаг за мостом. Новый жилой квартал рядом с железнодорожной станцией. Базар — скучный зимой и оживленный во все остальные времена года — с лотками, навесами, павильонами, чайханой. С ресторанчиком, где всегда надрывается радиоло. Небольшой гарнизонный парк, и даже букинистический магазин. Все это было в городе, где жил Алексей Петрович Тихомиров.

Он жил здесь уже много лет и пользовался славой чудака и книголюба. В прошлом году Алексей Петрович получил отдельную квартиру в новом доме. Квартирка библиофила была небольшая, однокомнатная. Но Алексей Петрович был холостяк, и шестнадцать квадратных метров, коридор и лоджа, которые он оставил стеллажами, вполне устраивали его.

В этот день, как обычно, ровно в семь часов вечера Алексей Петрович повесил замок на двери букинистического магазина и, опираясь на трость, медленно направился к дому. Он шел сгорбившись. Прищурив близорукие глаза, невпопад здоровался с незнакомыми и часто не отвечал на приветствия тех, кого действительно знал.

В руках у него была, конечно, книга. По золотым полоскам на углах нетрудно было догадаться, что это один из томов Драйзера в издании приложения к «Огоньку».

Проходя гарнизонным парком, Тихомиров остановился, приложил руку к груди, словно стараясь унять сердцебиение. Затем прошел еще несколько шагов и присел на скамейку.

В эти часы парк преображался, оживал. Гуляющих становилось всё больше, но старый букинист не обращал на них внимания. Он раскрыл книгу и углубился в чтение. Ничто не могло его оторвать от любимого занятия, даже надрывавшийся неподалеку духовой оркестр.

Когда стемнело, Тихомиров пересел на другую скамейку, поближе к фонарю. Он дочитал главу и, поджав губы, некоторое время сидел задумавшись.

В девять часов тридцать минут Тихомиров поднялся и заковылял к закусочной. Официантка принесла ему порцию сосисок и чашку черного кофе.

В девять часов пятьдесят минут Тихомиров расплатился.

В девять часов пятьдесят восемь минут он вышел на затемненную аллею у западной стены парка и отыскал свободную скамейку. На этот раз близорукость подвела его. Тихомиров не сразу заметил, что скамейка окрашена. А когда, сверив часы с сигналом точного времени, разглядел приклеенное к спинке объявление, так расстроился, что поднялся, забыв на скамье книгу.

В десять часов сорок минут букинист закончил прогулку и, подойдя к дому, засунул ключ в замочную скважину. Переступив порог и затворив за собой дверь, он отбросил

тлость, выпрямился, твердой, бодрой походкой пересек комнату и включил свет.

У письменного стола стоял человек.

— Оружие на стол. Быстро! — резко проговорил он. — Вот сюда, рядом с книгой.

Букинист узнал книгу, оставленную в парке, и бросился к двери. Там стоял офицер с пистолетом в руке.

— Хорошо, — глухо произнес Тихомиров. — Я сдаюсь...

Что же произошло после того, как «старый букинист» оставил книгу в городском парке?

Почти сразу после ухода Тихомирова к скамье подошел неизвестный и взял книгу.

В то же мгновение он услышал резкий голос:

— Оружье!.. Соппротивление бесполезно!

Лицо неизвестного перекосилось. Он обернулся и увидел вооруженных людей.

— Ничего не выйдем! — и успел поднести ко рту руку с обручальным кольцом.

Смерть наступила мгновенно.

...Тихомиров дал следующие показания.

Он был завербован человеком, которому передавал книги, в тысяча девятьсот сорок третьем году на оккупированной территории в Белоруссии. Знает его как офицера «Джи-ту»¹. Этот человек в свое время снабдил его документами и организовал переход через линию фронта. Всё, что потом делал Тихомиров, он совершал по указанию иностранной разведки.

Настоящая фамилия его была Янпольский. Дворянин. Офицер связи при Врангеле. Всегда один, озлобленный, поверивший в гитлеризм и переживавший его поражение. Таким он был и не скрывал этого сейчас.

Он знал, что пришел конец. Он говорил, что устал жить, ни во что больше не верит. И от сознания безысходности, а может быть, еще и потому, чтобы всё скорей кончилось, — по-видимому, сразу стал говорить правду.

С опустошенной душой, понимающий, что жизнь прожита зря и никому больше он на этом свете не нужен — таким предстал он перед советскими чекистами.

А книга?.. Томик Драйзера?

Конечно, он взял его не случайно. Он знал, что книги Драйзера использовались для шифровки. Ему их приноси-

¹ «Д ж и-т у» — разведывательное управление штаба военного министерства США.

ли разные люди. Все тома — от первого до последнего. Он их передавал «шефу». Пометок на книгах не обнаружил. Кода не знал. Он был стрелочником, незаметным человеком в большой игре. Он это понимал. Он был врагом советской власти. В этом он признался... Но кода не знал...

Какие еще выполнял поручения?.. Передавал данные о передвижении воинских частей, завел дружбу с начальником гарнизонной библиотеки.

И опять повторил: кода не знал.

Это событие произошло незадолго до появления неизвестного передатчика на участке отряда полковника Воронкова. Вот почему майор Безуглый сидел теперь, окруженный двенадцатью томами сочинений Драйзера в издании приложения к «Огоньку».

Как всегда в трудные минуты майор рассуждал вслух и спорил с собой, упрямо подбираясь к истине, которая была где-то здесь, рядом, но пока всё еще ускользала.

Если для шифра пользуются книгой,— рассуждал Безуглый,— то это значит... Это значит, что каждая цифровая группа означает букву. Конечно, при таком способе кодирование отнимает много времени, зато гибкость шифра неоспорима.

Он склонился над бланком.

— Начнем с начала. По этим цифровым группам мне нужно определить систему... Заметьте, товарищ майор, неизвестный пользуется русским текстом. А в русском алфавите сколько букв?.. Правильно, тридцать три.

Безуглый наморщил лоб.

— Почему же тогда в кодограмме встречаются группы: 42, 46, 424?

Он уперся руками в стол. Свел брови.

— Я думаю, здесь важно знать, где поставлена первая цифра, то-есть откуда начинается ключ. Согласны, товарищ майор?

И опять ответил себе.

— Согласен. А дальше ничего не стоит пронумеровать все остальные буквы какого-то текста и по ним составить кодограмму. В этом тексте, например, может встретиться ряд одинаковых букв. Ну, допустим, несколько «А». Значит, разными числами можно обозначить в кодограмме эту ходовую букву. Отсюда в перехваченном тексте числа — 42, 46.

Он помолчал, потер переносицу.

— Вы хотите что-то спросить? Ну, ну же, спрашивайте... Почему шифровальщик старался не пользоваться одинаковыми числами? Вероятно, таково условие кода. Но цифровая группа «88» повторяется. Опять-таки: почему? Либо это не буква, а знак препинания, либо номер, число... Я всё-таки склонен думать, что это точка. Вряд ли нужно было шифровальщику дважды повторять в одном тексте какой-нибудь номер. Может быть, система шифра допускает повторение цифровых групп при обозначении знаков препинания, а, может быть, это просто небрежность шифровальщика. Наконец, последнее. Почему в перехваченном тексте лишь одна трехзначная цифровая группа?

Этот же вопрос, проверяя свою догадку, Безуглый задал начальнику отдела.

— Шифровальщик пользовался малыми цифровыми группами потому, что так ему было удобней,— ответил тот.— Зачем, например, отыскивать в тексте сто первое «А», если оно встречается значительно раньше.

— Ну, а как же появилось — 424?

Начальник отдела задумался.

— Какая-то редко встречающаяся буква вынудила шифровальщика прогуляться по неизвестному нам тексту.

— Правильно! — воскликнул Безуглый, и его глаза заблестели.— Вот и вся система. Теперь будем нащупывать в этих томах отправной пункт, восемьдесят восьмой знак от которого оказался бы точкой, а четыреста двадцать четвертый — буквой, встречающейся впервые.

Глава шестая

НАПРЯЖЕННАЯ ОБСТАНОВКА

Лейтенант Ганиев идет в гости.— Свадебный ужин.— Письмо незнакомки.— Секрет старого профессора.— Наташа хочет работать.— Майор Безуглый терпит неудачу.— Что такое «КВСАМП»?

На границе — напряженная обстановка. Быт пограничников в эти дни можно сравнить с пружиной, которую закрутили до предела, а руку поставили на кнопку: нажми — и вся энергия, сноровка, все виды вооружения будут приведены в действие. Но момент этот еще не наступил,

В один из таких напряженных дней заместитель начальника заставы по политической части Камол Ганиев постучал в дверь квартиры капитана Демина.

Отворила Наташа, жена Демина. Высокая, очень красивая, в домашнем платье, фартуке, перепачканном мукой, она приветливо улыбнулась Ганиеву.

— Как кстати. Извините, у меня руки в муке... Заходите, Сережа у себя.

— Я ненадолго...

— Ой, ой! — испугалась Наташа и зашептала, беря за руку лейтенанта: — Ну, пожалуйста, если можно, не уводите сегодня моего Сережу.

Из кухни доносился запах жареного и приятно щекотал ноздри.

— Нет, не уведу, — улыбнулся Ганиев. — Я прямо из отряда... Хочу доложить...

На кухне со звоном разбилась посуда.

— Вовка! Что ты делаешь? — крикнула Наташа и устремилась в открытую дверь.

Ганиев остался один. Одернув китель и причесав волосы, он постучал в дверь направо.

— А, Камол. Заходи. Прибыл? — капитан Демин стоял у приемника. — Маршем тебя встречаю. Узнаешь?.. Из «Анды»... Садись.

Ганиев уселся на тахту, покрытую свисавшим со стены ковром. Он любил бывать в уютной квартире Деминых, где хоть ненадолго можно было отдохнуть от всегда напряженной, рассчитанной по минутам, жизни пограничной заставы.

— Рассказывай, — предложил Демин. — Ты только что приехал?

Ганиев стал говорить о том, что было на совещании в политотделе, о чем рассказывал полковник Воронков, показал новый график доставки фильмов и их список, заметил, что договорился о дополнительной подписке на газеты и журналы.

Вошла Наташа.

— Ведь вы с дороги, Камол. И очень вовремя пришли. — Она стала накрывать на стол. — Сергей, где у тебя шампанское?

— Ах, да, — спохватился он. — Сейчас принесу.

— Что у вас за торжество? — спросил Ганиев.

— А вы не знаете? — Наташа засмеялась. — Эх, вы. А еще комиссар... Мне кажется, весь мир знает. Сегодня наш юбилей. Еще не золотая и не серебряная свадьба, но всё-таки...

— Вот оно что! — сказал лейтенант и, поздравив ее, спросил: — А Володьку куда дели?

Звон разбитой посуды снова послышался из кухни.

— Наверное, вторую тарелку разбил! — выбегая из комнаты, ответила Наташа.

— Ведите его сюда! — крикнул Ганиев.

Демин вернулся с шампанским.

— Ты чего смеешься?

Ганиев поднес палец к губам, прислушался.

— А-а-а! — пропищал тоненький голосок.

Дверь открылась.

— Ну конечно, — приговаривала Наташа, легонько подталкивая сзади упиравшегося мальчугана. — Так и есть. Разбил!.. Уймите, наконец, этого разбойника.

Демин подхватил сына и высоко поднял над головой.

— Вот я тебе покажу! — пригрозил отец.

— И нет, и нет! — смеялся мальчик, барахтаясь в воздухе.

Демин перехватил напряженный взгляд Ганиева и, точно отвечая его мыслям, сказал просто:

— А ты женись.

— Некогда, — признался Ганиев. — Училище окончил и сразу сюда.

Он вспомнил зеленый туннель из переплетающихся деревьев, что протянулся от вокзала через всю центральную улицу — проспект Ленина. Мост через бурлящую, с ледяной водой Душанбинку. Дом на высоком обрыве...

— О чем задумался? — спросил капитан.

— Дом вспомнил, — не сразу ответил Ганиев и добавил: — Вот она, пограничная жизнь.

— А хочешь, я тебе расскажу, как мы с Наташей познакомились? — вдруг предложил Демин.

— Конечно, хочу, — улыбнулся Ганиев и, взяв на руки мальчугана, вытащил из кармана плитку шоколада.

— Ну, слушай!..

— Потом, Сереженька! — запротестовала Наташа. — Садитесь за стол. А Вовку дайте, я умою.

— И нет, и нет! — закричал мальчик, вцепившись в португею лейтенанта.

Вот я тебе покажу! — Она подхватила сына. А он хохотал и вырывался.

— Так как же вы познакомились? — Ганиеву, видно, доставляло удовольствие говорить о Наташе.

— Сейчас. Вначале все вместе выпьем, — ответил Деми: приглашая своего заместителя к столу. — Поднимем тост за одного доброго профессора, — предложил он, переглянувшись с Наташей, и откупорил бутылку.

— За кого? — не понял Ганиев.

— Пей! — чокаясь с ним, повторил капитан. — Сейчас расскажу.

Война застала Демина на западной границе. В составе пограничного полка он командовал взводом, потом ротой. В январе сорок пятого года был тяжело ранен, попал в госпиталь.

Однажды старый профессор, уже заканчивая обход, подошел к Демину.

— А это вам, — сказал он, подавая письмо.

— Спасибо.

Сергей с любопытством взглянул на конверт. Адреса не было.

— Но почему же мне?

— Именно вам, — подтвердил профессор.

Сергей вскрыл письмо. Неизвестная женщина посылала ему привет и желала скорей поправиться.

— Вы уверены, что это написано мне?

Профессор пожевал губами.

А кому же?

— Не понимаю.

— Она спасла вам жизнь.

— Как? — опешил Сергей, порываясь подняться.

— Да вы лежите, лежите, — остановил его профессор.

Всё очень просто: она дала вам свою кровь, вот вы и встали на ноги... Ну, положим, еще не совсем встали, — уточнил он, — но теперь уже нет сомнения, что встанете.

— А где ее можно найти? — живо спросил Сергей.

В нашем институте. Вот поправитесь и — милости просим.

— Кто она?

— Придет время — узнаете.

— Ну, всё-таки?

А разве письмо не подписано?

Подписано...

— Ну вот. И поправляйтесь,— добродушно повторил профессор.

Демин старался отгадать, кто же эта неизвестная женщина? Конечно, ему всё равно, какая она из себя. Он просто должен поблагодарить ее. И всё же очень хотелось, чтобы она оказалась его сверстницей.

Наконец Демин выписался из госпиталя и тотчас отправился в медицинский институт. У подъезда остановился, не решаясь открыть дверь. Постоял немного и удалился вглубь тенистого сада. Вдохнул. Поправил портупею и снова подошел к подъезду.

— Э, да вы тут? — услышал он знакомый голос и очень обрадовался.

— Профессор?!

Понимаю, молодой человек,— одобрительно закивал профессор.— Ну, уже виделись?

— Нет... Не знаю, понимаете ли, как ее найти.

— Это мы устроим,— успокоил профессор.— Садитесь на скамейку и ждите.

Сергей подчинился. Почему-то пересохло во рту. Не отрывая глаз от двери, он машинально расстегнул верхний крючок на кителе.

Массивная дверь открылась. Сергей подался вперед.

Седая, полная женщина, должно быть страдавшая астмой, тяжело спускалась с крыльца. Она шла, на каждую ступеньку ступая левой ногой и неуклюже приставляя правую.

Сергей смотрел растерянно.

Женщина тоже взглянула на него, остановилась:

— Вы что-то хотели спросить?

— Я? — ответил Демин.— Нет... То есть... Простите, как ваша фамилия?

Она удивленно подняла брови. Назвалась.

— Извините, ошибся! — отчеканил Сергей и с особым удовольствием козырнул.

Женщина пожала плечами.

Демин взбежал на крыльцо. Снова открылась дверь. Он чуть не столкнулся с какой-то девушкой. Она смотрела на него с любопытством. Ямочки на щеках девушки стали глубже, когда она улыбнулась и хотела посторониться.

— Вы... Это — вы?! — спросил он, тоже улыбаясь.

— Да, — ответила девушка, — если вы тот самый лейтенант, который должен был ожидать меня на скамейке.

— Да...

Они весь день провели вместе. Поздно вечером, провожая Наташу домой, Сергей расхрабрился и поцеловал ей руку. Они договорились встретиться на следующий день. Демину предстояло получить назначение, и Наташа обещала проводить его. Ее волновала судьба человека, которому, как говорил профессор, она вернула жизнь.

На пересыльном пункте Сергея откомандировали в распоряжение начальника пограничных войск.

Демин переписывался с Наташей. Во время отпуска они встретились снова.

— Что я у тебя на заставе буду делать? — говорила Наташа. — Я хочу работать. Я же — врач.

— Будешь работать, Наташенька, честное слово! — обещал Демин.

— Обязательно поезжайте, — посоветовал ей профессор. — И быть иначе не может...

— Действительно, стоит выпить за профессора, — согласился Ганиев, внимательно слушавший эту историю.

Он часто видел другую Наташу. Не ту, что беззаботно смеялась с ними сейчас, прижимаясь щекой к золотистым кудряшкам сына, а сосредоточенную и ловкую, в белом медицинском халате.

Сколько раз ночью приезжали за ней из дальних горных кишлаков. сколько прочла она лекций для колхозных женщин, сколько времени тратит на фельдшерском участке... А как ее уважают пограничники!

Однажды Ганиев поехал с доктором Деминой по вызову на соседнюю заставу. Ей богу, надо иметь очень сильные «хирургические» руки, чтобы так быстро и точно вправить вывих. Или случай, когда она поставила на ноги солдата, который сутки полз по мокрому снегу, выслеживая нарушителя...

Да, без этой, другой Наташи, не могли обойтись и застава, и многочисленные кишлаки.

Ганиев посмотрел на часы и заторопился.

— Скоро концерт начнется, товарищ капитан. По заявкам пограничников. Надо пойти в ленинскую комнату.

— Идите. И я сейчас пойду, — сказал Демин.

— Опять? — с упреком спросила Наташа.

— Нет, вы оставайтесь,— попытался уговорить Ганиев, вспоминая о своем обещании не уводить капитана.

— Надо, Наташенька,— мягко сказал Демин, целуя жену.— Я скоро вернусь.

Итак, несмотря на напряженное положение, кто-то предавался приятным воспоминаниям, собирався слушать концерт для пограничников, устраивал семейные ужины...

А майор Безуглый всё сидел над Драйзером. Попробуй определи, откуда начинается ключ?!

Один том, другой... Где же он, ключ, черт возьми!

Вряд ли исходный пункт шифра находится в середине текста. Так и самим нетрудно запутаться. Скорей всего надо искать его в начале страниц или глав.

«Попробуем»,— решил Безуглый и сразу — разочарование.

В первой главе первого тома начальная фраза состояла более чем из трехсот знаков. Восемьдесят восьмой оказалась буква «Л», а вовсе не точка. Четыреста двадцать четвертым было «Е». Но оно встречалось значительно раньше.

Первая в тексте точка была триста двадцать восьмым знаком. После нее начинался новый абзац.

Может быть, пробельный материал тоже нужно разбить на типографские знаки?

Тогда четыреста двадцать четвертым оказывалось «К». Но с этой буквы велось повествование, и тут, по мнению Безуглого, скорее всего должен был начинаться ключ.

Он таким же образом проследил еще несколько страниц и взял за отправной пункт последнюю точку в главе. Снова ничего не получалось.

Тогда он перебрал все главы первого, второго, третьего томов. Безрезультатно!..

— Эх, майор,— рассуждал майор Безуглый,— начало ключа следует искать с первого знака верхней строки каждой страницы.

И опять неудача.

Правда, восемьдесят восьмым знаком иногда оказывалась точка, но четыреста двадцать четвертый не был буквой, встречавшейся в этом тексте впервые.

Пробовал майор не обращать внимания на четыреста двадцать четвертый знак и заменял цифровые группы буквами. Получалась бессмыслица.

В одном случае, где-то в середине восьмого тома, и семьдесят восьмой знак оказался точкой и четыреста двадцать четвертый буквой «Щ», единственной в этом тексте. Безуглый обрадовался и стал расшифровывать.

18 25
Н А

Сорок второй знак — пробел.
Значит первое слово «НА».

10 1 2 7 8 27
К В С А М П

И снова разделительный знак.

«Что это еще за «КВСАМП»? — недовольно подумал майор. Опять, вероятно, ошибка.

Он попросил одного из своих помощников вскипятить чай и взялся за следующий том.

Нужно только догадаться, из каких элементов складывалась система неизвестного кода. Допустим опять-таки, что семьдесят восьмой знак — точка, а четыреста двадцать четвертый — буква, встречающаяся впервые.

Ну, а еще что?

И он снова склонился над книгой с металлическим строкомером в руках.

Глава седьмая

ПОСЛЕ РЕЙСА

В ожидании колонны. — «Чужая семья — потемки».

Петр Калачкин интересуется литературой. — Случайная встреча. — Странная дружба

Диспетчер автопарка Зинаида Махрова в этот день не работала. Но она пришла в гараж рано и сидела в своей комнатке, где непрерывно звонил телефон. На ней была беличья шубка и самые модные в городе ботинки с молнией, отороченные мехом. Губы ярко накрашены. Брови подведены. Не подумаешь, что простой диспетчер.

Сменный дежурный — молодая женщина с изможденным лицом, взглянула на подругу и тихо вздохнула. Колочим показался ей свой платок, в который была закута-

на, тяжелой — телогрейка с мужниного плеча, тесными — ботинки.

Махрова сказала участливо:

— Иди-ка ты, Надюша, приоденься. А я пока поде-
журю.

— А если придет колонна?

— Раньше чем к обеду не придет, ты знаешь.

Дежурная не двинулась с места.

— Ну же! — поторопила Махрова.

Надежда опять вздохнула и просветлевший было взгляд
ее погас.

— Ни к чему...

Махрова знала, что Надежда плохо живет с мужем. На
людях обходительный, а дома деспот: и то ему было не так,
и это. А главное, вот уже второй год не хотел регистриро-
вать брак.

Друзья по работе пробовали вмешаться:

— Что-то, Игнатюк, с женой у тебя неладно получается.

Он разводил руками:

— Не знаю, не знаю... Устала, наверно... Бросай, гово-
рю, работать. Отдохни. Не хочет... Ну, разберемся.— И
брал жену под руку.— Идем, Надежда.

В другой раз он отвечал:

— Чужая семья — потемки!

А иногда при людях обращался к жене:

— Ты, по-моему, не можешь на меня пожаловаться...

Махровы жили по соседству, и часто заплаканная Надя
приходила к Зине отвести душу. Она ничего не рассказы-
вала. Только вздыхала.

— Опять кричал? — спрашивала Зина.

Надя молчала.

— Я слышала, кричал! — настаивала Махрова.

Надежда прятала глаза, покрасневшие от слез.

— И что он за человек? — удивлялась соседка.— Со
всеми вежливый, а с тобой...

Та отвечала с дрожью в голосе.

— Не любит он меня.

— Так уйди!

Надежда с трудом выдавливала:

— Не могу!..

Она любила.

...Колонна вернулась из рейса во второй половине дня.

Бензовоз Игнатюка затормозил у диспетчерской. Надежда вышла навстречу в новом демисезонном пальто. Махрова всё-таки заставила ее переодеться.

Игнатюк приветливо помахал Надежде. Со стороны казалось, что он радуется встрече.

«Что за человек?» — снова подумала Махрова, прижимаясь к окошку диспетчерской.

Она всегда одевалась нарядно, когда встречала мужа. Вместе они пошли домой.

Возле городской библиотеки повстречались с шофером Петром Калачкиным. Он был уже изрядно навеселе.

— Куда, паря? — усмехнулся Махров.

Калачкин бочком обошел его.

— В биб-ли-о-теку! — он пьяно улыбнулся.

— Куда, куда? — не поверил Махров.

— В биб-ли-отеку, — повторил Калачкин и, действительно, пошел в библиотеку.

Махров нахмурился. Жена взяла его под руку.

— Не набедокурил бы, — ответил он на ее немой вопрос. — Что-то раньше я не замечал у него страсти к книгам.

— Пусть читает, — сказала она.

— Да пусть...

Махров любил возвращаться домой из рейса. Пока умывался, жена подала обед. Сегодня можно было и выпить. Он очень устал, продрог.

После обеда взял газету и прилег на диван.

Проснулся — в комнате темно. Из кухни доносились приглушенные голоса.

Махров прислушался.

— Куда же он пошел? — это спрашивала жена.

— Не знаю.

— Но ты с ним говорила?

— Он сказал: по делам.

— Эх, Надя, Надя!.. — И после паузы: — Опять плачешь?

Махров встал.

Женщины слышали скрип половиц в комнате и умолкли.

— Я пойду! — сказала Надежда, скрываясь за дверью.

— Кто там, Зина? — спросил Махров.

— Надя была...

— Опять ссорятся?

Жена не ответила.

— Сходим в кино? — предложил Махров.

Зина вошла в комнату, включила свет. Махров зажмурился. Лицо было помято со сна.

А ты не устал? — спросила она.

— Сходим, сходим! — повторил он. — Одевайся, как раз успеем на последний сеанс.

Домой они возвращались поздно. Шли быстро и вскоре приблизились к одинокой парочке. Махров замедлил шаги, переглянулся с женой. Впереди шли шофера Игнатюк и Калачкин. Петр еле волочил ноги. Игнатюк поддерживал его.

Махров свел брови:

— Не нравится мне их дружба.

— А я и не знала, что они дружат, — сказала Зина. — Догоним?

Он придержал ее за руку:

— Пусть идут

Глава восьмая

НА ТОЙ СТОРОНЕ

Неожиданная находка. — Воспоминания бывают разные. — Фукс может сменить погоню. — Тугай возвращается ночью. — Что делает ретушь.

Если провести прямую линию от перевала Кыз-Байтал на юго-восток, то она пересечет границу, вонзится в оконеченное тело закрытой тучами вершины, повиснет над бездной, снова встретит на своем пути горы, и, наконец, приведет в небольшое селенье и застрянет там среди вросших в землю кибиток.

Тугай пришел домой поздно. Злой. Сел у сандала¹.

На душе скверно. Черт знает, как скверно!.. Перепил?.. Может быть. Не допил?.. Тоже может быть... Всё может быть!!!

На дворе — погань: ветер, мокрый снег. Тугай провел рукой по спине. Мокрая. Скинул халат.

Да, ветер так и гонит вниз. Гонит. А куда вниз? Куда спешить?..

¹ С а н д а л — низкий столик над жаровней с углями, находящейся в углублении пола.

Мать в засаленном платье что-то прошамкала беззубым ртом. Он не сразу сообразил, о чем она говорит. Мысли заняты другим.

Старуха просила деньги.

Тугай посмотрел на нее: точно впервые увидел морщинистое лицо, сухие, загрубевшие руки. А ведь говорят, когда-то была красавицей...

Мать тоже взглянула на него: как он изменился. Нос вытянулся, на щеках резко обозначились скулы. Да и не только внешне изменился он с тех пор, как стал вести непонятный ей образ жизни. Но старуха не спрашивала его об этом — ей нужны были деньги.

Она в третий раз обратилась к нему. Вытянула руку Фу ты, как нищенка. Тугай достал кошелек.

Слезящиеся глаза старухи блеснули.

Тугай попробовал кошелек на вес. Потом равнодушно бросил матери. Старуха подхватила кошелек, перешагнула через лежащего на полу юношу, подошла к сундуку и достала лепешку. Затем пододвинула сыну миску. Он нехотя хлебнул и задумался.

Мать отчужденно посмотрела на сына. Вдруг, что-то вспомнив, бесцеремонно вытащила из-под головы спящего юноши кожаную сумку. Протянула Тугаю, объяснила, что сумку сегодня нашел Туйчи.

Она кивнула на спящего.

Тугай повертел в руках сумку, разглядел вырезанную на ней звезду и, не вставая с места, толкнул ногой племянника. Тот поднялся, испуганно озираясь.

— Где нашел?

Юноша не ответил и повернулся на другой бок. Тугай ударил его по спине.

— Ну?

Туйчи, подавляя нараставшую обиду, сказал:

— Рыл во дворе яму...

Тугай больше не слушал. Пытался вспомнить, как эта сумка попала сюда. У кого была раньше? Отец когда-то привез? Да, может быть...

Он расстегнул ремешок сумки и вытащил сверток, обернутый промасленными тряпками. Удивленно повертел в руках, развернул. На пол выпали свернутые трубочкой выцветшие от времени фотографии. Тугай резким движением поднял их и стал с любопытством разглядывать.

На одном из снимков — отец. Странно... А кто же другой?.. Совсем еще юноша... Черт возьми, где-то встречались. Но где? Где?

Он закрыл глаза, и вдруг в памяти ярко всплыла давно забытая картина. Это было давно, лет двадцать пять назад. Громадный костер. Отец — верхом на коне. Вокруг басмачи. Конь храпит, пятится. Отец хочет, чтобы конь наступил копытами на пленника, на связанного юношу, лежащего у костра. Рядом человек в меховой куртке и клетчатых брюках. Он улыбается, направляет на юношу фотоаппарат. Господин, господин... Как его фамилия?.. Ведь это он привозил оружие... Кажется, господин Смит...

А кто этот юноша?

Тугай напряг память.

— Постой, постой! — Тугай кажется вспомнил. — Ведь это — Ахмед, сын Ибрагима!..

О, если бы он, Тугай, встретил сейчас этого Ибрагима! Этот проклятый чабан заманил отца в ловушку на старом посту.

Он вскочил и выбежал на улицу.

Скорее к Фуксу!..

Ремешок сумки, крепко зажатой в руке, хлестал его по ногам.

Тугай служил в «экспедиции» Фукса. Там знали его отца — свирепого Алибека. Разбитый краснопалочниками,¹ Алибек бежал за кордон. Потом с остатками банды снова перешел границу. Три дня грабил и жег селения, но был пойман советскими пограничниками. Тугай, старший сын Алибека, давно знал Фукса. Он приезжал сюда во время войны и вот сейчас снова не забыл Тугая.

Мистер Фукс жил в доме ишана, занимал четыре комнаты и застекленную террасу, где стояла стереотруба.

Тугай без стука вошел в кабинет и положил на стол потертую фотокарточку.

— Вот. Случайно сохранилась.

— Что это? — недовольно спросил Фукс, закрывая книгу, которую он читал, газетой.

— Это сын краснопалочника. Я вспомнил: он попал к нам в плен... А старик, мне кажется, жив.

¹ Краснопалочники — так называли местных жителей, которые, вступив в добротряды, боролись с басмачами.

— Колхозник?

Тугай кивнул:

— Я знаю, его зовут — Ибрагим. Давно пора с ним рассчитаться.

Фукс просиял:

— Вы говорите, что это его сын?

— Это он, — ответил Тугай.

— Тогда, мистер Тугай, могу вам обещать, что вы обязательно рассчитаетесь с этим Ибрагимом... Не желаете ли виски? — Фукс пододвинул стакан к Тугаю. — С соком?.. Прямо так?.. Пожалуйста... Но вначале нужно узнать всё про старика...

Они долго говорили и расстались довольные друг другом.

Трое суток спустя Тугай снова пришел к Фуксу. Он с ожесточением пнул подвернувшуюся под ноги собачонку и опустился на ковер.

— Ну что?

— Виски! — прохрипел Тугай. — Я замерз.

— Да говорите же! — пододвигая бутылку, нетерпеливо произнес Фукс.

Тугай сделал несколько глотков. На ковер по халату стекали грязные потеки.

— Видел. Он жив, — переводя дыхание, ответил Тугай. — С отарой овец... И где живет — знаю. Один живет...

Ну?

Пока больше ничего сделать не мог. — Тугай поставил на стол пустую бутылку. — Снова пойду.

Фукс кивнул в знак согласия.

— И пойдете не один, — заметил он. — У Ибрагима придется немного погостить. А чтобы он хорошо встретил, я кое-что придумал.

Фукс быстро подошел к столу, выдвинул ящик.

— Смотрите, мистер Тугай! — сказал он.

Тугай встал.

— О! — вырвалось у него, когда подошел ближе. На столе лежала фотография.

— Ну как? Похож? — довольный произведенным эффектом спросил Фукс. — Тонкая работа, не правда ли? Ретушь и пересъемка. Как вы думаете, мистер Тугай, этот пастух обрадуется? Ведь сын — совсем как живой...

Тугай усмехнулся.

Глава девятая

ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ

Ветер, ветер, ветер.— Концерт для пограничников.— Связной от Ибрагима.— «Ракету! Залп! Огонь!» — Благодарность — История Ибрагима.— «Почему он такой хмурый. Очень странно...».

К вечеру появились тучи. Горы потемнели и как бы придвинулись. С наблюдательной вышки по винтовой лестнице спустился часовой.

Все на заставе знали, что начинается выюга. Ветер свистел по ущелью. По дороге плыла поземка. Тучи стремительно неслись к скалам, нанизывались на остроконечные пики.

Часовой приподнял капюшон брезентового плаща: да, лихо будет сегодня в наряде!..

Свободные от службы пограничники собрались в ленинской комнате. Стулья в парусиновых чехлах, сдвинутые с обычных мест, окружили столик с радиоприемником.

Теперь познакомим читателя с собравшимися. Солдаты Гебридзе и Петренко лениво листают журналы. Тут же сержант Обручев. На диване лейтенант Ганиев, только оставивший свадебный ужин у капитана Демина. Рядом с ним — Зубарев и старший сержант Резников, тот самый, которому Обручев привез портсигар.

Резников непосредственный начальник Зубарева, инструктор службы собак. В отряде его все называют: «Наш Карацула». А кто на границе не знает Никиту Карацупу — знаменитого следопыта?

Резников тоже человек бывалый. И есть у него Барс. Барс — это не Ральф: три медали!.. А у Ральфа, может быть, тоже будут медали! Ральф, он ведь какой?.. Он всё может. И вожатого слушается. Ну был случай, когда он чуть не порвал шофера. Так ведь этот шофер, как там его, сам виноват!..

И еще несколько человек в ленинской комнате.

А где же старшина Каримов, лучший джигит? Он задержался: отпускал продукты на кухню. А когда пришел, все места уже были заняты. Зубарев предупредительно встал.

— Садись, земляк,— сказал сержант Обручев, уступая ему краешек стула.

Послышались знакомые позывные.

— Говорит Москва. Передаем концерт по заявкам пограничников. Слушайте...

— Ой, ой! — воскликнул Гебридзе. — Первый номер по моей заявке — ария Кето из оперы «Кето и Котэ» Долидзе!.. Наконец в чем-то я оказался первым, — говорил он, хитро глядя на старшину Каримова.

Концерт продолжался. Тепло было в ленинской комнате. А на улице — темень, ветер, метель.

Снег слепил глаза. От ветра, бившего в лицо, на глаза навертывались слезы. Часовой помахал ресницами и вновь стал всматриваться в темноту. В свирепом завывании вьюги трудно было различить какой-нибудь посторонний звук. Но он всё-таки уловил приглушенный цокот. Кто-то скакал к заставе.

— Стой! — громко окликнул часовой, вскидывая автомат. — Кто идет?

— Свои-и! — донеслось по ветру. — Это я — Саттар. Волки напали. Целая стая...

По сигналу часового выбежал дежурный.

— Скорее! — повторил Саттар задыхаясь. — Напали волки! Там Ибрагим и еще один...

Дежурный еле успел схватить коня под уздцы.

— Не горячись, Саттар, — сказал он спокойно. — Сейчас доложим начальнику заставы.

Демин всё понял с полужафрызы.

— В ружье! — приказал он, называя фамилии пограничников. — Старший наряда — старшина Каримов.

Через минуту наряд выезжал из ворот заставы.

— За мной... галопом, — скомандовал старшина, — марш-маррррш!

Саттар показывал дорогу. Всадники свернули в ущелье. Ветер усилился. Всё ближе доносилось тревожное блеяние, крики.

— Гебридзе, ракету! — приказал старшина.

Огненный шар взметнулся к небу, осветил местность. Каримов разглядел: старый Ибрагим и младший чабан крутились на конях, камчами¹ отгоняя хищников.

Овцы, сгрудившись, давили друг друга. Матерый волк прыгнул на ягненка, но сторожевая собака перехватила зверя и, впившись в горло мертвой хваткой, прижала к

¹ Камча — плетка.

земле. Другой пес кувыркнулся, кусая повисших на его боках волков.

— Ракету!.. Залп в воздух!.. — приказал старшина Каримов.— Огонь!

— Так вам, так! — с остервенением кричал Обручев, подминая конем волка.

— Еще ракету!

— Р-раз! — на всем скаку наклоняясь к земле, выдохнул Петренко, опуская клинок.

— Ракету!.. Залп!! Огонь!!!

Волки разбежались. На земле остались четыре волка. Их окружили собаки.

Пограничники подъехали к чабанам. Старшина протянул Ибрагиму руку.

— Рахмат!¹ — ответил старик, выпрямляясь в седле.

Старшина подъехал к старику так близко, что задел ногой его стремя.

И вдруг Ибрагим перегнулся через седло, по-отцовски нежно прижал старшину к себе.

— Ну что вы, — смущенно сказал Каримов, осторожно высвобождая руки.

Ибрагим сразу отпустил его, отвернулся.

— Прости, — сказал он с горечью. — Ведь я тебя, как сына...

Старшина окончательно смутился.

В это время Ибрагим наткнулся на распластанного ягненка.

— Эй! — крикнул Ибрагим. — Ягненка перебинтовать надо!

— Бинты есть? — спросил Каримов.

— Есть! — Ибрагим спешился.

— Все равно сейчас дадим еще и йоду... Гебридзе, аптечку!.. Перевязку... — распорядился старшина.

Несколько минут спустя отага медленно двинулась. Пограничники сопровождали ее. Ибрагим сидел в седле прямо, держа на руках перебинтованного ягненка.

Старшина Каримов ехал рядом с Ибрагимом. Старик время от времени тяжело вздыхал.

Вообще на суровом лице Ибрагима редко появлялась улыбка. Он был нелюдимым. Все знали о его гооге. Это было давно. Басмачи убили сына и жену. С тех пор Ибрагим жил один.

¹ Р а х м а т — спасибо.

Его пробовали приглашать на все колхозные празднества. Он отказывался. Только в день Советской Армии сам приходил в Дом культуры в новом халате, с орденом «Знак Почета» и двумя медалями на груди, внимательно слушал докладчика, первым вставал, когда предлагали почтить память павших в боях за родину, и незаметно уходил.

Уже все привыкли к его странностям. Он жил один, на краю села, в глиняной кибитке, вдалеке от других домов. Комсомольцы хотели было взять шефство над его жилищем, но он не принял их помощи. Если же к нему приходили — встречал гостеприимно, хлопотал, не отпускал без угощения.

В молодости Ибрагим был охотником. Теперь работал старшим чабаном элитной отары, считался одним из лучших чабанов в районе. В Доме культуры на Доске почета висел его портрет.

...Старшина Каримов ехал рядом с Ибрагимом. Он безуспешно пытался заговорить с ним и досадовал на себя, что отклонил неожиданную ласку старика.

Ветер бесновался. Дороги не было видно. Поэтому Ибрагим выехал вперед, как бы прокладывая дорогу в снегу.

На развилке остановились. Помощник Ибрагима Саттар пригласил пограничников в гости.

— Прости, дорогой, — ответил Каримов, — служба не ждет. И так уже сколько времени прошло, как выехали с заставы!

Ибрагим молчал.

«Почему он такой хмурый? Очень странно...» — подумал, глядя на Ибрагима, сержант Обручев.

Глава десятая

«ВСЕ ГОТОВО. ЖДЕМ»

Полковник Воронков задает вопросы. — Ключ найден! — Кто читает Драйзера? — Следы ведут в автопарк. — Почему Петр Калачкин не взял книгу? — Новая кодограмма. — След на 123-м километре. — Майор Безуглый снова ломает голову. — «Все готово. Ждем».

Полковник Воронков, как и многие другие в эти дни, задавал себе вопросы. На некоторые из них ответить было непросто.

— Где могут пойти неизвестные?
На каком участке?
— У капитана Демина?
— А может быть, у тригонометрической вышки?
— Что, если скрывающийся на нашей территории радист нарочно дал запеленговать себя? Расчет прост: мы сосредоточим силы в районе Кыз-Байтала и оголим другие участки...

— Какие нужны группы усиления? Куда их направить?

— Где на дороге расставить людей?..

Зазвонил телефон.

— Есть новости! — проговорил голос в трубке.

— Конечно, сейчас буду, — ответил полковник.

Вскоре он уже понял по улыбающемуся лицу майора Безуглого, что шифровка прочитана.

— Введите полковника в курс дела, — сказал начальник отдела Безуглому.

— Том третий, глава первая, — начал объяснять майор. — Ключ начинается отсюда. — Он показал страницу. — Цифровая группа — восемьдесят восемь — точка. Четыреста двадцать четвертая буква «Ж», встречающаяся в этом тексте впервые. Хотите проверить? Пожалуйста. Не пропускайте знаков препинания и пробелы между словами тоже считайте за знак.

Что же получается? — спросил полковник.

«Все готово. Ждем.» — ответил майор Безуглый.

— И больше ничего?

— Больше ничего, — Безуглый обиженно пожал плечами.

— Скупо...

— А вы проверьте, — предложил Воронкову начальник отдела. — Это любопытно.

Полковник взял раскрытую на пятой странице книгу и начал читать вслух:

Город этот изобиловал красивыми парками, величественными зданиями и памятниками старины. Многие из того, что знаем мы и что позднее узнал Фрэнк, тогда еще не существовало — телеграфа, телефона, доставки корреспонденции на дом, городской почтовой сети и океанских пароходов. Не было почтовых марок и заказных писем. Еще не появилась конка. На близких расстояниях курсировали бесчисленные омнибусы, а для дальних путешествий служила...

Ключ начинался от заглавной буквы в слове «Город». Действительно, восемьдесят восьмой знак — точка. А буква «Ж», впервые встречается в слове «служила» и, если посчитать все типографские знаки, как предлагает майор Безуглый...

Полковник стал считать.

Верно. Четыреста двадцать четыре.

Он посмотрел на бланк с цифровыми группами:

18 25 42 10 1 2 7 8 27 17 88

21 424 5 46 29 88

Восемнадцатый типографский знак — «В». Двадцать пятый — «С». Сорок второй — «Е».

Правильно!

Воронков улыбнулся:

— Ну, я же говорил, что у вас талант!..

Вы помните: упоминание о таланте было любимой сказкой полковника Воронкова. И он был прав: без таланта не добьешься успеха в любом деле.

Позже, расхаживая по своему кабинету, полковник думал, что скоро надо ожидать «гостей» с той стороны. Но где? Когда?..

Перехваченная кодограмма так и осталась без ответа. После того, как она была расшифрована, органы государственной безопасности могли сообщить пограничникам единственную примету лазутчика: предатель, завербованный иностранной разведкой. Иначе бы он не пользовался для связи русским текстом. Другие данные пока были неизвестны.

...Еще раз самым тщательным образом проверяли водителей, доставляющих грузы на высокогорье. До сих пор их биографии казались безупречными: кадры в автопарк подбирались тщательно.

А пока не мешало выяснить, кто в городе читает Драйзера. Появился длинный список на многих страницах. Постепенно он сокращался, ибо огромное большинство читателей было вне всяких подозрений. В списке осталось несколько человек, в том числе председатель местного комитета кирпичного завода Новосельцев и технорук автопарка Беленький. Они являлись подписчиками собрания сочинений Драйзера в приложении к «Огоньку».

И тот и другой меньше всего вызывали подозрение. Новосельцев — уроженец этих мест, вся жизнь его была

хорошо известна. Технорук — болезненный молодой человек, сын местного адвоката, увлеченно собирающий домашнюю библиотечку. Отпали и они. Но беседы с ними навели на след.

— Может быть, вы знаете, кто еще увлекается Драйзером? — был задан вопрос.

Беленький сразу ответил отрицательно: он никому своих книг не дает.

Новосельцев сказал, что Драйзером интересуется диспетчер автопарка Сухорукова. Она где-то достала том Драйзера. Книга (Новосельцев не мог вспомнить, какой это был том) ей понравилась. И тогда он дал ей «Американскую трагедию». Она вернула эту книгу и собиралась зайти за другой, но пока не заходила. Видно, не до книг. Жена говорила, что она не ладит с мужем. Он — шофер, фамилия его Игнатюк.

Итак, первую книгу диспетчер Сухорукова достала сама. Где? В городской библиотеке она не записана.

Заведующая библиотекой сообщила, что на днях Драйзера спрашивал шофер Петр Калачкин. Он никогда раньше не заходил в библиотеку, а тут согласился заполнить абонементную карточку и потребовал «Финансиста».

Третий том сочинений!

Но Калачкин книгу не взял. Он повертел ее в руках и сказал: слишком толстая, не прочту. Другой книги не спросил. Постоял, затем выглянул в окно и бросился кого-то догонять... В библиотеку же пришел один. Правда, перед этим разговаривал с другим шофером — Махровым. Заведующая случайно видела их в окно кабинета.

Зачем Калачкину понадобился Драйзер? И уж не потому ли он вернул книгу, что не устраивало издание?

Нетрудно было установить, что Калачкин в дружеских отношениях с Игнатюком. Вспомнили, что жена Игнатюка — Надежда Сухорукова, тоже интересовалась Драйзером. Нет ли здесь связи?

Вторично послали запросы во все места, связанные с биографией Василия Махрова и его жены. Какие были улики? Пока только косвенные: с Махровыми разговаривал Калачкин перед тем, как зайти в библиотеку. Махровы жили по соседству с Игнатюком.

Больше подозревать было некого.

Прошло еще несколько дней. Неизвестный передатчик молчал. Уж не скрылся ли вражеский разведчик?..

Но он снова напомнил о себе.

Случилось это десять дней спустя, в пятницу. Ровно в 22.00. Опять в 22.00 по местному времени была запеленгована коротковолновая радиостанция. Она выплеснула в эфир несколько цифровых групп и замолчала.

На этот раз таинственный передатчик работал в другом месте.

Поисковые группы вернулись ни с чем.

На сто четырнадцатом километре шоссе кроме следов автомобильных шин ничего обнаружить не удалось. Правда, было заметно, что какая-то машина сворачивала на обочину и буксовала. По-видимому, она останавливалась и не могла сразу взять с места. Характерных особенностей покатышек не обнаружено.

Поиски усложняло еще и то, что контрольно-пропускной пункт на этой дороге расположен значительно дальше, и подозрительная машина могла вернуться, не достигнув его.

Действительно, на сто двадцать третьем километре кто-то разворачивал трехтонку. Старались определить, куда ведет след, но он затерялся в одном из населенных пунктов.

Тем не менее, укрепилось мнение, что радиста надо искать среди шоферов автопарка.

Решили установить, кто из водителей, проезжавших Кыз-Байтал десять дней назад, был в пятницу на сто четырнадцатом километре. Таких водителей оказалось шестнадцать. Были среди них и те, на кого больше всех падало подозрение.

У майора Безуглого снова прибавилось работы. Вначале он думал, что быстро прочтет шифрограмму. Перед ним лежал бланк с цифровыми группами:

31 50 44 12 19 40 51 49 36 47 71
18 58 48 25 29 78 71

Пользуясь уже известным ключом, Безуглый набросал на чистом листе бумаги, начиная с пятидесятого знака, потому что тридцать первый оказался пробелом:

«ЕИЗА НВАСМ...

Получилась бессмыслица.

Собственно, еще не приступая к работе, майор уже знал, что текст не сойдется. Как и в первой кодограмме,

бросилось в глаза, что все цифровые группы здесь разные, за исключением одной: теперь повторялось не восемьдесят восемь, а семьдесят один. Если предположить, что код допускает повторение только знаков препинания, станет очевидным, что начало ключа нужно искать в другом месте.

Неужели снова перебирать всё двенадцатитомное собрание сочинений Теодора Драйзера?.. Сколько же на это потребуется времени?!

Прежде всего майор решил исследовать «Финансиста», который однажды уже сослужил ему свою службу, ориентируясь на то, что семьдесят первый знак должен быть точкой.

И снова строкомер загулял по книжным листам.

Безуглый различными вариантами исследовал первую главу. Несколько раз казалось, что ключ найден. Семьдесят первый знак был точкой. Но когда майор заменял цифровые группы буквами, получалась абракадабра.

Прежде чем приступить к исследованию других глав, майор задумался. Почему, спросил он себя, в прошлый раз ключ находился в первой главе? Уж не потому ли, что то была первая передача разведчика? А это — вторая. Значит, вероятней всего, нужно проштудировать вторую главу.

Он так и сделал. А под утро вынужден был сознаться, что головоломка оказалась хитрее, чем он предполагал.

За какую же главу теперь взяться?

Или переменить том?

Безуглый умылся холодной водой и выпил стакан крепкого чая. Посвежевший мозг подсказал еще одно решение. Прошлая передача велась первого числа, отсюда и соответствующая глава для применения шифра. Вторую передачу засекали в пятницу, одиннадцатого. Значит, одиннадцатую главу и нужно посмотреть.

Первая фраза явно не укладывалась в ориентировочно намеченные рамки. А вторая:

Вся страна, штат, город испытывали в этот период острую нужду в деньгах.

Семьдесят первый знак — точка!

Майор вспомнил, что в первом случае шифровальщик тоже пропустил начальную фразу. Вот и еще одна особенность секретной переписки!..

Значит, если ключ начинается от заглавной буквы в слове «Вся», то 31 50 44 означает:

— «ВСЕ» — раскодировал Безуглый.

Двенадцатым снова оказался пробел между словами.

19 40 51 49 36 47

— «ГОТОВО»... Опять: «ВСЕ ГОТОВО»? — удивился майор. — А семьдесят первая — точка.

58 48 25 29 78 71

— «ЖДИТЕ».

— А вы не ошиблись? — спросил Безуглого Воронков.

В той кодограмме тоже сообщалось о готовности, но заканчивалась она словом: «ЖДЕМ». А теперь — «ЖДИТЕ». Чему же верить?

Безуглый пожал плечами.

— Первая кодограмма состояла из семнадцати цифровых групп, а эта — из восемнадцати.

— «ВСЕ ГОТОВО. ЖДИТЕ.» — повторил полковник. — Я насчитываю здесь тоже семнадцать знаков.

— В таком случае «ВСЕ ГОТОВО. ЖДЕМ.» — шестнадцать, — возразил Безуглый.

— Откуда же берется лишний знак? — спросил Воронков. — Я этого в прошлый раз не заметил.

— Лишний знак подтверждает, что радист не торопился, — пояснил Безуглый. — Он пробелом отделяет точку от следующего слова. — Майор помолчал. — А может быть, и это — условие кода?

— Может быть, — в раздумье произнес полковник. — Ну что же, Федор Иванович, еще раз спасибо. Будем ждать «гостя».

Глава одиннадцатая

ИБРАГИМ, ГУЛЬДЖАН И ДРУГИЕ

Двое в горах. — Гульджан говорит: «Да». — Ставни в битке старого Ибрагима. — Ибрагим не хочет разговаривать. — К чему приводит упрямство. — Полковник Воронков: обстановка усложняется!

Их было двое: впереди сержант Обручев, за ним — старшина Каримов. Под лыжами весело скрипел снег.

Пограничники пересекли долину и стали подниматься в гору. На вершине старшина остановился перевести дух.

— Если честно говорить, Саттара боюсь,— сказал он, тяжело дыша.— Здорово парень на лыжах ходит.

— Еще бы. Сын гор! — поддержал Обручев.

— Ничего, сейчас заедем на ферму, я там сил наберусь и никто меня не догонит! — пошутил Каримов.

— Смотри, как бы наоборот не вышло,— предупредил Обручев.

— А-а!..— неопределенно ответил старшина и, сильно оттолкнувшись палками, стал спускаться.

Обручев выждал немного и тоже ринулся вниз. Крутой поворот, и сразу показался колхоз. Широкая ровная улица тянулась вдоль изрезанных тропами скал. Чуть в стороне возвышалось здание правления колхоза и Дом культуры. Левее — электростанция. За ней, в длинных помещениях с узкими, высоко расположенными окнами, животноводческие фермы. Туда и спешили пограничники.

Они сняли лыжи у кормовой кухни. Старшина медлил. Обручев, посвященный в его мысли, сокрушенно вздохнул.

— Ну и мямля же ты! — сказал он.— Иди и говори всё, как есть.

Николай открыл дверь. Каримов потоптался на пороге, пропуская его вперед.

Причмокивая и ритмично всасывая воздух, вакуум-насос приводил в действие электродойку. Две девушки сидели за столом и, тихонько напевая, делали свое дело.

Друзья остановились.

Гульджан первая увидела пограничников и, смутившись, выронила из рук колбу. Она не разбилась, покатилась под ноги Каримову. Старшина быстро нагнулся, радуясь возможности помочь.

— Из-за тебя всё! — притворилась рассерженной Гульджан.

Каримов хотел что-то сказать, но безнадежно махнул рукой. Николай толкнул его локтем в бок.

— Мне тебя на пару словечек,— промолвил Каримов.

Гульджан вспыхнула, но подошла. Она была в синем халате, очень красиво облегающем ее фигуру. Легко поправила косы.

Каримов, наклонившись к ней, что-то шепнул. Она засмеялась, покачала головой. Он переглянулся с Обручевым и стал опять что-то говорить.

Николай вышел на улицу. Вслед за ним выскользнула другая девушка и, не глядя на него, пошла к коровнику.

Через несколько минут показался старшина. Насвистывая, встал на лыжи.

— Ну, договорились? — спросил Обручев.

— Она придет на соревнования, а потом... — Каримов подышал на руки и взглянул на часы. — До старта еще есть время. Поехали к Ибрагиму.

Кибитка Ибрагима, такая же белая, как и окружавшие ее сугробы, уставилась в небо тупыми глазками покосившихся окон. Пограничники знали, что по вечерам старик закрывал их ставнями. В первой комнате ставни были дощатые. Ибрагим сделал их много лет назад, когда погиб сын, потому что с тех пор солнце, проникавшее в помещение, раздражало его. Окна в другой комнате выходили на север, но оттуда дули обычно свирепые ветры.

Однажды буря вышибла стекла. В комнату вместе со снегом ворвался ветер. Лампа упала на пол и разбилась. Ибрагим никак не мог найти спички. В темноте он опрокинул стол, безуспешно пытался заслонить окно и в ту ночь чуть не замерз. После этого правление колхоза повесило на окна тяжелые железные ставни.

Над кибиткой курился синеватый дымок.

Ибрагим встретил пограничников на крыльце. И как только он услышал шорох лыж?

— Салом, падар! ¹ — воскликнул старшина.

Ибрагим не ответил.

— Здравствуйте, — в свою очередь сказал Обручев.

— Салом, — произнес старик, весьма недружелюбно оглядывая пограничников.

Наступило неловкое молчание.

— Давайте, мы вам поможем, — предложил Каримов. — Вон сколько снега намело на крыльце. — Он потянулся за лопатой.

Ибрагим молча отстранил старшину. Он не любил, когда его жалели. В таких случаях всегда острее чувствовалось одиночество, и боль от сознания, что единственный сын никогда не вернется, становилась почти физической.

Обручев заметил, как посерело лицо старика. Каримов тоже помрачнел.

¹ Здравствуй, отец!

Обручев спросил Ибрагима:

— Зимуete хорошо?

Старик неторопливо воткнул лопату в снег.

— Рахмат,— сказал он тихо.— Вот только дорога к реке плохая, снега много.

— Так что же вы молчали? — подхватил Каримов.— Есть у нас на заставе заградительные щиты. Дадим.

Ибрагим отвернулся. Он явно не хотел разговаривать. У пограничников вконец испортилось настроение. Перед соревнованиями это было совсем некстати.

— Сегодня же поговорю с капитаном,— всё-таки сказал старшина Каримов.

Обручев подтвердил:

— Капитан Демин разрешит!.. Щиты будут!

На этот раз старик не пригласил друзей к себе, а, словно подытоживая разговор, показал на остроконечную вершину, заслоненную тучами, и промолвил:

— Опять снег будет...

Обручев видел, что старшина расстроен. Он не совсем понимал, почему Ибрагим так холодно обошелся с ними и ждал, что Каримов начнет сейчас объяснять. Но старшина молчал, прибавляя шагу.

— Ибрагим прав,— попытался завязать разговор Обручев.— Снег будет. Лыжную мазь придется сменить.

— Ничего, проскочим,— ответил Каримов.

— Разумный совет — половина удачи,— напомнил Обручев.

Старшина промолчал.

Они подъехали к Дому культуры. Здесь было шумно. Саттар стоял у судейского столика в накинутом на плечи халате. Заметив друзей, он протянул им сразу обе руки. Приветливо улыбнулся:

— Ну, полвон¹, сегодня тебе повезло: по жеребьевке сразу за мной идешь. Нет бы наоборот.

— Держись, догоню! — подзадорил Каримов и тут увидел Гульджан.

Смени мазь,— еще раз посоветовал Николай, доставая из кармана жестяную баночку.— Ибрагим верно говорил.

— Очень прошу,— неожиданно заявил старшина,— не говори мне сейчас о старике.

¹ Полвон — богатырь.

Обручев предложил сменить мазь и Саттару. Молодой бабан согласился. Он отставил в сторону палки и, насвистывая, принялся за дело.

Время от времени Николай бросал недовольные взгляды на старшину.

Каримов разговаривал с Гульджан.

— Поторопись, Рашид,— сказал Обручев старшине, становясь на лыжи.

— Сейчас,— не оборачиваясь, отозвался Каримов.

В этот момент раздалась команда:

— Участники соревнований... на старт!

Обручев снова протянул старшине баночку с мазью.

— Ничего,— упрямо сказал Каримов.— Обойдусь.

Старшина видел, как Саттар быстро побежал вперед и стал карабкаться в гору. Потом подошла его очередь. После взмаха флажка он сорвался с места, чтобы сразу догнать Саттара и потом ни за что не отрываться, а перед финишем обойти.

Постепенно расстояние между ними сокращалось. Около перевала Каримов совсем было приблизился к Саттару. Но тут вдруг пошел снег. Скольжение стало хуже. Сразу он не заметил этого: лыжня шла в гору. А потом начался спуск. Саттар присел и, набирая скорость, стал ловко лавировать между камнями.

Старшина тоже оттолкнулся палками, но лыжи словно окаменели. Он чуть не упал. С досадой поднял правую ногу и выругался: так и есть — подлип! Рассчитанная на сухую погоду, мазь подвела.

Старшина снял лыжи, чтобы счистить снег, и окончательно расстроился...

Гульджан издали смотрела на него. Он нарочно не подъехал к ней, а прямо с финиша, не сбавляя хода, проскочил мимо судейского столика в горы.

На заставу пришел угрюмый.

— Проиграли? — лейтенанту Ганиеву нетрудно было догадаться об этом, глядя на выражение лица старшины.— Ничего, бывает. В другой раз выиграте.

Старшина не ответил.

— Самолюбие — опасная вещь,— заметил замполит.

Каримов думал о Гульджан. Как теперь с ней встретиться? Что она скажет отцу? Ведь сегодня они хотели поговорить с ним.

...Вечером сержант Обручев заступил на дежурство. Он выставил часовых и после инструктажа отправил наряды на границу.

Тихо в эти часы на заставе: пограничники отдыхают перед службой.

Понуро вошел в дежурку старшина Каримов. Николай обрадовался:

— Садись.

Старшина медленно опустился на стул и спрятал лицо в ладонях.

— Я понимаю,— сказал Обручев.— Ты проиграл на соревнованиях, но разве можно из этого делать трагедию?

— Не в этом дело,— вздохнул старшина.— Всё началось с Ибрагима.

— Да что у вас с ним? — спросил Обручев.

Старшина не успел ответить. Зазвонил телефон. Обручев взял трубку.

— Дежурный слушает! — сказал он и узнал полковника Воронкова.— Докладываю,— сразу подтянулся Обручев.— На заставе без происшествий.

— Где тридцать первый?

— Только что лег отдыхать.

— Поднимите.

Есть!

Капитан не спал. Он быстро вошел в канцелярию.

— Тридцать первый слушает!

— Телеграмму ноль восемьдесят четыре получили? — спросил полковник.

— Так точно! — доложил Демин.

— Предупреждаю: обстановка усложняется. Обратите внимание на перевал.

— Есть!

Капитан подошел к стене и отдернул марлевою занавеску. Вот он, перевал, на который приказано обратить внимание. Здесь частые туманы и много камней — самое удобное место для нарушителей границы.

Демин вызвал лейтенанта Ганиева:

— В ноль-ноль часов проверите пограничные наряды.

Есть! — ответил Ганиев.

Глава двенадцатая

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Фукс делает ставку на Ибрагима. — Человек, который не дорожит своей жизнью. — Тугай, Динкер, Тумаков, их всего трое. — Ночной гость предлагает свой план. — Глава тринадцатая называется: «Жребий брошен». — На что намекал Теодор Драйзер? — Шифровка доставлена в посольство.

Фукс пускал к потолку колечки дыма и равнодушно глядел, как они расплывались в воздухе. Его одутловатое лицо с нездоровой синевой под глазами выглядело усталым.

Конечно, из множества вариантов, которые он снова и снова перебирал в уме, лучше всего остановиться на последнем: прежде чем встретиться с резидентом, агент остановится в кибитке Ибрагима. Отсюда будет легче действовать, да и сам Ибрагим поможет. Но прежде необходимо запутать старика.

Одному Тугаю поручить такое ответственное задание нельзя. При всех достоинствах он оставался туземцем. Это сложное дело можно возложить на члена метеоритной «экспедиции» Джорджа Динкера. Ему сам черт не брат.

Он взглянул на часы: сейчас Динкер должен войти.

В дверь постучали. Это был, конечно, Джордж.

— Хелло, старина! — приветствовал его Фукс, бодро вскакивая на ноги. — Прошу садиться.

У Динкера — приплюснутый нос и вставные зубы: сто тридцать боев за плечами и сто десять побед. С таким держи ухо востро! Он хорошо говорил на многих европейских языках. Знал десятки городов, где в свое время выступал на ринге. Сведения, которые он там добывал, приносили ему гораздо больше дохода, чем чистые нокауты.

Теперь он несколько устарел, но только в боксе. Методами шпионской работы он владел не хуже, чем в старое доброе время на ринге. Да и был он еще в отличной спортивной форме. С человеком, у которого не было семьи и который не очень-то дорожит своей жизнью можно делать любой бизнес. Фукс не сомневался, что во всяком случае живым Динкер в руки никому не дастся.

— Дело простое, старина,— наливая виски себе и Динкеру, говорил Фукс.— Вам предстоит небольшая прогулка.— Он рассказал о находке Тугая.— Конечно, можно было бы послать его одного, но, боюсь, сведет счеты... Вы понимаете меня, старина?

Джордж утвердительно кивнул.

— Условия? — спросил он, как и полагается деловому человеку.

Торговались недолго.

Фукс снова наполнил стакан:

— За ваш успех, старина!

Динкер одним глотком осушил стакан.

— Мы пойдем вдвоем?

Фукс причмокнул губами:

— Нет, возьмете еще Тумакова.

Джордж хорошо знал Тумакова. Это был рыжебородый человек средних лет, плотный, невысокий. Угрюмое выражение не сходило с его лица. Когда-то он жил на Смоленщине. Отца раскулачили и выслали. Он остался один, затаив злобу. Во время оккупации гитлеровцы назначили его старостой. При отступлении он бежал с немцами.

— Зачем нам нужен Тумаков? — недовольно спросил Динкер.

— У него твердая рука, стреляет без промаха,— уклончиво ответил Фукс. Он хотел, чтобы Тумаков тоже знал дорогу к ибрагимовской кибитке. Это могло пригодиться в будущем.

— Когда идти?

— Завтра.

— О'кей!..

Ночью Фукса разбудили. Пропуская вперед закутанного в тулуп человека, у дверей застыл долговязый детина в халате.

Фукс бросился навстречу. Пожимая незнакомцу руку, Фукс почувствовал, как цепко схватили его ладонь сильные пальцы. Сквозь узкую полоску в шарфе блеснули глаза. Они показались Фуксу глазами пумы — дикой американской кошки, с которой однажды ему довелось встретиться в лесах Патагонии, когда он служил в зоологической компании.

Незнакомец показал на провожатого. Фукс сделал тому знак удалиться. Долговязый молча кивнул и повернулся,

Незнакомец увидел уродливую бородавку на его красной шее и брезгливо поморщился.

— Что за идиота вы за мной послали? За всю дорогу не проронил ни слова?

— Простите, сэръ,— заметил Фукс.— Он немой.

Незнакомец вручил пакет. Фукс внимательно прочел бумагу.

— А где же второй? — спросил он.

— Скоро должен прибыть. Но имейте в виду — встретимся мы с ним только на той стороне.

— Все ясно,— сказал Фукс.— Прошу в соседнюю комнату.

— Зато мне неясно! — оборвал незнакомец и заставил рассказать, как его собираются переправить через границу.

Фукс стал рассказывать про Ибрагима, даже показал отретушированную фотографию. Незнакомец кивал, а когда Фукс закончил, неожиданно произнес:

— Всё это подойдет для помощника. У меня — свой план.

Теперь слушал и кивал Фукс.

— Всё! — вдруг отрезал пришелец.— Где я могу отдохнуть?

— Прошу в соседнюю комнату,— напомнил Фукс.— Нет, не сюда. За ширмой имеется дверь. Располагайтесь и отдыхайте.

Фукс выпил виски и резко отодвинул стол. Вытащил из замаскированного углубления в полу портативный сейф и, два раза повернув ключ, открыл его. Затем спрятал сейф и поставил стол на место. Положил перед собой том сочинений Драйзера на русском языке. Посмотрел на календарь.

Он перелистал книгу и остановился на восемьдесят четвертой странице. Глава тринадцатая. «Жребий брошен».

Прочел и усмехнулся. Действительно, жребий брошен. и вся его карьера, да что карьера — жизнь! — зависит теперь от исхода этой операции.

За тонкой перегородкой кашлянул гость.

«В крайнем случае, если помощник завалится — полбеды,— подумал Фукс.— Главное, чтобы благополучно прошел этот...»

Он вспомнил про обещание босса: вы будете полковником! Прищелкнул языком. Полковник Фукс. Что и говорить, звучит недурно...

В высших сферах делового мира все так или иначе друг с другом связаны. Теперь, когда внимание Мак-Кенти было привлечено к газовым предприятиям, он принялся усердно разведывать обстановку...

Каждый типографский знак этого текста Фукс старательно переписал в разграфленную тетрадь. Вскоре на другом листе колонками выстроились цифры.

Фукс проверил зашифрованный текст — всё правильно! — и сфотографировав его, сжег только что исписанные листы.

Опять кашлянул гость.

«И ему не спится!» — злорадно подумал Фукс, еще раз пробегая глазами начало восьмидесят четвертой страницы.

«Жребий брошен»... А вот и неиспользованная при шифровке строка, первая после заголовка.

«Результаты этого свидания не замедлили сказаться».

Фукс выругался. Уж не на свидание ли его, Фукса, с этим агентом намекал старик Драйзер?

Пленка, на которую Фукс сфотографировал шифровку, утром была доставлена в посольство. Там было кому следить за деятельностью метеоритной «экспедиции».

Глава тринадцатая

ЗАДАЧИ СУМАСШЕДШЕГО МАТЕМАТИКА

Свет в окне. — Лейтенант Ганиев предлагает старшине Каримову свои услуги. — Гульджан будет согласна. — Концерт для русских эмигрантов. — Белые, серые и черные собаки. — Опять загадка. — Где недостающие цифры? — Старшина уточняет. — «В высших сферах делового мира все так или иначе друг с другом связаны». — Где условленное место? — Итак, «в условленном месте». — Встреча будет обеспечена.

Была полночь, а в ленинской комнате горел свет. Зазвонил телефон. Старшина Каримов поднял трубку.

— Почему свет? Спать давно пора, — слышался голос капитана Демина. — Кто там сидит?

— Один я, старшина Каримов, товарищ капитан.

— Что делаете? Почему не спите?

— Да так,— помедлил с ответом старшина.— Так, сижу, думаю. ...Можно сказать, на посторонние темы... Да всё равно, товарищ капитан, завтра у меня выходной. Выспаться успею.

— Ну ладно,— разрешил начальник заставы.— Но не очень засиживайтесь.

Лейтенант Ганиев вернулся с границы.

— На перевале скопилось много снега,— доложил он капитану Демину.— Там надо быть особенно осторожными: вполне может произойти обвал.

— Да, этот перевал нам еще аукнется,— задумчиво произнес Демин.— Недаром начальник отряда полковник Воронков приказал обратить внимание...

Ганиев достал портсигар.

— Можно курить?

Демин кивнул.

— Кстати, лейтенант,— заметил он озабоченно,— что-то у нас старшина захандрил. Ходит грустный. Не спит. Сидит сейчас в ленинской комнате. Вряд ли его так расстроило поражение на лыжных соревнованиях. Он у нас не из слаонервных. Тут что-то другое.

Ганиев чиркнул спичкой.

— Постараюсь узнать, в чем дело.

— Вот-вот. А то мне это не удалось,— сказал Демин.— Ну, не буду мешать. Поговорите с ним.

В ленинской комнате лейтенант Ганиев застал старшину за странным занятием: он устремил глаза в потолок, а рукой машинально листал журнал.

Увидев замполита, старшина вскочил:

— Читаю вот журналы...

— Садитесь,— сказал лейтенант.— Что не спите?

— Да так, не спится,— ответил Каримов присаживаясь.

Лейтенант предложил ему папиросу. Старшина взял.

— Вы ведь не курите,— заметил Ганиев.

— Иногда курю.

Старшина затаился и закашлялся.

— Ну вот,— засмеялся Ганиев.— Вот вы какой курильщик.

И Каримов тоже улыбнулся. Ему захотелось всё рассказать лейтенанту.

Ганиев слушал внимательно.

Старшина подробно говорил про случай с Ибрагимом, когда отбили от волков отару, и как Ибрагим хотел его обнять, а он, старшина, случайно отстранился и, видимо, обидел старика; про последнюю холодную встречу с ним; и сбивчиво — про Гульджан. Ведь всё шло хорошо. Он никогда с ней не ссорился, а тут вдруг во время соревнования такое дело...

— Да, с Гульджан глупо получилось,— подтвердил Ганиев и протянул старшине новую папиросу.

— Не хочу.

— Вот это правильно,— одобрил лейтенант.— А с Гульджан, что ж с Гульджан... Ведь ничего, собственно, не произошло. Поговори, будто ничего не случилось. А к отцу мы можем поехать вместе: вы и мы.

— Кто это — «мы»? — недоумевающе спросил старшина.

— Кто «мы»? Сваты!.. Ну, допустим, капитан Демин. А можно попросить председателя райисполкома, секретаря райкома... Кто в таком деле откажет? И старик, ваш будущий тесть, при виде таких сватов как откажет?..

— А удобно? Согласится ли Гульджан?

— По-моему, она уже согласилась... — заметил Ганиев.

Старшина засмеялся: вот здорово получится!..

А лейтенанту стало почему-то немного грустно. Вот старшина нашел свое счастье, а он? Вот если бы попалась такая жена, как Наташа Демина... Ну, ладно. Сколько можно думать об одном и том же... Хорошо, что она не видит, какими глазами смотрит на нее Ганиев... Да он уже давно и не смотрит ей в глаза.

Лейтенант вздохнул: ничего, может, и у меня когда-нибудь будет такая Наташа.

Ганиев опять вздохнул, но тут же взял себя в руки поднялся.

— Конечно,— сказал он,— личное занимает в нашей жизни большое место, товарищ старшина. Но никогда нельзя его выпячивать, ставить выше всего остального. Ты хорошенько запомни эту святую заповедь коммуниста... Ладно, иди. Да поспи еще немножко.

— А как же быть с Ибрагимом? — напомнил Каримов. — Ведь дорогу заносит.

— Ну что же, дадим щиты,— пообещал Ганиев.— Я сам договорюсь насчет этого с капитаном. А теперь иди.

— Я еще немного посижу,— попросил старшина.— Радио послушаю. Мне сейчас обязательно хочется еще немного посидеть одному.— И добавил: — А вообще, большое вам спасибо...

— Ну, ну,— перебил его Ганиев.— Потом поблагодаришь. А насчет этого, как сказал, так и сделаем: приедем — вы и мы.

Когда лейтенант ушел, старшина включил приемник и стал прощупывать эфир. Сквозь легкое потрескивание динамика послышался мужской голос. Кто-то сказал по-русски.

— Сегодня тринадцатое. Двадцать часов средневропейского времени. Начинаем концерт для русских эмигрантов.

Старшина сменил волну. В комнату ворвалась шумная музыка. Потом кто-то затарабарил на незнакомом языке.

Москва передавала отрывок из романа. Каримов не захотел слушать с середины и повернул регулятор в обратную сторону

Опять мужской голос:

— Продолжаем концерт для эмигрантов.

— Продолжаем концерт! — подхватило меццо-сопрано.

Мужчина закричал, подражая цирковым клоунам:

— Вчера я был на охоте. Тридцать шесть тигров пытались меня разорвать. Двадцать одна пуля настигла их. Двадцать четыре раза я выстрелил в воздух, и шестьдесят один зверь бросился в джунгли...

— Ах! — воскликнула женщина.

— Сколько же поцелуев я заслужил?

Она ответила мелодраматически:

— Десять, родной мой, десять!

«Какая чепуха!» — подумал старшина и записал на полях оказавшейся под руками газеты:

«36 тигров пытались меня разорвать. 21 пуля настигла их...».

Тенор запел:

О, Баядера,
Я пленен красотой,
О, Баядера,
Будь моею мечтой..,

Старшина продолжал записывать:

«Двадцать четыре раза я выстрелил в воздух. Шестидесять один зверь бросился в джунгли».

«Ну и веселье! — усмехнулся Каримов. — А в награду десять поцелуев... Расщедрилась!»..

Тенор забрался на слишком высокие ноты, и джаз то-ропливо заглушил его.

— Что ты расскажешь мне еще, мой милый, мой хороший? — пропело меццо-сопрано.

— Я расскажу такую быль, — напыщенно ответил мужчина. — Но прежде ты реши сама: как, храбр я или нет?

А старшина всё записывал и записывал:

«За мною гнались тридцать две собаки, семнадцать из них были белые, пятьдесят две — серые, остальные тридцать три — черные. У каждой белой собаки во рту было двадцать зубов, у серой — двадцать пять, а у черной — шестьдесят четыре. Спрашивается: за какую ногу укусили меня собаки, за правую или за левую?»

— Ах, мой милый, ведь это из Чехова! — догадалось меццо-сопрано.

Мужской голос запротестовал:

— Но я критически осмысливаю задачи сумасшедшего математика.

— И что же получается?

— Сорок один раз пытался я доказать, что сорок восемь меньше сорока пяти. На шестьдесят восьмой улице меня за это чуть не зарезали.

— Как же ты спасся, мой храбрец?

— Я спросил убийцу: если теще восемьдесят один год, а жене двадцать семь, — который час?

И снова подхватил тенор:

Красотки, красотки,
Красотки кабаре...

Старшина выключил радио и несколько раз перечитал свои записи:

«Тридцать шесть тигров пытались разорвать меня. Двадцать одна пуля настигла их...».

36... 21... 24... 61... 10... 32... 17...

Не слишком ли много цифр?

И вдруг неясное еще позрение шевельнулось в мозгу. Старшина попытался снова поймать неизвестную станцию, но передача уже закончилась.

Каримов позвонил начальнику заставы. Тот прибежал в ленинскую комнату. Вместе крутили радио, но концерт для русских эмигрантов больше не передавался.

Перед полковником Воронковым лежало донесение капитана Демина:

...36 тигров пытались разорвать меня. 21 пуля настигла...».

А спустя несколько минут и майор Безуглый склонился над бланком, где были выписаны эти цифры:

36 21 24 61 10 32 17 52 33 20
25 64 41 48 45 68 81 27

Только что его вызвал к себе начальник отдела:

— Ваше мнение?

— Мне кажется, это может быть ответом радисту,— сказал Безуглый.

— Я тоже так думаю.

Безуглый пригладил волосы.

— Трудность заключается в том,— заметил он,— что старшина Каримов не слышал ни начала, ни конца передачи. В таком случае я боюсь утверждать, что двадцать семь — последний знак — точка.

— Но если предположить, что система шифровки прежняя, то у вас имеется немало других отправных пунктов,— вставил начальник отдела.

— Это верно,— согласился Безуглый.— Мы знаем, что день передачи должен соответствовать определенной главе «Финансиста». Это во-первых. А во-вторых, шифровальщик, надо полагать, не случайно всякий раз пропускал первую фразу в тексте.

Майор, в который уже раз за эти дни, открыл третий том сочинений Драйзера. Страница восемьдесят шестая. Глава четырнадцатая:

Это был Джордж Стинер, новый городской казначей, игрушка в руках других, который и сделался-то важной персоной именно по причине своего слабо-волия...

Точка оказалась сто сорок шестым знаком. Майор нахмурился. Значит, конца кодограммы действительно нет. Стал заменять цифровые группы буквами:

ОРОКЖОТУД..

Бред. Несусветный бред.

Безуглый еще раз внимательно прочел донесение капитана Демина:

Четырнадцатого в 01.00 местного времени неизвестная

радиостанция на коротких волнах передавала концерт для русских эмигрантов...

— В час ночи местного времени,— повторил Безуглый.— Запеленгованный передатчик работал на три часа раньше... Минуточку...

Он перечитал донесение начальника заставы:

«Старшина Каримов подключился к середине передачи. Обратил внимание на загромождение дикторского текста числами. Вот что он успел записать: «36 тигров пытались разорвать меня...» и так далее.

Безуглый позвонил полковнику Воронкову. Полковник Воронков немедленно вызвал заставу:

— Откуда старшине известно, что передача велась для русских эмигрантов?

— Так объявил диктор,— сообщил капитан Демин.

— Позовите старшину.

— Он здесь,— ответил капитан Демин.— Передаю трубку.

— Как вы набрали на неизвестную станцию?

— Случайно, товарищ полковник. Хотел послушать что-нибудь интересное, а тут вдруг это...

— А начало передачи вы не слышали?

Почему же, слышал. Диктор объявил: начинаем концерт для русских эмигрантов... Это я хорошо помню.

— Ну, а что было дальше?

— Я стал искать наши станции. Потом снова попала эта. Вот я кое-что и записал.

— А в самом начале больше ничего не говорил диктор? — продолжал допытываться Воронков.

— Он сказал: сегодня тринадцатое. Двадцать часов средневропейского времени,— ответил старшина после непродолжительной паузы...

...И опять майор Безуглый задумался.

Двадцать часов средневропейского времени — это двадцать два часа по-московски. Возможно, за границу передачи идут в двадцать два ноль-ноль по местному времени, а ответ поступает в двадцать два ноль-ноль по московскому... Диктор подчеркнул: сегодня тринадцатое. Значит, в тринадцатой главе нужно искать ключ

Безуглый перелистал несколько страниц назад. Выписал вторую фразу тринадцатой главы:

Стоял октябрь 1864 года.

Двадцать четвертый знак — точка.

Он посмотрел на бланк с цифрами.

36 21 24

Это значит: «БО».

Вполне допустимо, что какое-то слово оканчивается на «БО». Ведь старшина не слышал начала передачи. Но что же в таком случае означает:

61 10 32 17 52 33 20 и так далее.

Майор раскодировал.

Опять явная бессмыслица.

Но может быть, для ответа используется как раз пропущенная начальная фраза в тексте?

Безуглый решил проверить.

В то время как Каупервуд неуклонно продвигался вперед по пути жизненных успехов, великая война против восставшего Юга близилась к концу.

36 21 24

П Р Д

Шестьдесят первый — пробел.

Что же это за слово оканчивается на «ПРД»?

Майор напрасно ломал голову.

Но, может быть, вернуться к четырнадцатой главе, исследовать ее первую фразу?

Быстрое продвижение Каупервуда, главы фирмы «Каупервуд и К°», последовавшее за его блестящей операцией...

36 21 24 61 10

В К П Р

Тридцать второй знак — пробел.

И дальше:

17 52 33

Н — Г

Двадцатый — снова пробел.

— Опять несуразица! — майор отбросил строкомер и некоторое время сидел без движения.

Позвонил начальник отдела, — справился, как дела.

— Мне нужно с вами посоветоваться, — сказал Безуглый. — Разрешите зайти?

— Да, пожалуйста.

«И он еще не ложился!» — подумал майор, взглянув на часы.

Было начало пятого.

— Старшина показывает, что конферансье ссылался на Чехова, — сказал начальник отдела, едва Безуглый вошел.

— Ба! Да как же я упустил это?! — воскликнул майор.

— Вот, вот, — подхватил начальник отдела. — Пока вы там ломали голову над Драйзером, я нашел эти самые «Задачи сумасшедшего математика». Вот они... Послушайте, что пишет Антон Павлович Чехов:

«За мной гнались тридцать собак, из которых семь были белые, восемь — серые, а остальные — черные. Спрашивается, за какую ногу укусили меня собаки, за правую или за левую?»

Он поднял вверх указательный палец:

— А что слышал Каримов? Не тридцать собак гнались, а тридцать две. Не семь из них были белые, а семнадцать. Не восемь — серые, а пятьдесят две. (Заметьте, явная несуразица даже для сумасшедшего математика). Чехов пишет, что остальные были черные. А конферансье, видите ли, и тут умудрился вставить число. О зубах Чехов совсем не говорит, а здесь: двадцать, двадцать пять, шестьдесят четыре.

Безуглый слушал с возрастающим интересом.

— Или другая задача, — продолжал начальник отдела. — У Чехова написано:

«Моей теще семьдесят пять лет, а жене — сорок два. Который час?»

— Теперь смотрите сюда:

«Если теще восемьдесят один год, а жене двадцать семь, который час?»

Опять искажение!

— Но конферансье «критически осмысливал Чехова», — напомнил Безуглый.

— Чепуха!.. Нужно еще искать, Федор Иванович. Я уверен, что это — код. Вы отдохните часок, и всё станет ясно.

В половине восьмого в кабинете начальника отдела звонил телефон.

— Есть ключ! — доложил Безуглый.

Они снова встретились.

— Система кода осталась прежней, — доложил майор. — Глава соответствует числу, а первая фраза опускается. «Финансист» — начало «Трилогии желаний». Я предположил, что неизвестный радист пользуется для шифровки первым томом трилогии, а отвечать ему могут по второму, И вот что получилось. Смотрите: четвертый том сочинений, глава тринадцатая, страница восемьдесят четвертая.

В высших сферах делового мира все так или иначе друг с другом связаны. Теперь, когда внимание Мак-Кенти...

36 21 24 61
Т О Г О

Десятый знак — пробел. Тридцать второй — предлог «В». Я уверен, что это предлог по той причине, что семнадцатый знак в этом тексте тоже оказывается пробелом между словами. И дальше:

52 33 20 25 64 41 48 45 68 81 27
У С Л О В Л Е Н Н О М

— «...того в условленном»,— прочел полковник Воронков, которого пригласили немедленно.

— Совершенно верно!— Безуглый взъерошил волосы.— Начало и конец шифрованного текста старшина Каримов, к сожалению, пропустил. Но конец ясен. Старшина почти сразу кинулся искать станцию, однако передача уже кончилась. Значит, сказано было немного.

— Вероятней всего: «месте»,— подсказал начальник отдела.

— Правильно: «месте»! — согласился майор Безуглый.

— Итак, «... того в условленном месте»,— подытожил Воронков.— А что значит «того»? Ждите того в условленном месте? Кого—того?.. Или «того» может быть окончанием чисел: тринадцатьТОГО, четырнадцатьТОГО, пятнадцатьТОГО и так далее. Вероятней всего, речь идет о конкретной встрече агентов. Ну что же, и мы подготовим им встречу.

Начальник отдела произнес весело:

— А ведь оказывается, товарищи, можно решить и задачи «сумасшедшего математика»!

— При ваших талантах...— подсказал Воронков, и все рассмеялись.

Глава четырнадцатая

СЛУЧАЙ В ГАРАЖЕ

Когда болит голова.— Чужая семья — потемки.— Петр Калачкин требует денег.— Опять книга Драйзера.— Игнатюк выдворяет товарища.— Всё это становится подзрительным.

Махров проснулся с сильной головной болью. Он сидел за столом угрюмый, отказался от чая, от еды. А тут еще за стеной, у соседей, поднялся шум.

Василий не выдержал:

— Хватит! — и хлопнул дверью.

Тут же вошла Надя Сухорукова. Лицо распухло от слез.

Зинаида стала потчевать подружку чаем, успокаивать, расспрашивать.

Ничего особенного не произошло: у Игнатюков ночевал Петр Калачкин. И сейчас сидит, опохмеляется вместе с мужем. Оба ругаются, хулиганят. Игнатюк ругает жену, ударил по лицу полотенцем...

Через полчаса вернулся Махров. Увидев соседку, пожал плечами.

Надежда сразу поднялась. Василий не стал ее задерживать. Попросил чаю.

Зина поставила перед ним стакан и села напротив. Он молча пил чай. Поостывал: голова!..

Наконец Зина не выдержала:

— Ты у них был? Ну, что там?

— Семейная драма, — ответил он раздраженно. — Сидит пьяный Калачкин. Еле его выдворил... А ты снова ее жалеешь? Эх ты!

Зинаиде не понравился тон мужа:

— Конечно, тебе ничего, а достается всегда Наде.

— И она хороша! — бросил он отчужденно. — Не может найти к мужу подход.

— Да я бы такого мужа на порог не пустила..

— Хватит! — оборвал Василий.

— Ну вот, — промолвила она обиженно. — Не хватало еще, чтобы и мы поссорились.

— Глупо, конечно, — сразу согласился Махров. — Прости, я прилягу.

У него был выходной день.

После обеда Зинаида заступила на дежурство. В гараже ей встретился Игнатюк. Он, как ей показалось, странно взглянул на нее и отвернулся.

От его недоброй усмешки ей стало тревожно.

В довершение ко всему в диспетчерскую ввалился Петр Калачкин. Он еле держался на ногах. Куртка была расстегнута. Замасленная серая кепка повернута козырьком назад.

— Чего тебе? — строго спросила Махрова.

— Д-дай денег!

Она сокрушенно покачала головой.

— Эх ты! Иди-ка лучше проспись.

— Д-деньги! — настаивал он. — Твой муж, представляешь, в-выставил меня из чужой к-квартиры... Д-да я за это!..

— Петр, чего скандалишь? — раздался строгий голос. Ни Махрова, ни Калачкин не заметили, как в диспетчерскую вошел директор автопарка.

Калачкин пьяно улыбнулся.

— Директор, д-дай денег!..

— Спать его надо проводить, — вмешалась Махрова.

— Не дам я тебе денег, — сказал директор строго. — Посмотри лучше, на кого ты похож? Если так будет продолжаться, то мы будем вынуждены принять другие меры.

Калачкин оставил замечание без ответа. Его мутный взгляд остановился на серой папке, которую директор зажимал под мышкой. И Калачкин опять улыбнулся:

— Д-дай Д-драйзера, директор.

Калачкин потянулся к папке.

— Это не Драйзер, — в свою очередь улыбнулся директор.

— Все вы носитесь с Драйзером! — вдруг рассердился Калачкин.

Директору парка стало смешно:

— Ну, смотри, разве это Драйзер? Это папка со счетами.

Калачкин выхватил папку.

— Что ты делаешь! — кинулась к нему Махрова.

— Я в-вам покажу Д-драйзера! — бушевал Калачкин и запустил папкой в окно.

Тут неизвестно откуда появился Игнатюк. Он скрутил Калачкину руки, пытаясь вытолкнуть из диспетчерской.

— Убью Д-драйзера! — кричал, вырываясь, Калачкин.

— Дурак! — оборвал Игнатюк, улыбаясь директору. — Какой Драйзер?.. — И, обращаясь к шоферам, прибежавшим на крик, заметил: — Лечить его надо. Больной... К психиатру... — Он ладонью зажал Калачкину рот и выволок на улицу.

Глава пятнадцатая

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

На заставе перед вечером. — Старшина обходит владенья свои. — Игра на интерес. — Приготовиться на боевой расчет. — Приказ. — Кто вспугнул архаров? — Чужой след. — Преследование продолжается. — Сигнал на заставу. — Выстрел из-за камня. — Обручев летит в пропасть.

На снегу десятки разных следов. Они так перепутаны, что, кажется, самый опытный следопыт не сможет их разобрать. Иначе думает инструктор службы собак старший сержант Анатолий Резников.

На поводке — Барс. Резников дает псу что-то понюхать, и тот, жадно втянув воздух, правильно определяет заданный след. Резников бросает ему сахар. Это премия.

Старшина Каримов стоит рядом и удивляется: откуда у Резникова столько сахара, ведь паек у всех одинаковый. Он отводит инструктора в сторону и просит поделиться опытом: где берешь сахар?

Резников смеется, показывает на Барса:

— Ты дай ему понюхать кусочек сахара, и он быстро наведет на след....

Мимо со свертком в руках важно идет Гебридзе. В его тоненьких, будто нарисованных усиках застряли снежинки.

— Новая стенная газета, — говорит старшине Гебридзе. — Сейчас вывешу.

— Давай, давай, — замечает Каримов.

Солдаты собираются у газеты.

— Это что за усач пляшет?

— Смотри, стихи.

«Глянь, как он подметки рвет,
Видно, снова писем ждет!».

— Никак это ты сам, Гебридзе? — удивляется Обручев.

— Я!

— Ну, а чего же усы такие длинные нарисовал?

— Отрастут.

— А не сбреешь?

— Что вы, товарищ сержант, — протестует Гебридзе. —

Это не только вам, а даже вашей бабушке не может при-сниться.

— Посмотрим,— говорит Обручев.

Старшина идет проверять порядок.

В казарме чисто. Койки аккуратно заправлены. Тумбочки покрыты белоснежными салфетками.

Он заглянул на кухню. Попробовал кашу. Велел повару к утру приготовить пирожки с мясом.

В конюшне дневальный доложил о наличии коней и снаряжения. Старшина придирчиво осмотрел станки. Над одним из них увидел седло, где стремяна плохо блестели. Приказал немедленно надрать, «чтобы, как золотые!» Потом велел снарядить бричку в колхоз и погрузить на нее заградительные щиты.

После ужина Николай Обручев поманил Гебридзе к столу и предложил сыграть в шахматы. Обычно Обручев играл лучше, но сегодня он проиграл три партии подряд. Гебридзе развеселился.

Столпившиеся вокруг болельщики сочувствовали Обручеву. Николай схитрил:

— Скучно играть. Вот если бы на спор...

Гебридзе понравилось предложение.

— Ну скажи, пожалуйста. Сегодня мне везет.

— Давай сыграем на твои усы.

— Как так? — опешил Гебридзе.

— Очень просто: если я выиграю, ты сбреешь усы.

— Ну, а если нет? — спросил Гебридзе.

— Тогда я отращу усы,— сказал Николай.

Гебридзе засмеялся.

Кругом подзадоривали.

— Ладно,— решил Гебридзе.— Трус в карты не играет. А тебе сегодня не везет.

Вначале ему удалось захватить инициативу. Но он разменял ферзей, и сразу атака иссякла. Более активные слоны черных, которыми играл Обручев, потеснили противника. Теперь задумался Гебридзе. Он решил пожертвовать пешку. Николай взял ее. Это было ошибкой. Гебридзе ввел в игру ладью и повеселел.

Офицеры тоже заинтересовались игрой. Гебридзе наступал. Он все фигуры перебросил на левый фланг, куда рокировался король черных.

— А, интересно, как будет выглядеть сержант с усиками? — пошутил Демин.

— И сколько же ему придется их носить? — спросил лейтенант Ганиев.

— Такого уговора не было, — снисходительно заметил Гебридзе. — Сколько захочет.

— Э, нет, — вставил свое слово Обручев. — Условимся так: победитель назначает срок.

— Ладно, — согласился Гебридзе и, увлекшись наступлением, просмотрел... мат.

— Ну, как же теперь? — засмеялся старшина Каримов.

— Краса и гордость моего отделения остался без усов! — притворно возмутился Обручев.

— Петренко, — распорядился старшина, — тащи сюда бритву и помазок.

Когда бритва была принесена, Обручев засучил рукава.

Гебридзе потребовал:

— Товарищ парикмахер, где культурное обслуживание? Пожалуйста, кацо, подайте свежую салфетку, а потом освежите одеколоном!.. Голову мыть не будем...

Обручев наточил бритву, повязал салфетку и намылил усы.

— Р-раз! — Он взмахнул бритвой.

Гебридзе удивленно провел рукой над губой, попробовал нахмуриться, но ему тоже было весело.

Резников рванул меха. Гебридзе в такт музыке закружился по комнате, плавно размахивая руками.

— Асса, асса!..

Обручев не выдержал:

— Русскую, Толя!

Он тряхнул головой, пускаясь в присядку. Остальные дружно били в ладоши.

Капитан посмотрел на часы. Ганиев перехватил его взгляд, поднял руку. Каримов дотронулся до плеча Резникова и головой показал на лейтенанта. Резников оборвал мелодию.

— Время, товарищи! Повеселились, — сказал лейтенант. — Приготовиться на боевой расчет!

К ночи ртуть на термометре опустилась за красную черточку на двадцать четыре деления. Матовый полумесяц, едва показавшись, исчез за перевалом.

Старшина Каримов дежурил по заставе. Как обычно, он проверил службу часовых и, убедившись, что всё в порядке, направился в казарму. Он плотно прикрыл за собой дверь, и, стараясь не шуметь, подошел к раскалившейся железной печке.

На стене монотонно тикали ходики. Скоро поднимать Гебридзе и Обручева.

Старшина приоткрыл пискнувшую тоненьким голоском дверцу и бросил на угли пару сухих поленьев. Желтый язычок пламени лизнул их. Каримова обдало жаром.

Старшина отодвинулся. Заметил, что Зубарев спит неспокойно, и простыня валяется на полу. Поднял простыню, укрыл солдата. Еще раз взглянул на часы.

...Обручев и Гебридзе проснулись от легкого прикосновения к одеялу.

Через десять минут сержант Обручев уже проверял у своего напарника оружие и боеприпасы.

Старшина пошел будить начальника заставы. Капитан спал чутко.

— Иду! — ответил он на тихий стук в окно.

Вернувшись в казарму, старшина проверил готовность пограничников к службе.

Демин прошел в канцелярию. Каримов доложил ему, что очередной наряд готов для получения боевого приказа.

Пограничники вошли в комнату службы. Глядя на них — подтянутых, сосредоточенных — не верилось, что эти же люди так беспечно смеялись несколько часов назад.

Начальник заставы встретил их стоя.

— Товарищ капитан! — доложил Обручев. — Пограничный наряд в составе ефрейтора Гебридзе и сержанта Обручева прибыл для получения приказа на охрану государственной границы Союза Советских Социалистических Республик.

— Здоровы?

— Так точно!

— Службу нести можете?

— Так точно!

Демин осмотрел оружие, средства связи. Проверил, на месте ли индивидуальные медицинские пакеты, сухой паек. Обратил внимание на одежду. Остался доволен. Несколько секунд молча глядел на наряд, застывший по команде «смирно».

— Приказываю, — сказал Демин, и голос его зазвучал

торжественно, — выступить на охрану государственной границы Союза Советских Социалистических Республик.

Он строго посмотрел на пограничников.

— Обстановка напряженная, товарищи. По имеющимся данным, каждую минуту возможно нарушение государственной границы на вверенном нам участке.

Демин подвел пограничников к схеме участка, подробно разъяснил маршрут и время движения.

Обручев, не отрываясь, следил за указательным пальцем капитана, который перебросился от спичечной коробки, изображающей заставу, к макету известкового камня и оттуда к двум параллельным дощечкам, обозначающим горловину ущелья, где почти всегда свирепствуют ветры.

Нужно пройти это ущелье, миновать долину Хурсанди, а в самом конце повернуть налево и выйти к подножью перевала Кыз-Байтал. Продолжать движение мимо занесенного снегом перевала. Здесь быть особенно осторожными, потому что грозит обвал. Дозорной тропой стараться не пользоваться, а патрулировать низом от перевала до горловины ущелья. На рассвете сняться и к десяти часам прибыть на заставу.

Демин напомнил световые сигналы, указал район соседнего наряда, с которым они будут взаимодействовать.

— Старший наряда — сержант Обручев.

— Я! — ответил Николай. — Вопросов нет. Разрешите повторить приказ?

— Да, повторите.

— Задача ясна, — сдерживая волнение, которое испытывал всякий раз, получая боевое задание, сказал Обручев. — Приказано: выступить на охрану государственной границы Союза ССР. — И Обручев повторил всё, что только что услышал от начальника заставы.

— Осторожно у перевала, — напомнил Демин.

— Ясно, товарищ капитан.

— Выступайте! — разрешил Демин, прикладывая руку к фуражке.

— Наряд, кругом! Шагом... марш! — скомандовал Обручев.

Каримов вышел проводить пограничников и проследить, как они заряжают оружие.

Гебридзе и Обручев встали на лыжи.

— Счастливо! — напутствовал старшина, открывая тяжелые железные ворота.

Пограничники свернули с шоссе и по старой лыжне неторопливо направились в сторону известкового камня.

Обручев шел впереди, чутко прислушиваясь. Лыжи скользили легко. Так и подмывало побегать быстрее, но капитан приказал быть у известкового камня через сорок минут после выхода с заставы, и значит, нужно быть там ни раньше, ни позже.

Лыжня свернула.

Обручев поднял палки, чтобы не зацепились за кусты терескена, и заскользил, сильно пружиня ногами.

Дальше лыжня раздвоилась. Одна возвращалась к заставе, другая бежала к известковому камню, постепенно забирая вправо.

Обручев сошел с лыжни на целину. Снег был рыхлый. Николай любил прокладывать след и, убедившись, что Гебридзе не отстает, прибавил шаг. Старая лыжня осталась в стороне и вскоре потерялась.

Порывом налетел ветер, закружил снег и унесся вдаль.

Обручев различил впереди темное пятно. Он знал, что это карьер, где летом добывают соль.

Пограничники осмотрели карьер. Несколько минут напряженно прислушивались.

Всё было спокойно.

От карьера вдоль лыжни потянулись какие-то следы. Обручев включил фонарик и, убедившись, что это гнались друг за дружкой лисы, спокойно продолжал путь.

Примерно в пятистах метрах до известкового камня лисы свернули в сторону. Обручев различил слева лыжню. Подъехал. Лыжня была запорошена снегом. Лисы пересекли ее, и Обручев сделал вывод, что эта лыжня старая.

Около известкового камня, у телеграфных столбов, вышли на лыжню, с которой свернули прежде.

Камень напоминал тушу гигантского зверя. Десяти метров в высоту, он распластался на склоне, широченной грудью вперед, к границе. Объезжали его добрых пятнадцать минут.

Потом Обручев несколько раз хлопнул в ладони и проклекотал по-орлиному. Гебридзе подумал, что если бы не хлопки, он бы задрал голову в небо.

Теперь они стояли рядом. Гебридзе достал из-за пазухи телефонную трубку, быстро нащупал в камне хорошо замаскированную розетку и передал трубку старшему наряда.

Обручев доложил дежурному по заставе, что происшествий нет.

Старшина Каримов взглянул на часы: наряд докладывал через сорок одну минуту после выхода на границу.

— Продолжайте службу! — удовлетворенно сказал он.

Небо заволакивало тучами. Повалил снег. Теперь пограничники чаще останавливались, прислушивались. Время от времени они осторожно включали следовые фонарики.

Около часу ночи подъехали к горловине ущелья. Отвесные скалы, сплошь окутанные тучами, черной стеной выступали из снежной мглы.

До слуха донесся приглушенный грохот сбвала.

Пограничники въехали в ущелье. Разъяренный ветер ударил в грудь. Огромные снежные столбы кружились над землей.

«Погодка для нарушителей!» — подумал Обручев, захлебываясь ветром. Гебоидзе тоже тяжело дышал.

Пограничники свернули в сторону, и ветер сразу прекратился. Дышать стало легко. Долина Хурсанди¹ казалось, оправдывала свое название: рядом бушует вьюга, а здесь — тишина, словно попали в другой мир. Но здесь была другая трудность: густая пелена тумана застилала глаза.

Николай вспомнил предостережение капитана: может произойти обвал. Он смахнул нависший на бровях снег, поправил капюшон маскировочного халата.

Гебридзе внимательно следил за своим сектором наблюдения. Обручев — за своим. Между ними существовала та незримая связь, которую пограничники называют шестым чувством. Они в четыре глаза просматривали местность, чутко вслушиваясь в звуки ночи.

Где-то прокричал архар. Обручев представил себе красавца-барана с широченными рогами, прочными, как сталь, на которые он уверенно прыгает с головокружительной высоты.

Заклекотал беркут...

Шипя, как змея, осыпался снег.

Обручев подождал. Должно быть, осыпь была небольшая и не с перевала, а скорее всего с какого-нибудь камня, нависшего над обрывом, потому что обвала не последовало.

¹ Х у р с а н д и — радость, довольство.

Николай двинулся дальше. Несколько минут было совсем тихо. Затем снова прокричал архар-самец, на этот раз, как определил Обручев, значительно ближе.

Николай сделал знак Гебридзе остановиться. Палец лег на холодную сталь затвора.

В третий раз прокричал самец и еще ближе.

«Странно!» — отметил про себя Обручев. Обычно архары не появлялись здесь, а паслись в ущелье за перевалом.

Мелькнула мысль:

«Может быть, их кто-нибудь спугнул?»

Обручев подозвал Гебридзе, поделился с ним своей догадкой.

Решили пойти на крик архара.

Пограничники бежали быстро, напрягая зрение и слух. Снова повстречали телеграфные столбы. Обручев притормозил и, сняв ушанку, стиснул ее в руках. Почудилось: кто-то говорит. Остановился. Долго стоял, прислушиваясь. Нет, это шумели провода...

Затем еще раз прокричали архары, теперь уже далеко. Ушли, свернули, промчались по ущелью.

И Николай заторопился. Гебридзе старался не отставать. Он подставил ухо навстречу ветру. Как-будто что-то услышал. Но ветер изменил направление, и звук остался непонятным.

Обручев тоже изменил направление. Лыжи вынесли на твердый снег, заскользили легко, проворно. Потом опять въехали в рыхлый снег.

Обручев сильнее заработал палками и вдруг резко остановился. Чуть заметная полоска пересекала путь. Николай нагнулся, осветил ее.

— Лыжный след. Свежий. Примерно часовой давности! — определил он.

Это не совсем вязалось с архарьим криком, прозвучавшим гораздо раньше. Но сейчас некогда было над этим задумываться.

«Чей след?».

Николай проехал вдоль следа несколько метров: чужой! Рядом с лыжной не было лунок.

«Почему же кто-то едет без палок?» — последовал второй вопрос. На него нетрудно было ответить: чтобы скрыть направление.

Проверяя себя, Обручев приказал Гебридзе читать след.

Ефрейтор проделал то же, что и старший наряда. Он опустился на корточки, тщательно всмотрелся. Доложил: — След чужой. Проложен около часа назад.

Обручев кивнул. Быстро измерил глубину своей лыжни и чужой. Последняя оказалась глубже. Возник третий вопрос: один ли прошел нарушитель?

Тут могло быть два ответа: либо лыжню проложил очень грузный человек, либо след в след прошло несколько лыжников.

Николай проехал по своему следу в обратную сторону, измерил его. Обнаруженная лыжня проваливалась в снег на большую глубину. Обручев в зимней одежде весил восемьдесят килограммов. Вряд ли мог найтись человек, который бы весил сто шестьдесят. Значит, три или четыре неизвестных шли по одному следу.

Но куда?

— Впереди камень. Там определим направление, — чуть слышно сказал Обручев.

Было мало вероятным, что неизвестные скрываются за камнем. Скорей всего, они спешили уйти до рассвета как можно дальше. Вероятно, рассчитывали взять перевал. Это было рискованно: один неверный шаг мог повлечь за собой обвал.

Дозорная тропа опоясывала перевал. Летом она соединялась с дорогой на вершину и обычно перекрывалась нарядями. Теперь наверху образовалась обледенелая снежная шапка. В течение долгих месяцев она росла и росла, на нее навешивали тяжесть частые снегопады и прессовали ветры. Путь на вершину был очень труден и опасен.

К камню пограничники подкрались со всеми предосторожностями. Как и предполагал Обручев, там никого не было.

— Разрешите осветить местность? — тихо спросил Гебридзе, доставая ракетницу.

Сержант схватил его за руку.

— Рано. Можем выдать себя. — Он присел на повороте и, загораживая собою свет, включил фонарик: — Читай след.

Гебридзе сосредоточенно всматривался.

— Есть! — вырвалось у него невольное восклицание. — Правильно, товарищ сержант. Они идут в тыл.

Николай тоже взглянул. Как ни старались неизвестные скрыть направление, но это им не удалось. Возле камня

они сделали крутой поворот, и передняя часть лыж выбилась из следа.

— Хорошо, — облегченно вздохнул Обручев. — Сейчас сообщим на заставу.

Он отъехал назад, отсчитал четвертый столб от камня и там, где подпорка столба образовывала угол, воткнул телефонную трубку.

Сигнал побежал на заставу. В дежурной комнате тревожно зазвонил телефон. Обручев коротко доложил, что обнаружены подозрительные следы и попросил выслать розыскную собаку.

Отметив условным знаком, в какую сторону идут, пограничники продолжали преследование.

Узкой дорожкой, приближаясь к перевалу, бежал перед ними след. Неожиданно лыжня свернула в сторону. Обручев подумал, что это уловка.

Вскоре наряд действительно выехал, примерно, к тому месту, откуда начал преследование. Дальше лыжня раздвоилась. Обручев послал Гебридзе по одной лыжне, а сам поехал по другой. Метров через двести и эта лыжня раздвоилась.

Обручев остановился. К нему подъехал Гебридзе, доложил, что то же увидел и он.

Задача усложнялась. Обручев предвидел это и не случайно просил на помощь розыскную собаку. Не было сомнения, что пограничники имеют дело с опытным врагом.

Обручев старался найти правильное решение. Где сейчас неизвестные?

Конечно, проще всего осветить местность. Но что это даст? Если неизвестные близко — их легко увидеть. А если ушли далеко? Тогда враг узнает, что обнаружен и примет контрмеры. Да и потом любой выстрел может ускорить обвал, который, чего доброго, сорвет всю операцию.

Нет, о ракетах сейчас не могло быть и речи.

Инструктор с розыскной собакой подойдет примерно через час. Значит, пока надо действовать самим.

«Может быть, неизвестные идут за кордон? — спросил себя Обручев, но тут же ответил: — А архарьи крики, словно животных гнали сюда? А след, идущий в тыл?».

Вывод напрашивался сам: неизвестные явились из-за кордона. Действительно, если бы они шли туда, зачем нужно петлять, путать следы: ведь до границы — рукой подать.

Если неизвестные держат путь к горловине ущелья, там их, бесспорно, встретит наряд, идущий на помощь.

Может быть, они обогнут перевал и выйдут на шоссейную дорогу? Нет, пожалуй, не выйдут. Там тоже наряд, и его трудно обойти.

Остается путь через перевал. Где его будут брать нарушители? Левей — почти отвесные скалы. Правей — тоже двигаться опасно. Но, допустим, нарушители пройдут. Куда они выйдут? На дорогу в колхоз! И по пути им встретится кибитка Ибрагима...

Николай быстро сориентировался. К скалам налево можно доехать за пять — семь минут. Значит, вначале — туда.

Выполняя приказание старшего наряда, Гебридзе снова провел несколько раз палками по снегу, обозначая направление движения.

Обручев оставил раздвоившиеся лыжни и уверенно прокладывал путь. Он первым заметил, что начался подъем. Остановился. Прислушался. Всё было спокойно.

Лесенкой стал подниматься к скалам. На полпути еле сдержал радостное восклицание.

След!

Присмотрелся. На мгновение закралось сомнение. Тот ли? Появились лунки около лыжни. Значит, неизвестные шли с палками. Странно...

Приказал Гебридзе проверить, сколько человек шло по следу.

Ефрейтор двинулся параллельно обнаруженному следу. Заметил с тну лунку, взмахнул палками и сделал несколько шагов. Затем стал тщательно изучать участок между первой своей отметкой и последней. Оказалось, что пройдя такой же отрезок пути, неизвестные в четыре раза чаще оттачивались палками.

Гебридзе доложил Обручеву, что по лыжне прошло четыре человека.

— Те же! — решил Обручев. — Но откуда взялись у них палки?.. Вероятно, не пользовались ими до поры до времени. А тут пришлось круто.

Ага, и неизвестные зашагали «лесенкой»!

Голый скалистый выступ вырос перед пограничниками неожиданно, хотя они хорошо знали, что он должен здесь быть.

Обручев включил фонарик. Неизвестные останавливались, пробовали взобраться на скалу. Один из них сорвал-

ся и упал. Об этом свидетельствовала наскоро замаскированная впадина в снегу.

Убедившись в непроходимости этого участка, нарушители оставили скалы и спустились в долину. Здесь снова шел след без палок.

«Значит, они!» — обрадовался Обручев.

Потом лыжня раздвоилась — старый прием. Обручев, не раздумывая, последовал по верхней.

Еще через полкилометра следы неизвестных вновь сошлись и теперь открыто повели на перевал.

Обручев, смахнул рукой пот с лица и, переведя дыхание, прислушался. Наверху хрустнул снег. Судя по всему, неизвестные близко. Николай припал к земле. Гебридзе — тоже. Он неслышно подполз к Обручеву и зашептал:

— Товарищ сержант, ракету?

— Нет, — ответил Обручев. — Это может вызвать обвал. Чего доброго, занесет нарушителей и нас.

Как же перерезать неизвестным путь?.. Выйти на дозорную тропу! Другого выхода нет. Правда, начальник заставы приказал стараться ею не пользоваться, но обстановка требовала.

Дозорная тропа проходила почти на самой вершине и, петляя, неизвестные в конце концов должны были попасть на нее. Только Обручеву нужно быть там раньше. Он решил. Приказал Гебридзе отползти, залечь и ждать его, отрезав неизвестным путь к отступлению. А сам снял лыжи, полушубок и надел поверх гимнастерки маскировочный халат.

Гебридзе понял его.

— Товарищ сержант, — зашептал он горячо. — Пожалуйста, осторожней. Сорваться можно!

Обручев молча кивнул. Скинул меховые рукавицы, чтобы руки не скользили и, напрягая мускулы, стал карабкаться вверх, прижимая автомат к груди.

Гебридзе откатился назад, захватив с собой лыжи и полушубок сержанта.

Ухватившись за выступ скалы, Обручев сразу расцарапал руки. Они кровоточили и немели, прикасаясь к обжигающим на морозе камням, но Обручев не чувствовал боли.

Наконец он достиг цели и почти сразу различил ниже себя смутный силуэт. Прижался к скале.

Сверху посыпался снег. Николай заслонился рукой, и в это время рядом свистнула пуля.

«Заметили! — подумал Обручев. Его бросило в жар.— Ну, держитесь!»

Ничего не видя в снежной завесе, он дал длинную очередь из автомата.

Потревоженная выстрелами тысячетонная снежная масса с грохотом обрушилась. Она покатилась по перевалу, всё сметая на своём пути.

Николай словно прилип к скале, всем телом ощущая острия камней.

Время шло. Ревело и стонало кругом, а он стоял невредимый. Это казалось чудом. Поток из камней и снега, описывая дугу, пронёсся над ним. Оказывается, скальный карниз навис над Обручевым и спас его.

Николай понял в чем дело, и сразу испарина выступила на лбу: значит, и нарушители могли спастись?!

Николай нетерпеливо сделал шаг вперед. Оборвавшийся сверху камень угодил в руку. Обручев потерял равновесие и упал. Его сразу потащило вниз...

Для Гебридзе выстрелы прозвучали неожиданно. Он быстро зарядил ракетницу и выстрелил. Но свет ракеты потонул в пыли, поднятой рухнувшей лавиной.

Обвал не задел Гебридзе. Беспokoясь за Обручева, он снова осветил местность.

Зеленая ракета стала быстро ввинчиваться в небо. На секунду застыла в воздухе и потухла.

Гебридзе осмотрелся: перевал оголился, тропу снесло. Обручева и неизвестных не было видно.

Глава шестнадцатая

НА ГРАНИЦЕ И В ТЫЛУ

Когда бывает не до сна. — «В ружье!» — Капитан Демин разговаривает с «Соколом». — Дорога ведет к кибитке Ибрагима. — Опять перехват. — Восемь билетов на Актюбинск. — Старушка со странностями. — Для кого купил билет шофер Петр Калачкин. — При чем тут Игнатюк? — Где восьмой?..

Зубареву снился сон: Мурманск, лето. Светло днем и ночью. Около гостиницы «Арктика», как всегда, многолюдно. На гладком асфальте кружатся пары. Зубарев ищет

среди них Любу. Да вот и она в своем стареньком домашнем платьице, и медальончик при ней. Но с кем же она танцует? Ах, с Каримовым!.. Странно: старшина берет ее под руку и уводит. Зубарев окликает их.

Старшина, не останавливаясь, бросает через плечо:

— Это ты сбрил усы? — и Зубарев холодеет от обиды: не он!

«Ральф, скажи хоть ты что-нибудь!» — просит Зубарев. Ральф скалится.

— Ну хорошо! — сердится Зубарев. — Я вам покажу. Кто-то дает ему автомат, и Зубарев стреляет...

Солдат садится на постели. А, может быть, это стреляли на самом деле? Оглядывается. Все в казарме сидят на койках. Значит, тревога!

Тревога!!!

В казарму вбегают старшина Каримов:

— В ружье!

— Алло! Прямой?.. Сокола!.. Товарищ Сокол, докладывает тридцать первый. Наряд при старшем сорок шестом обнаружил следы. Судя по всему — четверо. Идет в преследование... Мое решение: группу тревожных¹ возглавлю сам. Едем в район обнаружения следов. Перевал наверху перекрою дополнительным нарядом. Одновременно высылаю усиленные патрули по шоссе и на перекрытие всех отходов к границе. За меня остается тридцать второй... Будете сами?.. Ясно, товарищ Сокол!..

Демин повесил трубку и выбежал на площадку перед казармой. Замполит лейтенант Ганиев был уже там.

— Не спали? — спросил у него Демин и добавил: — к нам выезжает полковник.

— Ясно! — ответил Ганиев. Он напряженно следил за светящимися стрелками часов, которые капитан держал в руке. Минуту назад старшина Каримов поднял заставу в ружье.

Ветер гнал по небу тучи. Они уносились вдаль рваными клочьями. Мела метель. В конюшне тревожно ржали кони, в вольерах залаяли собаки.

Из казармы один за другим стали выбегать пограничники. Еще через несколько секунд старшина доложил ка-

¹ Поднимающиеся по тревоге.

питану, что личный состав собран в полной боевой готовности.

Демин окинул пограничников взглядом. Как обычно, внешне спокоен расчетливый и хладнокровный Резников. В противоположность ему, не умея скрыть своих чувств, волновался Зубарев. Демин видел, как загорелись глаза у Петренко. А вон те двое — само внимание...

Начальник заставы поставил боевой приказ: старший сержант Резников со служебной собакой Барсом и Петренко на лыжах пойдут верхней дорогой мимо кибитки Ибрагима. Вожатый Зубарев и еще один солдат будут сопровождать начальника заставы в конном строю. Два наряда выйдут на перекрытие дороги для взаимодействия с соседними заставами, также поднятыми по тревоге.

— Остальным быть наготове! — заключил Демин. — Разойдись!

— Кони поданы! — доложил Каримов.

Зубарев отвязал Ральфа и взял его на короткий поводок. Приветствуя хозяина, пес лизнул ему руку.

— Скорее! — нервничал Зубарев, поглаживая овчарку между ушей.

Возбуждение вожатого передалось Ральфу. Отталкиваясь от земли сильными лапами, он потащил солдата за собой. Зубарев с трудом успокоил его.

— По коням! — скомандовал капитан. — За мной, рысью, марш-марррш! — и дал коню шпоры.

Остальные наряды уселись в машину.

Четыре минуты прошло с момента объявления тревоги...

Свободным пограничникам лейтенант Ганиев разрешил вернуться в казарму. Он знал, что если понадобится, они через минуту снова будут в строю.

Поправляя на ходу косынку, к замполиту подошла Наташа. Ветер распахивал ее меховую шубку, торопливо накинутую на плечи, прижимал к ногам полы халата.

— Почему не спите, Наташа? — спросил Ганиев.

— Разве сейчас до сна? — с тревогой в голосе ответила она.

Издали донесся грохот. Лейтенант покачал головой, соображая: где это?

Наташа тоже прислушалась, вопросительно посмотрела на Ганиева.

— Ничего, обойдется, — заметил Ганиев, стараясь говорить спокойно.

Наташе стало страшно. Страшно за мужа, за Обручева, Гебридзе, за всех, кто в эту метельную ночь находился на боевом посту.

— Беспокойтесь? — поняв ее тревогу, сказал лейтенант.— Ничего, всё будет хорошо.

— Да, конечно,— растерянно ответила Наташа.— Я сейчас переоденусь и буду в медпункте.

В кабинете начальника заставы Ганиев увидел раскрытую книгу и на полуфразе оборванный конспект.

«Тоже не спал!»

На пороге появился старшина Каримов. Попросил разрешения войти. Испытующе взглянул на лейтенанта.

— Люди не спят. Ожидают боевого приказа,— доложил он.

— Пускай соберутся в ленинской комнате,— приказал Ганиев.— Еще раз пройдемся по карте.

Он взял карту. Пограничники вскочили, приветствуя его.

— Садитесь, товарищи.

— Едем? — нетерпеливо спросил один из солдат.

— Ракет не видно? — спросил другой.

— Ничего нового нет. Минут через двадцать начнут поступать сведения,— ответил лейтенант,— а пока...— Он развернул карту.— Давайте посмотрим... Здесь кибитка Ибрагима... Отсюда дороги...

Еще одна перехваченная кодограмма лежала перед майором Безуглым. На этот раз он быстро прочел ее. Резиденту предлагали взять билет на скорый поезд до Актюбинска на семнадцатое число.

До Актюбинска — это понятно. А откуда? С какой станции? Конечно, там, где к пограничной зоне подходила железная дорога. Скорей всего в областном центре, потому что там легче остаться незамеченным.

В городской кассе и на вокзале было продано восемь билетов до Актюбинска на скорый поезд, следующий в указанный день через областной центр.

Тремя пассажирами оказались новоселы. Они ехали в Казахстан по комсомольским путевкам.

Взял билет до Актюбинска и молодой хирург городской больницы. В Актюбинске у него жили родители.

В одном купе с ним должна была ехать пожилая женщина — бухгалтер горпищеторга. Всего полгода она не дослужила до пенсии, жила одна-одинешенька, из Актюбинска, по-видимому, никогда не получала писем и не отправляла. Это показалось странным, тем более, что мотивировку столь спешного отъезда пока не удавалось выяснить. Директор горпищеторга развел руками: да так, мол, собралась и всё тут. Старушка со странностями.

Бухгалтером заинтересовались. И вдруг неожиданно все выяснилось. Как-то одному из сотрудников не хватало денег под отчет. Он рассердился, сказал кому-то: «Пора бы нашей Петровне на пенсию». А тот ответил: «Куда там, выслуживается!» Бухгалтер случайно услышала их разговор и обиделась. Решила доказать, что она вовсе «не выслуживается» и подала заявление об увольнении. А решила ехать в Актюбинск потому, что слышала и читала: город строится, все туда едут. Да и не все ли равно, куда ехать одинокому человеку...

Конфликт утрясли. Билет сдали в кассу.

Наконец, выяснили, что за хулиганство уволен с автопарка шофер Петр Калачкин. Он решил ехать на целинные земли. Это было весьма подозрительно. Тем более, что органам государственной безопасности стали известны подробности инцидента в диспетчерской, когда пьяный Калачкин кричал про книги Драйзера.

Многое вызывало сомнение в поступках Калачкина. Если он резидент или связной, то поведение его было по меньшей мере неосторожным.

Но ведь Калачкину как-то нужно оправдать свой отъезд. Целина требует людей. Сорвался парень — там легче всего показать себя, снова стать человеком.

А может быть, Калачкин рассчитывал усыпить бдительность органов государственной безопасности, если они вдруг заинтересуются его личностью?

Допустим, он купил билет не для себя, а для кого-нибудь другого. В последнюю минуту он мог сказать, что передумал.

Словом, предположений можно сделать множество.

Калачкин приобрел билет в третий вагон. Место у него оказалось нижним, семнадцатым. Удивительное совпадение: число семнадцатое, место — семнадцатое.

Не пароль ли это?

Не менее странным показалось и поведение шофера Игнатюка. Он тоже приобрел билет до Актюбинска, только в другой вагон и никому не сообщил о предполагаемом отъезде — ни на работе, ни дома. Он выехал пятнадцатого в рейс и, по-видимому, предполагал вернуться к отходу поезда.

Кто купил восьмой билет, выяснить не удалось.

Узнав, что на участке заставы капитана Демина обнаружен след, полковник Воронков хотел вскочить и, крикнув: «Машину!» — помчаться на заставу. Так ему хотелось, но он остался сидеть в кресле у письменного стола. Спокойно снял трубку, приказал оперативному дежурному вызвать... Он назвал несколько фамилий.

Удивительно, что последние дни полковник, как ему самому казалось, делал всё медленнее, чем обычно, сдерживал себя. Обстановка, желание семь раз отмерить каждый свой поступок, диктовала такое поведение.

Оперативная обстановка... Ему докладывают ее еже часно. Решение принимает он. Только он. Его волю исполняют все, начиная от начальника штаба и кончая солдатом. И за всё он в ответе.

Где наиболее уязвимые направления? Как их перекрыть? Ваше мнение, начальник штаба... Мои соображения таковы... Что вы думаете по этому поводу?.. Да у вас талант!.. Но не забывайте то-то, то-то и то-то... Сюда — резервную группу. Здесь еще один контрольно-пропускной пункт. Передвижной. До особого распоряжения...

Как обеспечить связь? Доложите, начальник связи...

Обеспечение политического руководства. Слушаю вас, начальник политотдела...

Осыпь... Идет осыпь... Начальник инженерной службы, что предпринято?.. Хорошо, но еще нужно сделать так-то и так-то...

Продовольственное обеспечение застав. Заместитель по снабжению, вам слово...

Эти и многие другие вопросы полковнику Воронкову надо решать все время, независимо от того, спокойно или тревожно на границе. Телефон в его кабинете не умолкает. Телефон в квартире поднимает ночью. И двери его кабинета не закрываются.

Вот и сейчас. Только что он провел инструктаж с офицерами связи. Через пятнадцать минут явятся оружейники.

За эти пятнадцать минут нужно ответить на срочный циркуляр из округа, обязательно побеседовать с ефрейтором, который получил тревожную телеграмму из дому, и, наконец, выпить чаю.

Впрочем, если на границе тревожная обстановка, о чем он может говорить с ефрейтором? Отпуска запрещены. Но ведь бывают исключения. С ефрейтором как раз такой случай. А может быть, принять его через несколько дней, когда станет поспокойней?.. Нет, принять нужно немедленно.

А вот и он — в кабинете Воронкова. Протягивает телеграмму.

«Мать тяжело больна тчк Ваш приезд необходим тчк». Врач такой-то. Подпись заверена.

— Да вы садитесь,— говорит полковник.

— Ничего, постою.

— Садитесь, садитесь... И не волнуйтесь, пожалуйста. Всё будет хорошо... Куда ехать?

— В Сибирь, товарищ полковник.

— А как служба?

— Нормально.

— Это хорошо, что нормально. Поощрения есть?

— Были...

Полковник улыбнулся:

— Были — остались. Поощрения не снимаются. Это взыскания снимаются.

— Взысканий не имел!

— Ну, талант!.. Получите проездные документы — и в аэропорт. Я сейчас распоряжусь, чтобы вас подвезли на машине.

И оперативному дежурному:

— Доложите.

— Выехали, товарищ полковник. К перевалу Кыз-Байтал группа подполковника Садыкова. С передвижным КПП установлена радиосвязь...

— Готовьте машину. За меня остается начальник штаба.

Да, пора ехать. Начальник отряда должен находиться в боевых порядках.

Вошел шофер.

— Всё готово. Машину, рацию — всё проверил! — доложил он.

— Да ведь ты талант, Сеня. Поехали.— И полковник медленно пошел к вешалке, снял полушубок, застегнулся. В коридоре поймал себя на мысли, что не идет, а бежит.

«Нельзя. Надо думать, думать, а не лететь сломя голову. Думать. В этом и состоит наша работа!».

Глава семнадцатая

ШРАМ НА ЩЕКЕ

Портрет сына.— «Ахмед мог быть начальником заставы».— Ожидание.— Тугай приносит радостную весть.— Их было трое.— Фотография.— «Хочу видеть сына!» — Первая ошибка Тугая.— Обвал.— Где четвертый? — Ошибка Фукса.— Еще одна ошибка Тугая.

Ибрагим сидел у очага, задумчиво смотрел, как вздрагивают желтоватые язычки пламени, освещая большой портрет юноши. Это — единственный сын старика, пропавший без вести много лет назад. На левой щеке был заметен след от сабельного удара.

— Эх, Ахмед! — тяжело вздохнул Ибрагим, и снова одолели медленные, стариковские думы. Так часто, у очага, вот уже сколько лет приходили к нему мысли о сыне.

Помешивая ложкой шурпо¹, Ибрагим вспомнил случай со старшиной Каримовым. Может быть, только показалось тогда, что старшина отстранился от него? Недавно он назвал его «падар».

«Падар!»

Был бы жив сын...

Вот они сидят вдвоем. Сын читает газету, а он, Ибрагим, слушает. А может быть, читает невестка?.. Тоже не так. Читает внук. А невестка сидит здесь же.

Ахмед, наверно, председатель колхоза или, пожалуй, начальник заставы...

Ибрагим посмотрел в дверь комнаты, оглядел пустые стены. Если бы Ахмед был начальником заставы, Ибрагим бы не остался в этой кибитке.

...На окнах занавески, украшенные цветными узорами. На полу и стенах — ковры. В люльке качается внучка —

¹ Шурпо — суп с мясом и овощами.

красавица из красавиц. И она кричит, а он, дед, успокаивает ее и никому не доверяет...

Ибрагим так явственно услышал плач ребенка, что вздрогнул и отнял руки от лица.

За стеной надрывался ветер. Мела метель. Опять мела...

Старик вздохнул, подумал, что нужно закрыть на замки ставни, а то еще вьюжный ветер выбьет стекла. Он накинул на плечи чапан¹ и, зябко поеживаясь, вышел.

Ибрагим дотронулся до ставен, его огрубелая ладонь ощутила колючий холод промерзшего железа. Он закрыл ставни и медленно побрел назад. Вошел в комнату и огляделся.

Нет штор на окнах. Не кричит малютка. Не поет невестка. Пустует вторая комната, комната сына. В нее Ибрагим не заходит. Перенес свои скромные пожитки сюда.

Он присел на кровать, обхватил жилистыми руками седую голову и, покачиваясь в такт мелодии, стал тихонько напевать. Песня была грустная. На душе становилось еще тоскливей. Ибрагим пел всё громче. Обычно с песней приходило успокоение.

Потом он прилег. Заснуть не смог. Встал, прошелся по комнате. Остановился перед портретом сына.

— Ахмед!.. Пять дней мы ждали тебя, когда ты пошел в разведку. Не дождались!..

А когда добровольческие отряды вместе с частями Красной Армии разгромили басмачей, в логове курбаши Алибека увидели страшные следы жестокой расправы. Ибрагим искал сына среди растерзанных трупов, но не нашел. Он увидел лежащего на земле юношу с обезображенным лицом. Дехкане рассказывали: привезли его раненого, пытали. Бек кричал: «Я знаю твоего отца, говори!» Но он молчал. Тогда бек кинул его лицом в костер, а после стал топтать конем.

«Наверно, это был Ахмед»,— подумал тогда Ибрагим. Но все-таки в глубине души теплилась надежда, что сын вернется.

Шли дни, месяцы, годы — Ахмед не приходил.

— Эх, сын, сын,— шептал старик.— Родной мой... Полвон мой... Если бы ты мог слышать меня... Если бы мог... Резкий стук в дверь заставил его вздрогнуть.

«Кто бы это мог быть?» — удивился Ибрагим.

¹ Ч а п а н — халат.

Он, не задумываясь, отворил дверь. Перед ним, засунув руки в карманы маскировочного халата, стоял незнакомый человек.

«Кто это?» — подумал Ибрагим.

Незнакомец, переступив порог, запер дверь и медленно подошел к нему.

«Я не знаю его!»

Неизвестный беспокойным взглядом окинул комнату.

— Здравствуй, — сказал он на родном языке Ибрагима. — Я принес тебе радостную весть.

Это был Тугай. Он придвинул стул к печке и сел. Глаза его неотступно следили за Ибрагимом.

— Кто ты? — удивился старик.

— Это всё равно, — ответил Тугай. — Я принес тебе привет от сына.

Ибрагим почувствовал, что задыхается. Он схватился руками за грудь.

«Я знал, что он жив!» — мелькнула мысль.

— От сына? — взволнованно переспросил Ибрагим.

— Да, от сына.

«Ахмед жив! — как во сне подумал старик. — Жив!»

Но вслед за радостью пришло сомнение:

«Где же он пропадал столько лет? Почему не писал раньше?.. Нет, здесь что-то не так! — И снова хотелось верить: — А может быть, правда? Ахмед жив!»

— Где же он? — спросил Ибрагим, стараясь говорить спокойно.

— Близко. Хочет вернуться домой.

— Значит, он жив! — воскликнул старик. — Говори же, говори! — заторопил он пришельца.

— Помнишь тот год? — таинственно спросил Тугай.

— Да, помню.

— Твой сын не вернулся. Его увез с собой Алибек.

Далеко увез.. Понравился храбрый юноша. Женил его бек на дочери своего брата. Тот зорко следил за ним, боялся — вернется на родину. А недавно брат бека умер. Тогда Ахмед сказал мне: «Иди, Хаким, найди отца, скажи: хочу его видеть». Вот я и пришел.

Тугай достал из кармана табакерку, высыпал на ладонь щепотку табака и, широко открыв рот, закинул под язык.

Ибрагим сидел неподвижно.

«А как же тот юноша с обожженным лицом? — пронеслось в голове. — Значит, то был не Ахмед?»

Гость поднялся.

— Ты рад?

Ибрагим благодарно смотрел на него. В глазах стояли слезы.

— Это всё правда?

Тугай усмехнулся:

— Еще два человека могут подтвердить это. Они со мной. Позвать?

Вновь пришло сомнение.

— Зови,— холодея, сказал Ибрагим.

Тугай вышел и тотчас вернулся в сопровождении двоих мужчин, одетых, как и он, в белые маскировочные халаты. Один — с худым, тщательно выбритым лицом, другой — бородатый.

— Здравствуйте,— сказал по-русски один из гостей.

Ибрагим скрестил руки на груди в знак приветствия.

— Пожалуйста, проходите.

— Хороший старик,— сказал бородатый и стал раздеваться.

Ибрагим принял у него халат и теплую лисью шапку. Остальные тоже разделись.

Ибрагим пригласил всех к столу. Разломал лепешки и заварил чай. Протянул пиалу бородатому.

— Хороший старик,— повторил тот и, обжигаясь, стал пить.

Другой гость, с приплюснутым носом и металлическими зубами, что-то шепнул «Хакиму».

— Так мы у тебя заночуем,— сказал Тугай.

Старик согласился.

— А ночью к тебе никто не придет?

Ибрагим отрицательно покачал головой.

— Ну, хорошо. Скоро увидишь сына.

Ибрагим прижал руки к груди.

— Хочешь увидеть сына? — переспросил Тугай.

— Конечно, хочу! — дрогнувшим голосом ответил старик.

— Тогда слушай меня внимательно: днем ты из кибитки никуда не пойдешь и никого впускать не будешь... Скажешь, что заболел.

Бородатый зевнул и пересел на кровать. Видимо, этот разговор мало его интересовал. Он снял валенки и тонкие шерстяные чулки. Зато другой гость, чисто выбритый, с

приплюснутым носом, ловил каждое сказанное Ибрагимом слово.

— А кто у тебя бывает? — вкрадчиво спросил Тугай.

— Саттар бывает.

— Это кто?

— Саттар — мой помощник. Чабан.

— Ну, а еще?

— Комсомольцы приходят из колхоза.

Тугай поморщился. Его длинная волосатая рука на мгновение повисла в воздухе.

— А пограничники?

— Пограничники? — и сразу Ибрагим вспомнил, что рядом граница, что эти его гости с той стороны.

«Так что же я делаю? — ужаснулся он. — Надо немедленно связаться с заставой. Задержать их!.. Какой тут может быть сын?»

— Пограничники не заходят, — глухо ответил Ибрагим.

Тугай недоверчиво посмотрел на него.

— Давай письмо, — вдруг обратился он к бородатому. Тот полез за пазуху.

— На, — сказал Тугай, передавая старику конверт.

Ибрагим вскрыл его дрожащими руками. Выпала фотография. Ибрагим поднял ее.

— Ахмед!.. Так вот ты каким стал, мой мальчик!..

Глаза затуманились. Не помня себя от счастья, старик прижал фотографию к губам, стал целовать твердый картон. Голова его бессильно упала на стол, и плечи задрожали.

— Ахмед! — простонал Ибрагим, не поднимая головы. — Я хочу видеть тебя, Ахмед! — И от избытка чувств ударил кулаком по столу.

Неизвестные переглянулись. По лицу Тугая пробежала усмешка. Бородатый закурил папиросу.

— Тумаков, — позвал человек с металлическими челюстями, — дай и мне.

Бородатый охотно протянул пачку «Казбека».

...У старика нервно вздрагивали плечи. Уже минут пятнадцать сидел он, неподвижно положив голову на стол.

Тугай с ненавистью смотрел на Ибрагима. Третий спутник молча наблюдал за стариком и Тугаем. Его холодный взгляд посеял тревогу в душе Тугая, напомнил, как шли через перевал.

Вначале вышли к заснеженным скалам. Тугай попробовал взобраться наверх, но руки заскользили, и он упал. Тогда Джордж Динкер впервые познакомил его со своим кулаком. Тугай чуть было не кинулся на него, да вовремя спохватился.

Он повел всех правее и в другом месте, по занесенному снегом перевалу, через который проходил несколько раз, стал подниматься. Нужно было спешить: их могли заметить пограничники.

Тугай знал, что наверху скопился снег, и неверное движение может привести к обвалу. Он предупредил об этом своих спутников.

Динкер ответил зло:

— Не твоя забота. Веди.

Джордж Динкер не раз бывал в горах. Это Тугай понял сразу, едва они встали на лыжи.

На перевал поднялись удачно. Остановились передохнуть. Динкер прохрипел:

— Обвал, говоришь, будет?

— Да, — ответил Тугай. — Будет. Обязательно будет.

— А другим путем сможем вернуться?

Тугай кивнул.

— Все здесь? — спросил Динкер.

— Все, — ответил Тугай.

Динкер достал пистолет и, не целясь, выстрелил.

И вдруг в ответ на выстрел Динкера невдалеке протарахтела автоматная очередь.

Они присели от неожиданности.

И тут громадная белая глыба медленно потекла вниз.
Обвал!

Потом оказалось, что они идут втроем.

— А где же четвертый? Этот, как его... — заволновался Динкер.

— Может быть, отстал? — неуверенно заметил Тугай.

Но тот, кого ждали, всё не приходил.

Динкер приказал вернуться.

Поиски оказались тщетными. Неужели тот, четвертый, попал под лавину? Но как это случилось?

И вдруг Динкер понял, что Тугай ответил ему наобум. Не сдерживая ярости, он налетел на Тугая, схватил железной хваткой за горло, но вспомнил: проводник — и разжал пальцы.

— Вы напрасно стреляли,— заметил Тумаков.

— Нет! — окрысился Динкер.— Зато пограничники теперь не догонят. Я предполагал, что они могут набрести на наш след.

— Ну, ничего,— примирительно сказал Тумаков.— Обойдемся и без того.

Динкер разразился бранью. Один он знал, что такое «четвертый спутник». Для Тумакова и Тугая это был балласт, для Динкера — доллары, которые он выторговал у Фукса после того, как узнал, что придется вести этого человека через границу.

Овладев собою, Динкер приказал Тугаю вести дальше.

За поворотом потянулся обледенелый скат. Лыжи пришлось снять. Сейчас они мешали.

Вышли в долину. О преследовании уже не могло быть и речи: К утру следы занесет.

Ибрагим встретил хорошо. На лучшее трудно было рассчитывать...

Тугай полез в карман и вынул табакерку.

Динкер помял в руках папиросу, щелкнул пальцами. Тугай услужливо чиркнул спичкой. Динкер протянул ему папиросу. Тугай отказался и с наслаждением кинул табак под язык.

Ибрагим вдруг резко поднялся, отодвинул стул. Глядя в глаза Тугаю, сказал твердо:

— Вот что, вы тут хозяйничайте, а я ненадолго отлучусь. Скоро рассвет — мне надо на ферму... Да вы не бойтесь, не подведу,— и поперхнулся.— Сами ведь понимаете... Хочу, обязательно хочу перед смертью повидаться с сыном.— Голос его задрожал, фотография выпала из рук.

Тугай переглянулся с Динкером. Тот бросил Тугаю кошелек.

— Это тебе от сына,— сказал Тугай, протягивая кошелек Ибрагиму.

Старик поднял с пола фотографию и медленно переводя взгляд на висевший на стене портрет, почувствовал, как тревожно стало на сердце.

«Деньги?.. Здесь что-то не так!..»

Впился глазами в портрет.

След от сабельного удара!

Почему на фотографии нет этого следа?..

— Неужели совсем зажил? — спросил одними губами, показывая рукой на шрам.

Тугай тоже взглянул на портрет и вдруг высоко поднял табурет, с силой опустил его на голову Ибрагима.

«Как я мог колебаться!» — мелькнула у старика последняя мысль. Он потерял сознание. Из рта хлынула кровь.

— Болван! — выругался Динкер, с презрением взглянув на Тугая. — Идиот! Что ты натворил?!

Глава восемнадцатая

ЕЩЕ ОДИН СЛЕД

Обручева несет лавина. — Боль и долг. — Белый бугор. — Слово предоставляется автомату. — Господин Всеволод Горев. — Подмога. — Еще один след. — Наперерез через скалы. — Ральф показывает, на что он способен. — Искать, искать!

Снег забивался в рот. Боль обжигала. Лавина несла Обручева, то засыпая, то выталкивая наружу. Вдруг она резко замедлила движение. Рыхлые ручейки снега начали обтекать преграду.

Обручев ухватился за каменный выступ и попытался встать на ноги. Боль в руке стала невыносимой. Она началась в пальцах, электрическим током била в плечо.

«Перелом, — мелькнула мысль. — Хорошо, что только рука!» — И сразу камень, снег качнулись в сторону. Напряжением воли Обручев заставил себя открыть глаза.

Он рывком поднялся на колени, но от резанувшей боли в руке снова повалился в снег и увидел, как всё кругом словно рассвело.

«Это мне кажется, — подумал Обручев, закрывая глаза. — Нет, это ракета!»

Превозмогая боль, он вновь встал на колени и здоровой рукой ухватился за камень.

Это действительно была ракета. И уже не первая. Разыскивая товарища, Гебридзе всё время пускал ракеты. Он знал, что Обручев где-то рядом, за барьером из камней и снега.

— Гебридзе! — прохрипел Обручев.

Опираясь здоровой рукой на автомат, он встал на ноги и, до боли закусив губу, прислонился к камню. Перед глазами поплыли круги. Боль не давала сосредоточиться. В какой-то момент, когда в голове прояснилось, мелькнула мысль: а нарушители?

Эта мысль отодвинула боль. Пошатываясь, Николай сделал шаг вперед. Снег осыпался, потянул его за собой.

Еще одна ракета осветила местность.

Взобравшись на камень, Гебридзе увидел Обручева и по снегу скатился к нему.

— Товарищ сержант, живы? — обрадовался он.

— Жив! — ответил Обручев. — Только рука... А эти?.. Надо искать. Надо осмотреть местность. Эта лавина... Может, они тоже где-нибудь здесь...

— Не ушиблись?

— Рука, а так, кажется, ничего, — с трудом выдавил Обручев. — Скорее!

Гебридзе поддержал его. Николай стиснул зубы. Руку разламывало. От жгучей боли темноло в глазах, бросало в жар.

Один шаг вверх и еще. Дальше ползком, на боку. Во рту пересохло. Обручев припал разгоряченным лицом к снегу, глотнул его. Напрягся и, опережая Гебридзе, рванулся вперед. Задел о камень больной рукой и потерял сознание. Он очнулся, когда Гебридзе хлопотал над ним, тер снегом виски.

— Ты что? — отстранил его Николай. — Пошли.

— Товарищ сержант, вы тут обождете?.. Скоро наши подъедут.

— Давай, давай, Гебридзе!

— Ну так хоть перевяжем руку...

— Давай, тебе говорят!

Обручев поднялся и сделал несколько шагов. На этот раз расчетливо, осторожно.

Выкарабкавшись на ровную площадку к камню, за которым Гебридзе переждал обвал, Николай попросил товарища надеть ему лыжи.

— Теперь освети местность!

Зеленоватым светом озарились горы, снежные глыбы, камни.

— Нужно осмотреть район обвала. Действуй, Гебридзе... Да знак оставь.

— Есть! — ответил Гебридзе и, начертив палками две неровных перекладки, припадая к земле, заскользил вдоль перевала, объезжая сугробы.

Туман рассеялся.

Обручев следовал на расстоянии видимости. Он с таким напряжением следил за Гебридзе, готовый в любую минуту поддержать его огнем, что временами забывал о боли в руке.

Тихо.

Может быть, нарушителей завалило? А возможно, им удалось забраться на перевал? Ведь снежная лавина прокатилась узкой полосой?

Но почему Гебридзе вдруг остановился? Присел... Подзывает его к себе.

— Смотри!

След!

Кто-то выполз из-под сугроба, пополз на четвереньках. Потом встал на ноги, побежал.

Без лыж далеко не уйдет!..

Гебридзе осторожно включил фонарик, сверху посмотрел на след. Отражаясь от снега, желтоватый луч рассыпался, и след показался неровным.

Может быть, нога в ногу идут двое?

— Не так, Гебридзе,— подсказал Обручев.— Смотри сбоку.

Гебридзе отступил на шаг и снова направил свет на следы. Теперь они стали видны отчетливей. Нетрудно было определить, что здесь шел один. Возможно, только он и спасся.

Было видно по следу, что нарушитель проваливался в снег. Вот отпечатки его рук. Затем пошел твердый наст. Неизвестный бежал обратно к границе.

— Ложись! — приказал Обручев.

Гебридзе понял намерение старшего наряда, спрятался за камнем.

— Ракету! — велел Обручев.— И смотри!

Ракета осветила гряду камней. Снег бил в глаза. Трудно было что-либо рассмотреть даже поблизости. Снежный бугор метрах в двухстах.

Откуда бугор?

Ракета застыла в небе, как самая большая звезда, и вдруг, стремительно ринувшись вниз, с шипением врезалась в снег.

Гебридзе передал ракетницу Николаю, сжал в руках автомат.

— Следи за бугром,— шепнул Обручев и поднял ракетницу.

Вновь зеленая ракета стала ввинчиваться в небо. Вот он, бугор. Но теперь почему-то он стал ближе к каменной гряде.

Хорош «бугор»! Не пускать его за камни, там будет труднее взять!

По знаку Обручева Гебридзе выстрелил, целясь выше «бугра», а Николай высунул из-за камня шапку, надетую на лыжную палку. Тотчас пуля пробила шапку, хотя выстрела не было слышно.

Ракета догорала.

«Бугор» поднялся и побежал.

— Стой! — крикнул Обручев.

Затарактел автомат. Вразброс полетели на снег дымящиеся гильзы. И всё смолкло.

«Бугор» лежал, широко разбросав руки. Пограничники подошел к нему. Неизвестный был мертв. Рука конвульсивно сжимала пистолет. Обручев покачал головой:

— Жалко не взяли живым.

Снова боль чуть не сбила с ног.

— Обыскать! — приказал он, опускаясь в снег и почти теряя сознание.

— Товарищ сержант!.. Коля! — бросился к нему Гебридзе.— Ну что же ты? Потерпи немного.

В это время где-то со стороны ущелья вновь озарились горы.

— Наши!—радостно закричал Гебридзе.— Наши едут, товарищ сержант!

Николай попытался сесть. Гебридзе поддържал его.

— Надо обыскать,— тихо сказал Обручев, пытаясь встать на ноги.

— Сейчас.— поспешно ответил Гебридзе,— сейчас все сделаю. Ну, а как вы?.. Так не больно?.. Теперь этой рукой обопритесь...

Демину казалось, что конь бежит слишком медленно. Он непрерывно пришпоривал его, склонившись низко к самой гриве. Зубарев и другой солдат не отставали. Ральф бежал рядом.

За известковым камнем пришлось перейти на шаг. Тут они услышали грохот обвала.

В ущелье металась вьюга. И вот — долина Хурсанди.

Капитан различил на снегу выдавленный палками крест. Перекладина слева была чуть длиннее. Значит, наряд шел в эту сторону.

Капитан приказал дать опознавательный сигнал и напряженно прислушался.

С линии границы высоко в небо поднялась осветительная ракета.

— Так! — обрадовался капитан. — За мной!

Демин выслушал рапорт Обручева. Наклонился над трупом в маскировочном халате.

Гебридзе передал начальнику заставы скорострельный бесшумный пистолет и коробки с запасными патронами, вещевой мешок, в котором лежали буханка хлеба, сыр, шоколад без обертки, советские деньги, аккредитивы, компас, несколько пачек «Казбека», нож.

При свете фонарика Демин просматривал документы на имя Всеволода Петровича Горева: паспорт, военный билет, незаполненное командировочное удостоверение с круглой печатью.

Обручев, прислонясь к коню, молча наблюдал за капитаном.

— Молодцы! — сказал Демин, выпрямляясь.

— А где остальные? — с трудом выдавил Обручев. — Ведь их даже преследовать нельзя. Теперь на перевал не взобраться.

— Их Резников встретит. С ним — Барс. Далеко не уйдут... — Демин в этом не сомневался. — Да вы что таким загробным голосом разговариваете?

— Я, товарищ капитан, кажется, руку сломал, — ответил Обручев.

Демин посветил и заметил, что Обручев еле стоит. Он порывисто шагнул к сержанту, на ходу снимая поясной ремень.

— Что же вы сразу не сказали? — Демин ловко завернул ремень, сделал петлю и помог Обручеву взять руку на перевес.

Николай застонал.

Ничего, — ободряюще заметил Демин. — Сейчас легче станет.

— Товарищ капитан,— вспомнил Обручев, стараясь пересилить боль,— по архарьему крику надо полагать, что след совсем свежий, а он оказался часовой давности.

Демин насторожился:

— Следы животных около лыжни обнаружили?

— Никак нет.

— Совсем нет или не искали?

— Не искали,— сознался Обручев.— Некогда было.

— Странно,— задумчиво произнес Демин.— Уж не шел ли там еще кто-нибудь?.. Тихонов,— приказал он солдату, который приехал с ним,— будете сопровождать Обручева на заставу. Гебридзе поедет с вами. А мы с Зубаревым постараемся разобраться, в чем дело.

Гебридзе и Зубарев помогли Обручеву сесть на коня. Свою лошадь Зубарев отдал Гебридзе.

Зубарев и Демин воспользовались лыжами товарищей и вскоре подъехали к тому месту, где Обручев впервые увидел чужой след. Тщательный осмотр местности подтвердил, что архары сюда не подходили.

Демин решил двигаться наперерез следа, и, пройдя полтора — два километра, Ральф обнаружил второй след.

Чей?

Может быть, это петляли всё те же нарушители?

Зубарев взял немного в сторону и сразу подозвал капитана. Вот где были архары! Они бежали, по всей вероятности, вглубь долины, но неизвестные спугнули их. Животные не пересекли лыжню, а свернули в сторону.

Демин сам изучил след. Он остался на плотно слежавшемся снегу. Затвердели стенки отпечатка, лучше защищенные от ветра. Демин определил, что след проложен около трех часов назад. Если с того момента, как Обручев обнаружил первый след, прошло два часа, да если учесть, что сам след, примерно, часовой давности, получается, что нарушители умудрились одновременно проложить два следа на значительном расстоянии друг от друга.

Как и предполагал Демин, параллельно первой группе нарушителей шла другая.

Куда?

Несомненно, к районному центру. Может быть, для того, чтобы затеряться там, а может быть, чтобы выйти на шоссе. Но так или иначе, им нужно обогнуть скалы, пройти открытой долиной. Смело, ничего не скажешь!..

Чтобы сократить время, капитан решил пойти напрямик, взять скалы, почти непроходимые в это время года, и отыскать след нарушителей уже наверху.

— Ральф должен запомнить след! — сказал Демин.

— Не сомневайтесь, товарищ капитан, — уверил Зубарев. — Он запомнит.

Ральф, тяжело дыша, рвался по следу. Зубарев погладил его.

— Нет, нет, Ральф, — шептал он, осторожно оттаскивая его от следа.

Так пришлось проделать несколько раз. Овчарка, наконец, поняла, что от нее хотят, и послушалась Зубарева.

Капитан Демин двинулся первым. Вскоре он уже освещал фонариком сурово нависшие скалы. Свет скользнул по обледенелым кряжистым выступам и потерялся, не достигнув вершины.

Демин подставил Зубареву спину. Тот залез на капитана, подхватил Ральфа и посадил на один из выступов. Потом, одной рукой ухватившись за гребень, подтянулся и, напрягая мускулы, полез наверх. Нашупал другой выступ. Быстро привязал к нему веревку и конец сбросил капитану.

Через минуту Демин стоял рядом с Зубаревым.

Снова посветили.

Зубарев посадил Ральфа еще выше. Пес, отлично понимая хозяина, уцепился за что-то и сам стал карабкаться. Зубарев последовал за ним.

Намокшие рукавицы пришлось снять. Зубарев лез осторожно, не видя Ральфа, значительно опередившего его, но ориентируясь на его повизгивание. Наконец достиг относительно ровной площадки и трижды хлопнул в ладоши.

Демин проделал тот же путь. В самом конце Зубарев протянул ему руку, помог подняться.

Они отдышались.

Ральф нетерпеливо тьякнул — звал их к себе.

Зубарев не находил, за что ухватиться. Демин показал на острый выступ метрах в пяти над ними. Зубарев разматал веревку и закинул туда петлю. Попробовал: держит крепко.

Затвердевшие ледяные валуны, набегавшие друг на друга, были скользкими. Зубарев тщетно пытался задержаться. Руки устали, вот-вот разожмутся.

Сделав усилие, он лег грудью на лед. Дал рукам отдохнуть. Псполз, боясь оглянуться.

С трудом преодолев скат, он долго не мог подняться, во всем теле ощущалась страшная усталость.

Капитан Демин, тяжело дыша, поднялся вслед за Зубаревым. Подбодрил.

Ральф лаял совсем близко, возмущенный, что к нему так долго не подходят.

Зубарев встал, упершись в плечо Демина, ухватился за очередной выступ. Демин до боли напряг мышцы, чтобы не соскользнуть.

Солдат подтянулся так, что голова его уже торчала над выступом, как вдруг почувствовал, что онемевшие пальцы не слушаются, разжимаются.

Он подумал, что, сорвавшись, сможет сбить капитана, и вдвоем они покатаются вниз.

Напрягся из последних сил. И тут Ральф схватил его за воротник и потащил. Зубарев подтянулся — под ногами была твердая почва.

Ральф, виляя хвостом, лизал руки вожатому.

— Молодец, Ральф.

Зубарев закрепил веревку и помог взобраться капитану.

Дальше путь стал легче.

Когда взяли последний выступ, Демин с удовлетворением отметил, что они сэкономили, по крайней мере, часа полтора. Теперь нужно было вновь искать след.

Глава девятнадцатая

В ЗАПАДНЕ

Поиск. — Вопросы, на которые пока не было ответа. — Кто же в кибитке Ибрагима? — Джордж Динкер теряет доллары. — Резников сокращает расстояние. — Тугай считает, что в подобной ситуации самое лучшее — бежать. — Саттар проезжает мимо. — Просьба Гульджан. — «Звони на заставу!» — Динкер теряет шансы на жизнь. — Рязька на кладбище.

Там, где наст был твердый, Барс тащил Резникова, и Петренко отставал. Резников натягивал поводок и, не обращая внимания на недовольное повизгивание овчарки, поджидал своего напарника.

Без приключений достигнув вершины горы, наряд спустился в долину, проехал спящей улицей селения и от молочной фермы свернул к кибитке Ибрагима. Пограничники не стали тревожить старика.

Дальше снег стал глубже. Мешал идти ветер. Всё вокруг было бело. Полагались главным образом на Барса. Он вел себя спокойно, и Резников был уверен, что ничего подозрительного нет.

Но вот овчарка заволновалась, ткнулась носом в колени инструктору. Резников включил следовой фонарь и с трудом различил запорошенный снегом отпечаток подошвы.

Кому нужно было прогуливаться здесь ночью, да еще в такую погоду?

Резников воткнул палку, чтобы не потерять отпечаток, и вместе с Петренко стал искать другие следы. Всё было тщетно. Тогда он вернулся к палке и показал Барсу след. Овчарка заволновалась, поняла, что начинается поиск, и сразу потянула к ибрагимовой кибитке.

Вскоре под бугром, защищенным от ветра, они обнаружили новый, почти нетронутый след. Петренко обратил внимание на вдавленность носка и чересчур широкую пятку. Пришел к выводу, что след в след шли, по крайней мере, двое.

Неужели нарушители взяли перевал, оторвались от следователей и вышли сюда? А как же Обручев и Гебридзе? И где капитан Демин?

Барс рвался к кибитке. И вот она снова замаячила черным расплывчатым пятном. Показалось, кто-то открыл дверь, потому что на снег легла полоска света.

Резников придержал овчарку, сам еле устояв под напором ветра. Ошейник впился в горло, и Барс негромко тьякнул.

Светлая полоска исчезла.

Петренко тоже заметил полоску света. Значит, ошибки быть не могло: дверь открывалась. Это заставило еще больше насторожиться.

Овчарка, должно быть, почуяла чужого: шерсть у нее поднялась.

Кто же находится у Ибрагима?

Порыв ветра, изменившего направление, взметнул едкую, как пыль, снежную массу.

«В такую погоду Ибрагим обычно закрывает ставни на замок,— подумал Резников.— Значит, с той стороны, где

окна, никто не выйдет из кибитки. Следить нужно за дверью».

— Отползи левой,— приказал старший наряда Петренко.

У Джорджа Динкера уплывали последние шансы на вознаграждение. После того, как Тугай ударил старика по голове, оставаться в кибитке было нельзя.

Динкер приказал Тугаю посмотреть, что делается на улице, а когда тот повернулся спиной, с удовольствием подумал, как у самой границы всадит ему пулю в затылок.

Тугай открыл дверь. Подставляя лицо ветру, прислушался. Уловил лай. Испуганно захлопнул дверь и защелкнул задвижку. Вид у него был озадаченный.

Он решил, что в предрассветный час за Ибрагимом пришли чабаны. Нужно было, чтобы старик обязательно усыпил их подозрения.

Тугай подошел к старику.

«Живуч!» — подумал с облегчением.

Ибрагим тихо стонал. Тугай схватил кружку с водой и вылил ему на голову.

Старик открыл глаза.

Динкер больно взял Тугая за плечи, сердито глянул в глаза. Тугай кивком показал на дверь.

— Бол-ван! — выругался Динкер и, поддерживая окровавленную голову старика, заглянул ему в рот. Ибрагим сильно прикусил язык. Он распух, еле помещался во рту. О том, чтобы старик заговорил, сейчас не могло быть и речи.

И Тугай и Динкер сразу поняли опасность своего положения. Тугай вспомнил про старый пост. Может быть, успеют туда до рассвета?

— Правильно! — сказал Динкер и выпустил из рук Ибрагима. Старик, ударившись головой о пол, снова потерял сознание.

Тумаков дремал. Динкер разбудил его, в нескольких словах разъяснил обстановку. Тумаков не выразил ни страха, ни сожаления. Идти, так идти.

Все трое достали пистолеты.

Тугай приоткрыл дверь. К счастью, еще не утих ветер: следы занесет.

Петренко замер. Ветер, казалось, помог ему, вздыбил соседний сугроб.

Тугай заметил это. Чувство животного страха овладело им, и он два раза выстрелил по сугробу. Дверь в кибитке захлопнулась. Он рванул ее, но безуспешно.

«Закрылись, гады!»

Всё произошло так быстро, что ни Петренко, ни Резников не успели заметить: ушел враг или нет.

Барс рвался к двери. Резников подумал, что неизвестные еще в комнате и отполз за куст. Сквозь заснеженные ветви можно было увидеть кибитку Ибрагима.

Ну, а как же быть дальше?

Резников шепнул Петренко:

— Возьми дверь на мушку! — И еще тише, в самое ухо Барсу: — Ползи!

До кибитки оставалось метров семь-восемь, когда дверь слегка приоткрылась, и почти одновременно прозвучали два выстрела. Одна пуля впилась в косяк двери. Это Петренко умышленно принимал огонь на себя. Другая — из кибитки, просвистев над головой ефрейтора, зарылась в снег.

Дверь снова захлопнулась.

Резников между тем подполз к окну с дощатыми ставнями. Отыскав щелку, припал к ней. Но в этот миг к столу метнулась чья-то тень, послышался звон разбитого стекла, и в кибитке стало темно.

Сержант свистнул и в два прыжка оказался на крыльце. От удара прикладом задвижка отскочила. Выхватив гранату, Резников ногой распахнул дверь:

— Руки вверх!

В ответ прозвучал выстрел.

Резников успел толкнуть овчарку и вместе с ней притаился за печкой.

По комнате с грохотом покатились пробитая пулей кастрюля.

Не помня себя от страха, Тугай прыгнул в снег. Ветер толкнул его в спину. Тугай побежал, радуясь, что ветер попутный. Ноги увязали в снегу. Тугай с трудом вытаскивал их, удивляясь тому, как они тяжелеют.

Он совсем выбился из сил, когда дорогу пересекла замерзшая речка. Впереди чернел силуэт. Вначале показалось, кто-то стоит. Тугай вздрогнул. Однако, приглядев-шись, понял, что это развалины старого поста.

Он обрадовался и побежал по твердому в этом месте, словно утрамбованному, снегу. Конечно, он рисковал, открыто направляясь к разрушенному строению, но какое-то чутье подсказывало ему, что здесь опасаться нечего.

Тугай перемахнул через обвалившийся дувал и, не задумываясь, пролез в то, что когда-то называлось комнатой. Снял меховую шапку и, стряхнув снег, ударил ею по стене. Застывшие камни издали угрюмый стон.

Тугай подумал, что именно здесь погиб его отец и сразу вспомнил про Ибрагима:

«Что, старый шайтан, повидал сына?»

А может быть, Ибрагим еще жив? Может быть, пограничники перебили спутников Тугая и сейчас, в эту самую минуту, старик ведет их сюда, к старому посту?..

Тугай нервно засмеялся. Нет, не встанет Ибрагим!

Присев на глиняный пол, Тугай вытянул ноги. Хоть немножко, хоть чуть-чуть отдохнуть, лишь бы вернулись силы!

Размышления Тугая прервал посторонний звук. Тугай вскочил и, крадучись, подошел к окну. Кто-то проезжал мимо.

«Это за мной!» — мелькнула мысль.

Человек на лыжах остановился.

«Заметил!» — подумал Тугай, но страха не почувствовал. Обреченность озлобила, и он взвел курок.

Лыжник проехал мимо.

Снова завывал ветер, сотрясая ветхие стены.

Занявшийся рассвет помог Тугаю довольно долго следить за лыжником. Вот он остановился. Занес над головой палку Опустил.

Что он там делает?.. Пробует лед?! Зачем?.. Может быть, здесь прорубь, место водопоя скота?

Тугай положил руку на обвалившийся подоконник и, прицелившись, некоторое время не спускал лыжника с мушки.

Нет, убивать нельзя. Это поднимет тревогу в колхозе. Нужно бежать отсюда!

Куда?

На старое мусульманское кладбище!..

Лыжник скрылся за холмом.

Тугай выскользнул из развалин. Было совсем светло. Он бежал, точно одержимый.

Ну да, конечно, вот оно — кладбище, среди холмов, защищенное от ветра, и земля здесь голая, без снега.

Тугай подумал, что следов не будет видно, забился в высокий, торчащий конусом мазар¹ и решил, что находится в безопасности. Здесь можно отсидеться несколько дней.

Саттар проснулся по обыкновению рано. Однако не успел он еще подняться, как в дверь постучали.

Он приник лицом к стеклу. На улице стояла одинокая девичья фигурка.

Саттар быстро оделся и отпер дверь. Струя морозного воздуха, ворвавшись в комнату, заставила его поежиться.

— Заходи, Гульджан.

Девушка поздоровалась. На ее бровях и ресницах таял снег. Голова была повязана шерстяным платком, спадавшим на полушубок.

— Ты что-то рано сегодня, — заметил Саттар.

— Не спится, — пояснила она.

Он затянул поверх ватного халата кушак и взял лыжи.

Они вышли вместе.

За ночь навалило много снега.

— Хорошо, что вчера поставили щиты, — сказал Саттар, — и дорогу успели расчистить. Пожалуй, можно будет выводить отару к реке. Вот сейчас посоветуюсь с Ибрагимом.

Девушка слушала молча.

— Ну, чего ты сегодня такая грустная? — спросил он.

Она вздохнула.

Некоторое время шли молча.

Гульджан думала о Каримове. Видно, не такой уж крепкой была их дружба, если он, побежденный, не захотел к ней подъехать. Или подумал, что ей нужна только его спортивная слава?

Она знала, что старшина ловок, смел, и гордилась им. Но ей не хотелось обнаруживать в любимом человеке тщеславие.

Эх, старшина, старшина, не знаешь ты Гульджан!..

А как ей пришлось краснеть перед отцом?!

¹ М а з а р — гробница святого.

— Ну, где же твой гость? — спросил он, когда та вернулась домой.

Ей стало неловко, и чтобы он не заметил ее смущения, Гульджан нарочно долго возилась в передней. Оттуда и ответила, что старшина просил извинить — срочно вызвали на заставу. И не поняла: поверил отец или нет.

Она очень любила отца, с которым они после смерти матери жили вдвоем.

Саттару надоело молчать.

— Так что же случилось, Гульджан? — спросил он готовностью помочь.

Тогда она попросила его под любым предлогом позвонить на заставу и вызвать к телефону Каримова.

— Ладно, — согласился Саттар, не вдаваясь в подробности. — Но под каким же предлогом звонить?.. А что если... Знаешь, я к Ибрагиму сейчас не пойду. Съезжу вначале к проруби. Если кое-где дорогу всё-таки занесло, попрошу еще щитов на заставе.

— Я буду ждать, — сказала Гульджан.

Саттар часто ездил здесь и теперь, в предрассветный час, хорошо различал дорогу.

Небольшой спуск вывел его на ровное поле. Саттар обогнул развалины старого поста, на минутку остановился и, отворачиваясь от ветра, прикурил.

Он не видел черного дула пистолета, направленного на него Тугаем, бросил спичку в снег и побежал дальше.

Дорога к водопою была хорошая.

Прорубь покрылась ледком, но мороз не успел еще настоящему сковать ее. Саттар высоко над головой занес палку с поломанным кольцом и резко опустил. Металлическое жало впилося в лед. Брызнула струйка воды.

«Будет легко рубить!» — подумал Саттар. Он поджал под себя ноги и, подпрыгнув, повернулся на лыжах так, чтобы можно было ехать обратно.

«А что же я скажу старшине?» — вспомнил он. Потер лоб, стараясь что-нибудь придумать, но тщетно. Тогда он решил по пути на ферму заехать к Ибрагиму.

Он легко взбежал на холмик, точно соревнуясь с рассветом, который, опережая его, стремительно понесся вперед, озаряя снежные пики.

Саттар любил ездить быстро, любил спускаться с крутизны. Он присел, готовясь оттолкнуться палками, но тут увидел перед собой полузапорошенный след.

«Это кто же раньше меня побывал здесь?» — удивился Саттар. Присмотрелся — не Ибрагим.

«Почему же я никого не встретил? А, может быть, кто-то скрывается на посту?»

Он взял левой и по нетронутой целине, срезая углы, побежал в колхоз.

Гульджан стояла на крыльце. Он подъехал к ней не с той стороны, откуда она его ждала.

— Гульджан!

Девушка вздрогнула.

Саттар заметил тревогу на ее лице.

— Мне показалось, я слышала выстрелы! — сообщила она.

Он не стал допытываться, заторопился:

— Скорее звони на заставу. У старого поста — след. А я побегу к Ибрагиму!..

Старик застонал.

«Живой!» — обрадовался Резников.

Но как подойти к Ибрагиму?..

Дважды Резников пытался выйти из своего укрытия, и дважды пули загоняли его обратно. Стрелять из-за печки по двери, за которой засел враг, он не мог.

На выручку подоспел Петренко. Он воспользовался тем, что противник следит за печкой и длинной очередью прорешетил дверь.

Резников не медлил. Он подскочил к Ибрагиму и оттащил его за печку. Барс, каждую минуту готовый броситься на врага, тихонько подвывал за спиной инструктора. В последний момент Резников успел подобрать с пола несколько окурков.

Повидимому, нарушители не пострадали. Едва Петренко разрядил обойму и тоже скрылся за печкой, как из соседней комнаты ответили выстрелом.

Петренко приводил Ибрагима в чувство.

Резников приглядывался к окуркам. Одни из них были смяты гармошкой. Резников хорошо знал эту привычку курильщиков. Другие оказались гладкими, чуть стиснутыми зубами.

Резников достал портсигар и все окурки высыпал в свободное отделение. Он знал: на следствии пригодятся.

В соседней комнате пытались сорвать раму.

«Если старик закрыл ставни на замки — ничего не получится! — подумал Резников. — А если не закрыл?»

Ибрагим был еще в таком состоянии, что говорить не мог.

«Да, а что, если он их не закрыл?»

— Напрасно стараетесь! — решительно крикнул Резников. — Дом окружен. Сдавайтесь!

В соседней комнате стало тихо. И вдруг там прозвучал выстрел. На пол рухнуло чье-то тело.

Дверь приоткрылась. Показался неизвестный. На руках у него лежал человек с простреленной головой. Опустив труп на пол, неизвестный поднял руки.

— Это я помог вам, — произнес он на русском языке. — Я убил его и сам сдался. Пожалуйста, учтите это...

Так профессиональный убийца Тумаков совершил свое последнее преступление.

— И имейте в виду, что нас было четверо, — торопливо добавил он. — Один отстал, ищите около падения лавины... Нас здесь двое, а Тугай, если еще не поймали, значит улизнул.

И тут подъехал Саттар. Задыхаясь от быстрого бега, он сообщил пограничникам, что обнаружил след.

Резников приказал Петренко караулить задержанного, а сам побежал к старому посту.

На спуске с холма еще сохранился след. Резников указал на него Барсу, и тот уверенно повел к развалинам поста.

У проруби Резников различил лыжный след, возле которого опускалась палка с поломанным кольцом. Значит, здесь был Саттар. Всё правильно.

До развалин оставалось совсем немного. И вдруг путь пересек новый след. Овчарка, не задумываясь, свернула на него.

«Выходит, на посту нарушителя больше нет!» — подумал Резников, отпуская поводок.

След вывел к мусульманскому кладбищу.

Теперь вокруг стояли безмолвные, таящие смерть, гробницы. Резников осторожно пополз между ними, сжимая пистолет в руке.

«Здесь!» — решил он, наблюдая за овчаркой.

— Голос! — шепнул Резников.

Барс залаял.

Из крайней гробницы показался браунинг. И в тот же миг Резников метким выстрелом вышиб его.

— Фас! — крикнул он.

Барс бросился к гробнице.

Глава двадцатая

НА РАССВЕТЕ

Полковник Воронков прибывает на заставу.— Врач Никиташа Демина.— «Они выйдут на шоссе».— Закрывать дорожку.— Где-то здесь должен быть этот шофер.— Буханка хлеба.— «Спасибо, Гульджан».

Старшина Каримов доложил лейтенанту Ганиеву, что к заставе подъезжает машина.

— Стройте людей! — приказал Ганиев, выбегая навстречу.

Узнав полковника Воронкова, часовой поднял шлагбаум.

«Газ-69» скользнул светом фар по лицам выстроившихся пограничников.

— Застава, смирно! — скомандовал лейтенант.

Полковник молча выслушал рапорт. Он поздоровался с пограничниками и, разрешив им разойтись, прошел в канцелярию. Остановился у схемы участка.

Ганиев показал, где наряд Обручева обнаружил следы и куда, по всей вероятности, идут нарушители.

Полковник переспросил:

— Вот здесь, значит, сейчас находится наряд во главе с триста одиннадцатым?

— Так точно! — ответил Ганиев.— Старший сержант Резников и Петренко.

Полковник кивнул.

— А здесь патрули?

— Совершенно верно.

— Ну что же, — сказал Воронков, набивая трубку.— Предположим, что пока всё в порядке.

На рассвете вернулся наряд сержанта Обручева. Николай ослабел. Дружеские руки подхватили его, помогли слезть с коня.

Поддерживая сержанта, Ганиев открыл дверь в медицинский пункт. Наташа спала в кресле. Он позвал ее.

— Что случилось? — Наташа вскочила.

— Товарищ Демина, надо срочно... — И Ганиев показал на Обручева.

— Что с вами? — Она подбежала к нему, захлопотала. — Товарищи, ведите его. Осторожней, пожалуйста... Вот так... Спасибо. Потерпите, Коленька. Я сейчас... Да помогите же снять с него одежду!..

Обручев заскрипел зубами. Его била дрожь.

— Дайте ножницы. Он, наверное, сломал руку.

Она разрезала рукав гимнастерки. Обнаружилась опухшая рука.

— Потерпите, милый. Пожалуйста, потерпите, — ласково уговаривала Наташа. — Я знаю, это очень больно... Но ведь после укола не так?.. Ну, вот видите... — И шепнула лейтенанту: — Нужно срочно везти в больницу.

В медпункт вбежал старшина Каримов.

— Санитарная машина прибыла! Полковник вызвал...

В канцелярии начальник отряда расспрашивал Гебридзе. Одобрив действия капитана Демина, полковник заметил, что наряд Обручева, несомненно, напал на след отвлекающей группы. Эта уловка врага была хорошо известна Воронкову. Он немедленно соединился с начальником штаба, приказал бросить на границу вспомогательные подразделения.

В комнату вошел лейтенант Ганиев. Полковник нанес на карте воображаемый маршрут движения второй группы нарушителей.

— Итак, скорее всего, они собираются выйти на шоссе, к районному центру... Ваше решение, лейтенант?

Ганиев смутился. Он, да и не только он — все офицеры части прекрасно знали эту черту начальника отряда: разъяснять, если нужно подсказывать, но никогда не решать за других.

— К старому посту нужно послать наряд.

— Поздно! — отрезал полковник.

— Быслать дополнительные патрули вот сюда и сюда, — предложил Ганиев, склонившись над картой.

— Хорошо, — одобрил Воронков, набивая табак в трубку. — И еще вот что: отдайте распоряжение, чтобы до прибытия капитана Демина ни одну машину, следующую вниз, дальше шлагбаума не пускать.

— Есть! — ответил Ганиев.

— И немедленно передайте то же на другие заставы.

— Есть!

— Все машины будете проверять лично, — распорядился полковник. — Если подъедет шофер Игнатюк, сообщите мне.

«Ведь это он купил билет до Актюбинска, — подумал полковник. — Надо его прощупать».

— Есть!

— Вы запомнили фамилию?

— Так точно, — подтвердил лейтенант. — Шофер Игнатюк.

Полковник отпустил Ганиева и произвел дополнительный обыск убитого нарушителя, доставленного на заставу. Обратил внимание на буханку хлеба. Попробовал ее на вес и ссторожно полоснул ножом. В хлеб была запечена в жаростойкой коробке портативная радиостанция.

Телефонный звонок заставил полковника прервать работу. Он подошел к аппарату и коротко бросил в трубку:

— Слушаю!

Взволнованный девичий голос сообщил ему, что со стороны кибитки Ибрагима слышатся выстрелы, а Саттар обнаружил следы возле старого поста.

— Кто говорит? — спросил Воронков, хмурия лоб.

— Это я, Гульджан, с молочной фермы.

— Спасибо, Гульджан, — сказал полковник, вешая трубку.

Глава двадцать первая

И ПОСЛЕДНЯЯ

Ральф берет след. — Неизвестный убит выстрелом в затылок. — Кто ожидал нарушителя? — Погоня. — Проверка у шлагбаума. — Откуда у него посадочный талон. — На границе все может быть... — Два разговора, о которых лучше было молчать. — Многое становится понятным. — Конец Джима Кента. — На границе все в порядке.

Поиски шли уже на перевале.

Наконец Ральф взял след. Капитан Демин определил, что нарушители были здесь около часа назад. Значит, они движутся медленней, чем можно было предположить. Высота! Тут кому хочешь вымотает силы.

Демин тоже чувствовал усталость, и Зубарев шел с трудом.

По лункам у лыжни капитан понял, что имеет дело с двумя нарушителями. Да, собственно, неизвестные и не скрывали это. Временами след получался двойной, особенно там, где наст был твердый.

Зубарев покормил Ральфа. Овчарка приободрилась и снова повела пограничников.

Капитан предполагал, что нарушители при том темпе, каким движутся, опередили наряд всего на пять — шесть километров. Чтобы выйти на шоссе, им остается еще минут тридцать — сорок.

Зубарев бежал впереди. Демин смотрел на его широкую спину, вспомнил Обручева и подумал: какой крепкий народ эти сезеряне!

Пробежав километра четыре, Ральф стал сдавать.

— Сейчас овражек будет,— сказал Демин.— Там остановимся.

Но Ральф вдруг рванулся. Зубарев чуть не выронил поводок. Он заметил, как наострились уши у овчарки и поднялась шерсть. Уж нет ли кого-нибудь в овражке?

Они подъехали осторожно.

В овражке пограничники обнаружили труп. Неизвестный лежал, уткнувшись лицом в снег. Демин перевернул его и прежде всего заметил уродливую бородавку на шее.

Кроме баночки с нюхательным табаком, пограничникам ничего обнаружить не удалось.

Неизвестный был убит выстрелом в затылок.

Демин приказал оставить труп. Нужно было настигнуть другого нарушителя, который, повидимому, приближался к цели и решил избавиться от проводника.

Впереди виднелась одинокая лыжня.

Пограничники преодолели небольшой подъем. Теперь уже можно было различить чернеющие коробочки автомобилей,двигающихся по шоссе.

Присматриваясь к следу, капитан видел, как всё тяжелее бежал нарушитель. Вот он упал, но тотчас вскочил, поворачиваясь боком, чтобы не оставить отпечаток кисти.

Лыжня привела на шоссе, пробежала с полкилометра и исчезла.

Среди десятков следов автомобильных шин Демин различил, что какая-то машина пятилась, должно быть, навстречу нарушителю. Значит, кто-то его поджидал.

Следов ног обнаружить не удалось. Капитана это не удивило. Нарушитель мог забраться на крыло автомашины и там снять лыжи.

Ральф метался, искал след. Зубареву не удавалось успокоить его. Видно, появился какой-то новый, резкий запах, и Ральф проявлял беспокойство.

Пронзительно сигналив, с пограничниками поравнялся грузовик. Капитан поднял руку.

Зубарев, не мешкая, посадил Ральфа и сам залез в кузов.

Водитель скинул меховую куртку, предложил Зубареву. Тот отказался, чтобы Ральфа не волновал еще один посторонний запах.

— Замерзнешь! — обеспокоился водитель.

Демин протянул флягу со спиртом.

— Пей!

Зубарев сделал глоток. Приятное тепло разлилось по телу.

— Теперь не замерзнешь! — успокоился капитан, захлопывая дверцу кабины.

Машина помчалась к заставе.

Демин торопил шофера.

Все больше машин скапливалось у шлагбаума.

Воронков, набросив полушубок, который скрывал его полковничьи погоны, молчаливо наблюдал за действиями пограничников. Они тщательно осматривали машины. Лейтенант Ганиев сам проверял документы.

В некоторых грузовиках рядом с шоферами сидели пассажиры. В одном из них лейтенант Ганиев узнал начальника районной конторы связи, в другом — заведующего базой. И тот и другой ехали в областной центр по делам службы.

Третий, болезненный молодой человек, оказался инструктором обкома комсомола. Один из солдат, производивший досмотр, узнал его и сказал лейтенанту, что помнит, как этот человек три дня назад проезжал в районный центр.

Явно волновались шофер и пассажир новенького газика. В кабине под сидением у них нашли спрятанные лисьи шкурки и шерсть. Составили акт, чтобы передать дело в милицию.

Может, тот, кого ищут, уже проехал? Но тогда его должны были обнаружить на соседних заставах.

Полковник медленно прохаживался между автомашинами, вглядываясь в лица водителей.

Этот спит, свернувшись на сидении. Вряд ли человек, которого ищут, сможет так безмятежно спать.

Неторопливо крутит цыгарку другой водитель и, предвкушая удовольствие, старательно склеивает ее. Полковнику ясно, что ни о чем другом он сейчас не думает.

А этот с любопытством разглядывает пограничников. Ему очень хочется, чтобы задержали нарушителя и непременно при нем, хотя никто не объясняет причин задержки машин.

Полковник улыбнулся ему, прошел мимо.

Спокойно проверяет скаты пожилой шофер. Это его сотая или, может быть, тысячная поездка, и он ко всему привык в пути.

Полковник задержал взгляд на другом пожилом шофере. Без труда прочел на его лице беспокойство. Он спросил у Воронкова спички и, обжигая пальцы, прикурил.

— Что-нибудь случилось? — осторожно спросил Воронков.

— Жена... — ответил водитель и показал телеграмму.

Полковник поверил ему и обещал скоро отпустить.

Но почему же не торопится Игнатюк? До поезда остается мало времени, особенно если учесть, что впереди больше ста километров.

Машины продолжали прибывать.

Наконец, взглянув в водительские права, лейтенант Ганиев увидел: Игнатюк.

Полковник со стороны оглядел водителя: личность неприметная. По тому, как Игнатюк спокойно позволил производить досмотр, полковник понял, что и этот шофер не имеет отношения к иностранной разведке. Тем не менее удивляло, что Игнатюк не спешит. А ведь он приобрел билет на скорый поезд и, если даже не подозревает о существовании нарушителя, все равно должен торопиться на станцию.

Подъехал бензовоз. Не желая останавливаться в хвосте колонны, он заюлил, объезжая машины, и притормозил у шлагбаума.

Лейтенант Ганиев подошел проверить документы. Шофер вытащил путевку.

— Паспорт.

— Пожалуйста.

Лейтенант раскрыл паспорт.

— Фамилия?

— Махров. Там написано.

— Куда ездили?

— В райцентр. Бензин привез. Вот наряд.

Вместе с Каримовым к шлагбауму подошел Гебридзе.

— Здорово! — обрадовался шофер. — Где твои усы?

Гебридзе пожал плечами.

— Помнишь, и я обещал отрастить? Все не соберусь.

Гебридзе вспомнил:

— Это вы привезли Обручева и Зубарева?

— И Ральфа... Ральфа! — подсказал водитель. — Ну, как он здесь поживает?

Лейтенант вернул документы.

— Можно ехать? — не дожидаясь ответа, спросил Махров.

— Подождите, — ответил лейтенант.

Махров убедился, что стоянка предстоит долгая, и решил не терять времени зря. Он с деловым видом постучал ломиком по баллонам и, расстелив тулуп, принялся за работу. Его ноги, обутые в армейские сапоги, торчали из-под машины...

Из-за гор, вытянувшихся в беспорядочную длинную линию, медленно выползало солнце. Воронков смотрел, как оживала долина. Весело искрился снег. Ветер стал тише. Воронков ощутил на лице прикосновение теплых солнечных лучей и подумал, что сюда, в горы, тоже добирается весна. Пройдет еще несколько дней, и с вершин понесутся ручьи.

...Из-за поворота вынырнула машина. Она приближалась, не сбавляя скорости.

Воронков слышал, как скрипнули тормоза. В тот же миг из кабины выпрыгнул капитан Демин. Зубарев ссадил Ральфа.

Воронков окликнул их.

В нескольких словах Демин обо всем доложил полковнику.

Ральф рвался на поводке.

Полковник кивнул водителю, хотел что-то сказать, но в это время Махров вылез из-под машины, и Ральф с яростным лаем сшиб его с ног.

Махров закричал.

— Обыскать! — приказал полковник.

Старшина Каримов вывернул карманы задержанного: носовой платок, папиросы, коробок спичек, помятые письма. Он ощупал его с головы до ног, но больше ничего не нашел.

Полковник взял у старшины письма и стал неспеша перебирать. Подхваченная ветром, в сторону отлетела бумажка с зеленым ободком. Похожа на посадочный талон.

И сразу возникла мысль: а не попал ли один из билетов на Актюбинск к Махрову? Может быть, Махров попросил того же Игнатюка купить ему этот билет?..

— Я ни в чем не виноват, — сказал Махров, оправившись от испуга.

— Почему же тогда овчарка на вас кинулась? — хмуро спросил Зубарев.

— А почему она кинулась на меня, когда я вас сюда вез?.. Ведь кинулась?

— Ну, кинулась, — подтвердил Зубарев.

— Так она у вас, видно, на всех кидается! — возмутился водитель.

Воронков между тем подобрал бумажку и убедился — посадочный талон.

— Вы зачем собрались в Актюбинск? — неожиданно спросил он.

Махров опешил:

— Я?.. В Актюбинск?!

— Да, в Актюбинск! — твердо повторил Воронков.

— Кто сказал?

— Отвечайте на вопрос, — и чтобы озадачить, добавил: — А, Игнатюк...

— Что Игнатюк? При чем тут Игнатюк?! — взвизгнул тот. — Ничего я не говорил!

Махров сконфуженно глядел на полковника.

— По семейным делам еду, товарищ полковник... Так разве это преступление?

— Нет, не преступление, — согласился Воронков. — Но зачем вы туда едете?

— От жены уехать хотел, — признался Махров. — Не хочу с ней жить, понимаете? Потому и просил Игнатюка купить билет, да чтобы никому не рассказывал.

Лейтенант доложил, что обыск бензовоза ничего не дал.

От страха у Махрова не осталось и следа.

— Она в общем у меня хорошая,— продолжал он откровенно,— да, понимаете, детей нет.

— Не может Ральф ошибиться, товарищ полковник,— чуть не плача, промолвил Зубарев.

Воронков отвернулся от Махрова, подбодрил Зубарева:

— А вы всё-таки подведите собаку к машине, пусть поищет.

Ральф неохотно отошел от шофера, но у бензовоза снова оживился.

Воронков уловил беспокойство в глазах Махрова.

— А в цистерну смотрели? — спросил Воронков лейтенанта.

— Никак нет, товарищ полковник,— ответил Ганиев.— Да кто же там может быть? Задохнется!

— На границе всё может быть,— напомнил полковник.

— Ищите, ищите! — зло усмехнулся Махров.

Зубарев поднялся на цистерну. Ральф не захотел отставать от него и тоже полез по крутой железной лестнице.

Солдат откинул крышку люка. В лицо ударил тяжелый запах бензина. Зубарев отшатнулся.

Ральф склонился над люком и тут же с протяжным воём грохнулся на землю. Из горла хлестала кровь.

— Это что же у вас... цистерна обороняется? — сказал полковник, багровея.— Арестовать!

Махров сразу как-то вдруг осунулся и обмяк. Он, пожалуй, никогда не мог забыть того дня, который всю его жизнь наполнил сумятицей и страхом.

Это было два года назад.

По размытой дороге спускалась с отгонных пастбищ полуторка. Махров спокойно крутил руль. Вечерело. Шофер включил фары и сквозь косые струи дождя увидел на обочине дороги человека. Он был в прорезиненном плаще и армейской фуражке с поломанным козырьком.

Незнакомец поднял руку. Махров притормозил.

— Не в колхоз ли «Иттифок»? — спросил мужчина.

— В «Иттифок»,— ответил Махров.

Незнакомец обрадовался, сказал, что впервые в этих краях и попросил довести до центральной усадьбы.

— Петров, лектор из области,— представился он. В руках у него был туго набитый портфель.

— Садитесь,— пригласил Махров.

Вскоре из портфеля была извлечена бутылка с белой головкой и алюминиевый стаканчик. Выпили за знакомство. Дорога пошла веселее.

Машина бодро взяла подъем и круто свернула.

— «Мертвая петля», — пояснил Махров. — Внизу — пропасть. Чтобы водить здесь машину — большое умение требуется.

— Где «Мертвая петля»? — спросил Петров, открывая дверцу.

Машину подбросило. Должно быть захмелевший, Петров разжал руки и вывалился из кабины.

Махров, вместо того, чтобы оказать помощь пострадавшему, выжал из старой полуторки всё, что она могла дать. Он не сомневался, что Петров разбился, и испугался ответственности. Кто поверит, что Петров вывалился сам?

Только проехав километров десять, Махров заметил оставшийся в кабине портфель. Остановил машину. Дрожащими руками открыл портфель и не поверил своим глазам: в бумажном пакете — пачки денег.

«Скажут, что из-за денег убил Петрова!» — промелькнуло в его голове.

Махров растерялся.

Нет, нет, никто не должен знать, что это он подсаживал лектора на дороге!

...Прошло несколько месяцев. Однажды Махрова остановил на улице незнакомый человек.

— Вы, наверное, не догадываетесь... — начал он.

— Нет, не догадываюсь, — сказал водитель.

— А эта фуражечка вам знакома?

Махров посмотрел на голову незнакомца и... узнал фуражку своего пассажира. Он не нашелся, что ответить. Незнакомец и не требовал ответа.

— Я знаю, почему вы убили Петрова, — сказал он. — Вам нужны были деньги.

Махрову стало страшно. Он хотел возразить, но незнакомец резко перебил его:

— Ведь вы не сдали денег и никому не сказали о своем преступлении. Теперь же прошло много времени, да и кто вам поверит...

И об этом разговоре Махров никому не сказал.

Так он стал агентом иностранной разведки. Махров, конечно, не знал, что его «пассажир» невредим и нарочно вы-

прыгнул из машины. И не был он ни Петровым, ни лектором...

По заданию резидента Махров перешел работать в автопарк. Некоторое время его не беспокоили, а потом передал ли тома Драйзера и подробные инструкции. Занимался с ним по радиоделу «старый букинист» Тихомиров.

Первого числа, ровно в двадцать два ноль-ноль, Махров передал шифрограмму:

«ВСЕ ГОТОВО. ЖДЕМ.»

Так устанавливалась связь.

Ответ пришел вскоре.

Выждав несколько дней, Махров повторил условный текст с небольшим изменением, точно так, как того требовала инструкция.

Всё, что ему приказывали, он исполнял. Даже поменялся с Игнатьюком машинами, хотя сделать это было непросто.

Всё шло гладко, и лишь однажды (когда Махров впервые разворачивал рацию), Калачкин застал его за странным занятием. Махров заглушил мотор и... держал в руках книгу.

— Ты почему стоишь? — удивился Калачкин.

— Очень интересная книга, — соврал Махров. На самом деле он сверял шифр.

— Драйзер? Что за книга?

Калачкин не читал Драйзера. Вообще он ничего не читал, но тут вдруг стал приставать: дай почитать.

Конечно, Махров не мог дать ему эту книгу. А чтобы тот отвязался, «раздавил» с ним поллитра.

— Но я эту книжку найду! — бормотал захмелевший Калачкин. — Хочешь, поспорим?

Он сразу понял свою выгоду. Как начнет просить Махрова дать ему Драйзера, так тот «ставит поллитра». Пьянице Калачкину больше ничего не нужно было.

А Игнатьюк... Что ж Игнатьюк?.. Его попросили купить билет, он и купил. Не станет же он вмешиваться в дела Махрова: чужая семья — потемки!..

Солнце поднялось высоко, но для Джима Кента еще была ночь. Он сидел в цистерне и ориентировался лишь по светящимся стрелкам часов. На нем была кислородная маска. Граница позади. Через несколько часов скорый поезд

увезет Кента в Казахстанские степи. Махров позаботился достать билет на этот поезд и уже передал его Кенту.

В одиннадцать часов пятнадцать минут поезд прибудет на станцию. В одиннадцать двадцать четыре — отправление. За две — три минуты до этого, не раньше, Кент рассчитывал появиться на вокзале. Документы в порядке.

Махров должен был к десяти часам проскочить все контрольные посты, а в нескольких километрах от станции незаметно свернуть в лесок. Там Кент рассчитывал выйти из своего убежища и переодеться.

...Конечно, когда блестящий «кадиллак» мчался по широкой автостраде в Лэнгли¹, Джим Кент чувствовал себя удобней. Ну, да ведь не беда...

Он думал о чести, которая была ему оказана. Не каждого приглашают в это солидное здание на берегу Потомака. Там, в Лэнгли, разместилось Центральное разведывательное управление. Значит, далеко не последнее место занимает он среди тех ста тысяч человек, что работают на американскую разведку.

Сто тысяч! Об этом сообщал недавно журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». И всё-таки это, пожалуй, преуменьшенные данные, хотя редакция, конечно, хорошо информирована. Сто тысяч — в шесть-семь раз больше гитлеровской разведки в период ее расцвета!..

Ну, а думал ли Кент о расходах управления-спрута, запустившего свои кровавые щупальцы во все страны мира? Того самого управления, где он был простым исполнителем воли королей бизнеса, а не рыцарем «плаща и кинжала», каким привык считать себя вот уже много лет. До трех миллиардов долларов в год расходовало это управление на секретную службу! Если бы Кент знал об этом, то даже увеличенная в сотни раз сумма его гонорара за операцию, к выполнению которой он приступил, показалась бы ему ничтожной.

И всё-таки это был колоссальный гонорар!..

Кент чувствовал, как шуршат под пальцами доллары. Они гекнут к нему бесконечно, словно снег под колеса бензовоза. И золотое перо «паркера» выводит многозначные числа на только-что полученной чековой книжке...

Непредвиденная задержка обеспокоила Кента. Скорей всего, пограничный наряд проверял документы. Когда во-

¹ Лэнгли — предместье Вашингтона,

датель застучал ломиком по баллонам, Кент понял, что их задержали надолго.

Благодушное настроение уступило место подозрительности.

Махров всё стучал и стучал. Но вот он, вероятно, отбросил ломик, и сразу послышался яростный лай.

Кент припал ухом к стенке цистерны, стараясь определить, что делается снаружи.

«Обойдется!» — не совсем уверенно решил он.

Кент зажал в руке кортик. Когда Зубарев стал отвинчивать крышку люка, у Кента не осталось сомнения, что обнаружен. Он приготовился дорого продать свою жизнь и занес руку для удара. Смертоносное лезвие должно было опуститься на того, кто первым осмелится заглянуть в цистерну.

Кент меньше всего ожидал, что этим первым окажется свчарка, и по инерции нанес удар...

Неожиданно мощная струя из брандспойта отбросила его в угол, больно ударила головой о цистерну.

Несколько минут спустя Кента подцепили крючьями и вытащили из цистерны. Он был без сознания. Когда он открыл глаза, сопротивляться было уже поздно.

...В тот же день он познакомился с майором Безуглым.

Снова за окном сгустилась тьма. Полковник Воронков сидит за своим рабочим столом, склонившись над оперативной картой.

Гарнизон спит. Слышны лишь торопливые шаги разводящих, да короткие оклики:

— Стой! Кто идет?

— Смена...

На границе было всё в порядке.

ИЗ ТЕТРАДИ

**РАССКАЗЫ
ПОГРАНИЧНИКА**

Кто-то прошел по коридору, тихо, но я слышу. В соседней комнате дежурный по заставе говорит вполголоса: «Я — Орел. Давай, что у тебя». Сейчас будет принимать телефонограмму И опять шаги в коридоре. Это собирается на границу наряд. Через пятнадцать минут я поставлю перед ним боевой приказ. Потом я снова посижу в ленинской комнате, поколдую над своей тетрадью. Ложиться не буду: скоро на проверку пограничных нарядов, и тогда уже провожать и встречать наряды будет капитан.

Вот так и пройдет ночь. Вам это, наверно, покажется странным. А я привык. И спать не захочу ни в час ночи, ни в два, ни в пять часов утра. Я захочу спать лишь когда будет можно, когда начальник заставы прикажет мне: спи!

Сколько таких ночей было в моей жизни!.. Вся она, моя жизнь, кажется, только и состоит из таких ночей...

Я сижу в ленинской комнате и передо мной раскрытая общая тетрадь. Не то, что я заставский летописец, эдакий современный Пимен, а просто я люблю записывать свои мысли и вести дневник, или, как я его называю, ночные записки.

Я написал «ночные» и задумался. Потом мне пришла в голову мысль, что ночь и время имеют много общего. Конечно, это сначала непонятно, но я поглядел в открытое

окно и ничего не увидал. Всё, что можно окинуть взором днем — хребты, реку, снежные вершины, живую тополевую изгородь, кусты, небольшие холмы, постройки — всё это прикрыто ночью, всё уравнилось.

Или вот, скажем, когда-то по тропе, которая ведет к Вороньему камню, так мне хорошо знакомому, спускались когорты Александра Македонского, прокладывая путь в Индию. А может быть, шли этим караванным путем китайские купцы на Восток или Марко Поло... А может, как раз у Вороньего камня произошло сражение с басмачами... Нет, пожалуй, бой произошел не здесь, а пониже, у старой заставы, не нашей старой, а с а м о й первой, и по тропе скакал отважный солдат, посланный к соседям за подмогой...

Все эти события, как ночью пики гор и крыши домов, прикрыты временем. А я знаю о них, знаю так же хорошо, как то, что за окном, в котором одна только ночь, — есть речка, тополя, убегающая к хребтам сельская улица... Люди! Жизнь!!!

И опять я думаю о ночи и времени.

Что осталось, скажем, в свидетельство тех времен? Хребты и тропинка к Вороньему камню, пробитая в горах? Ночи, такие же глухие и тихие?..

Я гляжу на книжный шкаф, и хотя не обо всем можно прочитать в нашей библиотечке, но я знаю, что следы времени остаются, они не умирают, так же, как герои. Остаются с л о в о. Оно передается из уст в уста, доходит легендой, сказкой, песней, оно ложится в книжную строку. И как бы ночь и время не затемняло большое и малое — слово человека освещает всё в ночи и приближает далекие времена...

Вот какие философские мысли приходят ко мне в эту позднюю пору.

Приходилось ли вам после долгого отсутствия возвращаться в знакомые места? Всплывают дорогие воспоминания. Сердце стучит, словно колеса на рельсовых стыках, и кажется, что эти самые колеса крутятся невероятно медленно. А когда сгущаются сумерки, вы отходите от окна, у которого стояли целый день, и радостно говорите себе: теперь уже завтра!..

Но разве возможно усидеть на месте? И вот вы снова у окна. Многие вам незнакомо. В этой широкой песчаной пустыне с одинокими пограничными вышками появились

вышки иные — буровые, а возле железнодорожного полотна машины ловко укладывают широкие трубы газопровода; и там, где стоял кишлячок, там — поселок, и не просто поселок, а зеленый, весь в аллеях огней.

Всё будто знаешь, и всё тебе вновь: и это, до боли знакомое, южное небо с ярким поясом Ориона...

Словом, если вам после долгого отсутствия приходилось возвращаться в знакомые места, вы поймете мое состояние.

Казалось, еще только вчера меня провожали друзья, говорили: «Пиши, как устроишься», хлопали по плечу, и мне было грустно расставаться с ними. Когда это было? — спрашиваю я себя. — Неужели вчера?

Нет, это было не вчера и не позавчера. С тех пор я полтора года служил на Камчатке, три — за Полярным кругом, потом учился и вот — новое назначение, в краснознаменный отряд, где принимал присягу. Понимаете, что это значит?!.. И еще две звездочки прибавилось на моих погонах.

Да, много лет прошло с тех пор, как я уезжал отсюда. Помню, мы стали прощаться, а лейтенант Титаев, Яшка Титаев, с которым мы начинали службу рядовыми, сорвал со своей головы фуражку. Фуражка у него была особенная, сшитая в Москве по заказу. Яшкой гордились в отряде, а он гордился своей фуражкой. Представляете ценность этого предмета?

— Пусть она всегда будет с тобой! — крикнул Яшка и кинул мне в руки свою фуражку.

Что-то кричали и другие. Но я уже не слышал. Я стоял на подножке вагона, а поезд, словно не понимая, что именно в эти последние секунды надо сказать самое главное, поезд поыхивал, распуская в стороны белые усы пара и набирал скорость.

Я вспоминаю заставу, где начинал службу. Длинный глинобитный сарай — это казарма. Железные печки. На одной из них банка с джейраньим салом — коптилка. Утром проснешься — в носу черно.

...Я стою у окна, за которым ничего не видно, и говорю:

«Я люблю душную казарму. Люблю знойное азиатское солнце. Горьковатую, с песком и тиной, мутную речную воду. Даже комаров, от которых невозможно спастись. А если я когда-нибудь возмущался всем этим — не верьте: я ошибался. Всё, что когда-то было на этой заставе — прекрасно. Теперь я в этом уверен!..»

Над поездом скрестились лучи сверхмощных прожекторов. Ночь растаяла в их зеленоватом фантастическом свете. Этот свет напомнил мне северное сияние в заполярном Мурманске, откуда я призывался на границу...

Сейчас поезд подойдет к перрону. Я увижу старое здание вокзала с круглым куполом, как на мазарах, те же выщербленные камни перрона. За сквером — старинные городские ворота. Дождусь утра в гарнизонной гостинице, а завтра буду на своей заставе. Понимаете, на с в о е й!

Как это не кажется странным, для военных — вечных ковчегников, но, я думаю, никто так не привязывается к месту, как мы, военные.

...Прожектора отпустили поезд. Показались пристанционные постройки.

Штаб части на старом месте, хотя я и не сразу отыскал его среди густой зелени. Когда-то вокруг здания мы закапывали в песок тоненькие саженьцы. А сейчас какие вымахали!

В штабе представился высокому майору. Где я его уже видел?.. Нет, пожалуй, у него лицо, располагающее к доверию.

— А вы меня не помните... Найденков. Петр Николаевич.— И вдруг улыбается: — Я был старшим лейтенантом, а вы младшим...

Найденков! Конечно... Петр Николаевич... Мы не были друзьями и служили на разных заставах, но встречались в отряде. Как я обрадовался ему сейчас! Свой человек!.. Я знал, что уже через несколько дней все здесь будут для меня с в о и м и, и всё-таки встретить старого сослуживца приятно. Ой, как приятно! Вспомнить то, это. Раскрыть душу.

Память... Она всегда живет в новом, сегодняшнем. Если этого не будет, она истощится от воспоминаний и то, в чем живешь, станет скучным, неинтересным. Но плохо, когда по сегодняшнему не обобщаешь прошлого, подводя итоги продуманному, пережитому. Я знал людей, страдающих обоими пороками: один жил в воспоминаниях, другой — только в новинках. И тот и другой были оторваны от полной красоты жизни — от людей, природы, труда, — и, честное слово, они были мертвы для жизни...

Найденков знакомит с капитаном.

— Розов, — представляется тот. Ну, этого я определенно знаю. Где мы служили?

Оказывается, не служили. Он прибыл с западной границы. Но мне всё равно хорошо сидеть у его стола, слушать его спокойный вологодский говорок. И я знаю, что этот капитан — тоже уже с о й.

— Второй год парторгом заставы старшина Хабибуллин,— Розов вводит меня в курс дел,— и, кстати, один из старожилов... Не припомните? Хорошенько подумайте...

Я напрягаю память:

— Хабибуллин... Хабибуллин...

— Вот старшина! Молодец! — Розов не скрывает восхищения.— Лучшая в округе застава. Все туда ездят за опытом.

А мне хочется на свою заставу.

— Второго числа за безупречную службу орденом Красной Звезды награжден,— продолжает Розов о парторге.— Теперь понимаете, какой это человек? Вся жизнь его на границе.

Я не сдаюсь.

— Давайте всё-таки сделаем так: вначале я проеду на Журавлиную, а уж потом за опытом к старшине Хабибуллину.

— На Журавлиную? — Розов смеется.— Так ведь Хабибуллин — старшина Журавлиной...

Я с трудом узнаю город. Прошу шофера ехать потише. Кругом асфальт. Новые двух- и трехэтажные дома. Тут и там водят стрелами башенные краны. Широкоэкранный кинотеатр.

Мы выезжаем за город. Газ-69 легко перемахивает через холмы. Дорога сворачивает к реке. Граница!..

Дозорной тропой медленно движется конный наряд. Приближаемся к вышке. В руках у пограничника — телефонная трубка. Сообщает на заставу: прошла машина.

Впереди, словно кот, выгнувший спину, прикорнула сопка, давшая название моей заставе. Чуть правой различаю аккуратные белые постройки.

«Молодцы,— думаю,— побелили».

Перед самым подъемом на сопку какие-то строения.

Спрашиваю:

— Что это?

— Старая застава,— переключая скорость, отвечает солдат-шофер.

— Как старая?

— Ну, раньше пограничники жили.

— Я понимаю... А теперь разве пустует?

— Почему пустует?..

Машина въезжает во двор, обнесенный дувалом, и останавливается возле открытой беседки перед высоким зданием. Я хотел написать: новым зданием, но ему уже несколько лет...

Начальник заставы протягивает руку:

— Терентьев. Располагайтесь и чувствуйте себя, как дома...

Представляете, что я почувствовал, когда он мне сказал: как дома. Это мне-то?!.. И тем не менее, для меня всё здесь ново.

— Я был здесь, товарищ капитан. Здесь, можно сказать, начал свою пограничную жизнь.

— Ну, тогда... Тогда хорошо... Кто знает границу, а вы вообще...

Терентьев понимает мое состояние и ведет к старой заставе. Это метров сто. Он идет вполборота ко мне. Моргает огромными, немного детскими голубыми глазами с ресницами, выгоревшими на солнце.

На нашей старой заставе — новое кирпичное здание.

— Чабаны живут, — поясняет Терентьев.

— А там? — я показываю в сторону старой казармы.

— Сейчас познакомлю.

Терентьев открывает дверь:

— Прошу!

Что ж, я с удовольствием пожму руку тому, кто спит сейчас на моей койке. В самом конце казармы. Возле печки.

В помещении полумрак. Вхожу и, еще ничего не видя, говорю:

— Здравствуйте.

Не понимаю, почему Терентьеву так весело.

Глаза привыкают к темноте. Вдоль стен расставлены клетки. И на том месте, где стояла моя койка, тоже клетка. Уставился на меня лопухий кролик.

— Теперь у нас тут подсобное хозяйство, — объясняет начальник заставы.

Несколько часов спустя мы поднимаемся на сопку. Пограничный наряд докладывает Терентьеву:

— На границе без происшествий.

Я долго смотрю в бинокль.

О чем я думаю?..

Думаю: пусть всякий сверчок знает свой шесток. Кто бы ни был на той стороне, какими бы договорами не были связаны два государства, а пусть всегда помнит эту поговорку. Пусть даже мыслью не залетает на нашу землю.

В чем стихия пограничника? Пурга и лавины, зной и жажда, сон, который может прерваться в любую минуту, сутки, разделенные не на день и ночь, а на часы нарядов, занятий, стрельб и многого другого, происходящего независимо от того, когда восходит и заходит солнце.

Но это пока еще мелочи. Да, мелочи!.. Стихия пограничника — в сознании долга. Пусть гром и зарево пожаров, пусть всё, что угодно, но пограничник не оставит поста. В других воинских частях есть много маневров. Они существуют и у нас, пограничников. Мы ведь тоже — воинская часть! Но при любом маневре мы не отойдем, не оставим этой узкой полоски своей земли, откуда начинается Родина. Стоять насмерть — вот наша стихия!..

Итак, я глядел в бинокль, а мысли, которые я сейчас записал, пришли ко мне быстрее во много раз. Я видел старую крепость и наверху «их» пост. Тропинка на берегу реки. Всё, как было. Ничего на той стороне не изменилось.

Из-за поворота выкатил пароход. Раньше ходил колесный, два раза в неделю. Колес я не вижу. Пароход с красным флагом на мачте. А колес нет!

— Дизеля,— подсказывает Терентьев. — Колесные списали лет пять назад. Теперь даже на моторных лодках бакены ставят.

Я вижу белокаменные постройки новой заставы. Узнаю, что сейчас на каждой заставе — электрический свет, а значит, радиоприемники, холодильники, стиральные машины.

— И телефонный коммутатор,— добавляет Терентьев.— И даже грейдер...

После обеда меня водит по заставе старшина Хабибуллин. Мне хотя не совсем удобно (об этом уже много написано), но, вероятно, нужно сказать и о казарме с ковровыми дорожками, шторами на окнах и белоснежными салфетками на тумбочках. А электрическая кухня... Вы понимаете: э-л-е-к-т-р-и-ч-е-с-к-а-я! Как тут не вспомнить два котла под навесом, которые пожирали почти все дрова, а ведь мы их с таким трудом собирали в горах!

В ленинской комнате, я, конечно, начал перебирать книги. Что ж, совсем не плохо. И если судить по некоторым переплетам, то «читабельность» завидная. Надо будет ор-

ганизовать реставрацию книг. Примитивный пресс, клей, ножницы — вот что для этого нужно.

На полочках — добрый десяток кубков. На стенах грамоты и вымпел — лучшей заставе округа. Красное Знамя комитета комсомола, настолько прижившееся здесь, что вроде перестало быть переходящим. Три года подряд завоевывает его Журавлиная!

А старшина всё водит меня из помещения в помещение.

— Что это?

— Ларек без продавца.

— А это?

— Комната бытового обслуживания.

Умывальник. Столик для бритья. Зеркало. Гладильная доска. Электрический утюг. Машинка. Подворотнички. Пуговицы. Иголки. Нитки...

Здорово!.. Вот бы в наше время такое... А тоже «ходили в передовых».

Побывали на огороде, на бахче. Удивительно, как это всё растёт среди камней!

К нам подходят сержанты Котов и Мариенко. Котов отслужил. Завтра уезжает. Мариенко только окончил школу служебного собаководства.

Котов угрюмо молчит. Мариенко весел и разговорчив.

— «Буран» должен ко мне привыкнуть. А сержант Котов говорит, что я только раздражаю овчарку.

— Привыкнет к тебе «Буран». — спокойно отвечает старшина. — А сейчас иди в казарму. К «Бурану» до завтрашнего дня не подходи.

— Да я...

— Иди, иди, Мариенко...

Котов ещё больше мрачнеет.

Старшина подбадривает его:

— Ты прав. Нельзя, чтобы у овчарки было два хозяина. И ты к ней не подходи. Запрещаю!

Котов вбирает голову в плечи. Я понимаю: ему тяжело.

— Это уж слишком...

Старшина не реагирует на мое замечание.

— Собирай вещи, Котов. — И после долгого молчания добавляет: — Я ведь тоже был инструктором.

Меня словно осенило. Я вспомнил остроносого, щуплого паренька, занявшего со своей овчаркой первое место на окружных соревнованиях. Неужели это Хабибуллин — сержант с соседней заставы?

Старшина кивает:

— Конечно, я.

Он мало изменился с тех пор. Разве что морщины прибавилось, да волосы поределли...

Ночью я ходил в наряд.

Утром — тяжелая сцена прощания. Уезжает сержант Котов. Старшина Хабибуллин молчит. С вещевым мешком за плечами Котов усаживается в машину.

Неужели он так и не попрощался с «Бураном»?

И вдруг все слышат отчаянный лай, доносящийся из вольера. По тому, как бледнеет сержант, я догадываюсь — «Буран».

...Да, не только нагрудный знак «Отличный пограничник» будет напоминать Котову о далекой заставе. Это я знаю по себе.

...На дороге давно улеглась пыль, поднятая машиной, а мы всё стоим и глядим на дорогу. Потом я перевожу взгляд на новое здание заставы.

— Хорошая застава.— Надо же что-то сказать.

— Титаеву спасибо,— замечает старшина.

Уж не услышался ли я?.. Ну, повтори же, старшина! Что ты сказал?!

— Капитану Титаеву...

— Якову Титаеву? — уточняю я, вспоминая залитый солнцем перрон и удары станционного колокола, и фуражку, ту самую титаевскую фуражку, что сейчас, завернутая в газету, лежит на книжной полке в моей комнате. Она была со мной все эти годы. Но я ее не носил. Берег как память. И сейчас она здесь. У меня не хватило смелости положить ее в шкаф. Она должна быть на видном месте.

— Почему капитану Титаеву спасибо? — спрашиваю я.

— Он строил заставу,— говорит Хабибуллин.— Такого начальника КЭЧ¹ надо поискать. Уж вы поверьте. Это я как старшина говорю...

Мне вдруг приходит в голову:

— А фуражку капитана Титаева видели?

— Как же! — говорит старшина.

— Известная вещь, — подтверждает Терентьев. Он стоит рядом.

— Из Москвы привез,— с уважением вставляет кто-то из сержантов.

¹ КЭЧ — квартирно-эксплуатационная часть.

— Он надел эту фуражку, только когда акт подписывал,— начал рассказывать начальник заставы.— Вышел, смотрим — новая фуражка!

— Идемте ко мне,— сказал я.

Широко открыл дверь, шагнул к полке и поднял газету.

— Она?! — спросил я.

Кто же мог не узнать знаменитую фуражку капитана Титаева, Яшки Титаева, моего друга?!

Только, конечно, это была не та фуражка, которую Яшка надел, подписывая акт. Это была его первая знаменитая фуражка. А ту, другую, он снова сшил И, кто его знает, может быть, еще кому-нибудь подарил.

Где сейчас Яшка?

Уехал, говорят, с повышением... Я рад за него. И если мы когда-нибудь встретимся, я покажу ему эту фуражку, честное слово!..

Чем больше я думаю о жизни военных людей и, в частности, жизни пограничников, тем больше прихожу к мысли, что в самой профессии, образе жизни заложены мужество и храбрость, направленные на беззаветное служение Родине. Это само собой разумеющееся свойство и даже быт. Другое дело, как в человеке воспитывается оно, чем побуждается. Безусловно, прав Суворов: «Возьми себе в образец героя»... Образцы героев, примеры славных воинских поступков приходят из прошлого в настоящее и помогают воспитывать воинские традиции.

Может быть, мое вступление слишком общее по сравнению с теми случаями, которые я хочу описать. Но я надеюсь обратить внимание читателя на то главенствующее место, которое в пограничной жизни занимает воспитание солдат.

— ...А вы что, не были молодым?

— Быть то был, а всё-таки с увольнения не опаздывал.

— Он же в первый раз. Не так уж это страшно.

— Очень страшно. И Пантелеева — наказать! Пусть все знают, что поблажек не будет...

Разговаривают начальник заставы Терентьев и старшина Хабибуллин. Видимо, это уже не первый разговор, вот почему меня позвали сюда, в ленинскую комнату.

— Зачем? — говорил я старшине.— Вы — парторг, договоритесь сами.

— Ну вы хоть поприсутствуйте,— ответил Хабибуллин.

И вот я слушаю. Слушаю, как не спорят, а беседуют два товарища, два друга. Терентьев мягче. Он склонен на первый раз простить хорошего солдата.

— Давно мы работаем вместе, старшина,— говорит начальник заставы,— и что же видим? У Пантелеева ни одного взыскания.

— Будет,— резко вставляет Хабибуллин.— Теперь будет!..

Они словно забыли про меня. А я и не вмешиваюсь. Мне интересно, как они решат судьбу солдата. В окно я вижу Пантелеева: сидит на скамеечке, смотрит на горы, и, наверно, не подозревает, что разговор о нем. У Пантелеева резко очерченные губы, с изломом. Мне запомнилось его лицо: худое, жесткое,— лицо волевого человека.

...Представьте пограничную реку, пристань, полтора десятка домиков на берегу. В одном из них живет с родителями, а в другом работает оператор нефтебазы по имени Лидочка, так ее называют все. Лидочка — веселая, умная девушка с длинной русой косой и широко открытыми живыми глазами.

Конечно, в Лидочку влюбился Анатолий Пантелеев, а Лидочка ответила ему взаимностью.

Об этом знали все на заставе, и уже однажды между капитаном и старшиной происходил обмен мнениями:

— А не перевести ли его в другое подразделение? — сказал тогда Хабибуллин.— От греха подальше.

— Но разве любовь — преступление? — резонно заметил Терентьев.

— А может, это не любовь... баловство?..

— По-моему, любовь... Какое же баловство: Пантелеев бывает в доме у Лидочки. Там все привыкли к Анатолию. Знают: отслужит срок — поженятся.

Доводы начальника заставы были основательны, и Хабибуллин смирился. Но вчера Пантелеев опоздал на двенадцать минут.

— Почему опоздали?

Молчит.

— Часы подвели?

— Подвели, товарищ старшина,— отвечает и словно радуется, что подсказали ему.

И тут начинается: старшина не верит. Темнит парень. Не хочет сказать про истинную причину опоздания. А если солдат говорит неправду, значит дело серьезное. Значит, зря считали Пантелеева человеком прямым, значит, не воспитали солдата, а избаловали поблажками: любовь, любовь... И такой солдат на отличной заставе. На отличной!..

— Стойте, стойте. Вы уж слишком далеко забрались,— успокаивает старшину начальник заставы.— Да если бы Пантелеев был плохим солдатом, разве сдал бы инспекторскую лучше всех? Разве бы мы вручили ему нагрудный знак «Отличный пограничник»?..

Вот какой трудный разговор идет. В нем всё лучше и лучше проясняются для меня характеры этих двух людей.

— Ладно,— вдруг решает Терентьев.— Гауптвахта!

Я поражен. Вдруг ни с того, ни с сего!

— За первый-то проступок? — возражает Хабибуллин.

Что они, ролями поменялись?!

В ленинскую комнату приносят почту. Старшина старательно перебирает письма.

— Есть! — восклицает он.— Мне есть!

— Откуда? — живо спрашивает Терентьев.

— Из Смышляевки.

— От Ярошенко?

— Да.

— Почему из Смышляевки? Он писал, что будет в Куйбышеве.

— Мать у него в Смышляевке.

— Читай, читай! — Терентьев снова мягкий, добрый.

Хабибуллин вскрывает конверт.

«Здравствуйте, товарищ старшина! («Вам привет»,— говорит Хабибуллин и продолжает чтение).

Пишет вам бывший солдат Геннадий Ярошенко. Немного о себе. Хотел поступить в индустриальный институт. Все предметы сдал на «отлично», а по-английскому — завалил. Сейчас работаю на подшипниковом заводе в Куйбышеве («Вот видите, в Куйбышеве!» — говорит Хабибуллин) в отделе главного металлурга лаборантом и одновременно хожу на подготовительные курсы. Всё равно поступаю в институт.

Мама хочет, чтобы я бросал работу и поступал на дневное отделение. А тетя предлагает на вечернее, чтобы работал и учился. Как вы посоветуете, товарищ старшина, так и поступаю...».

— Пусть на вечерние идет, — замечает Хабибуллин.

Я с любопытством смотрю на старшину. Что же он за человек? А Хабибуллин читает дальше:

«В общем, большое спасибо за воспитание Вам и Василию Андреевичу. («Это вам!» — говорит старшина капитану). Мать говорит: дурь из тебя вышибли. Довольна. Да и я сам...»

Дальше идут приветы.

— Хорошее письмо, — задумчиво произносит Терентьев.

А Хабибуллин уже во власти иных чувств. Ему хочется сейчас же ответить и он, извинившись, уходит.

Я вспоминаю строки из письма Ярошенко: «Дурь из тебя вышибли». Спрашиваю:

— Что за дурь?

Терентьев подходит к окну.

— Сидит...

Я понимаю: это он о Пантелееве. С ним вопрос еще не решен. Мне начинает казаться, что собеседники нарочно отложили его.

Терентьев рассказывает о Геннадии Ярошенко.

— ...Пришел как-то с наряда недовольный, взвинченный. Спросили: что случилось? «Не ваше дело!» Так он ответил командиру отделения. Пришлось подключить Хабибуллина. У него талант, хорошо разговаривает с людьми. Вскоре старшина докладывает: обижен Ярошенко, что посылают всегда младшим наряда, чем, мол, он хуже старшего наряда?

Ему доказывают, что служба есть служба, и на первых порах надо научиться подчиняться, что старший наряда опытней... Но Ярошенко не согласен: чем я хуже?..

Чем хуже: характер беспокойный. Вскочит ночью и всех поднимет. Интересно ему, видите ли, кто раньше встанет. А то за две секунды расстреляет патроны, когда время на упражнение не ограничено. Или начнет бегать вокруг казармы. Зачем? А у меня отвечает, свободное время. Что хочу, то и делаю.

Много хлопот было с этим солдатом. Командир отделения старался приделать ему «тормоза»,

«Куда торопишься? — вдалбливал он. — Или горит?» — Заставлял читать медленно, есть медленно, ходить медленно.

Ничего не получалось. Проводили кросс на три тысячи метров. Ярошенко, лучший бегун, пришел последним. Командир отделения учинил разнос. А тот пожимает плечами: сами велели — медленней...

Вот тогда и взялся за него старшина Хабибуллин.

Ярошенко — энергичный, стремительный. Никто в подразделении быстрее его не преодолевает полосу препятствий.

«Молодец, Ярошенко!»

Чемпион части по бегу...

«Поздравляем!»

А как-то после очередной «тройки» на стрельбище старшина подошел к Ярошенко:

— Стыдно мне за тебя!..

Странно, эта фраза подействовала. Ничего особенного не сказал, но ведь надо было слышать, каким тоном это было сказано: стыдно мне за тебя. Дескать, предал дружбу...

Вероятно, Ярошенко не стал сразу образцово-показательным солдатом, ибо происходит это далеко не вдруг, но в нем произошло такое, что заставило его стать взрослее, серьезнее. И вместо отчаянного желания во всем быть первым, пришла к Ярошенко вдумчивость, без которой никому никогда ничего не доставалось.

...Я молча слушаю Терентьева, думаю, что легче человека судить, чем судить о причинах его поступков.

Мне очень нравится, что и начальник заставы, и старшина, и командиры отделений много усилий, времени и энергии уделяют воспитанию людей, анализу их поступков.

Я не пишу о себе, о своей работе, о своих делах и беседах с людьми. О человеке, который отвечает вместе с начальником заставы за все, и в том числе за политическое состояние подразделения, пускай напишет кто-нибудь другой. Ведь я пишу не о себе, а о своих друзьях по заставе...

Пока Терентьев рассказывал о Ярошенко, старшина написал письмо. С конвертом в руках вошел он в комнату и сказал:

— Характер у него такой: если будет только работать или только учиться — нагрузка покажется недостаточной. Захандрит. Уж я-то его знаю.

— А у Пантелеева какой характер? — спросил начальник заставы.

Опять Пантелеев!

— Пантелеев другого склада... Прежде всего он взрослый, сознательный человек. В армию призывался на четыре года позже своих сверстников.

— Почему?

— Тракторист. Был на целине. Имел отсрочку... У нас стал отличником боевой и политической подготовки не потому, что всё ему дается легко, как Ярошенко, а взял усидчивостью. Неудобно отставать от других.

— Двадцать пять лет,— пояснил мне Терентьев.— Вот я и разрешал ему увольнение, может быть, чаще чем другим.

— А он злоупотребил вашим доверием.

— Злоупотребил, и будет наказан,— сказал Терентьев.

Я взглянул в окно. Пантелеева на скамье не было.

— Готовится в наряд?

— Нет,— сказал Хабибуллин.— В наряд он сегодня не пойдет. Будет заниматься хозяйством.— И старшина вопросительно посмотрел на начальника заставы.

— Ладно,— сказал тот.— Будь по-твоему.

Хабибуллин усмехнулся:

— Живем с товарищем капитаном душа в душу.

— А душа эта — очень сложный, капризный инструмент,— заметил начальник заставы.— Не мы со старшиной открыли это. Но мы одни из тех, кому приходится этот инструмент налаживать... Вот сейчас мы пойдем обедать, и вы познакомитесь с нашим поваром — рядовым Андреевым. Думаете, он сразу стал поваром?

...Петр Андреев рвался в наряд. Он был уверен, что именно ему суждено задержать нарушителя, если тот посмеет перейти границу на участке заставы.

Однажды его вызывает старшина:

— Готовить умеете?

— Пшенку от гречки не отличу.

— Научитесь.

— Товарищ старшина!.. Да я хочу на боевом посту...

— Солдат везде на боевом посту...

Андреев — к Терентьеву:

— Товарищ капитан, что же это получается? Я и вдруг — на кухню!.. Для того, что ли, меня призвали в армию?

О чем с ним говорил начальник заставы не так уж важно знать, но только на следующий день Андреев был на кухне.

Вначале он нарочно пересаливал, недоваривал, думал: убедятся, что ничего не получается — уберут. Но старшина успокаивал:

— Ничего, не горюй.

А как-то вызвали старшину в отряд. Остался Андреев один. Ну, думает, сегодня я так всех накормлю, что не будут и близко подпускать к котлу.

Разделявает мясо, насвистывает. Потом обернулся — рядом стоит начальник заставы.

— Уж вы постарайтесь сегодня. Пионеры в гости придут.

«Ишь ты, — думает повар. — Пионеры!»

И вспомнил, как в детстве ходил в подшефную часть. До чего же это было здорово! Нет, конечно, в грязь лицом ударить нельзя.

И такой обед сготовил, что не только других, себя удивил.

Когда Андреев стал признанным поваром, его снова стали назначать в наряд. А у плиты встал другой пограничник.

Теперь каждый солдат на заставе умеет готовить, и повара назначаются по очереди...

Все с аппетитом ели борщ. Лишь один солдат не прикоснулся к еде. Это был Анатолий Пантелеев.

После обеда я заговорил с ним.

Спросил без «подвохов»:

— Почему не говорите правды? Самому будет легче.

Пантелеев посмотрел на меня и встал.

— Куда же вы?

Молчит. Насупился.

— Вот если солнце такое, как сегодня, — продолжал я. — А с одной стороны темная полоска... Видите?.. Какая завтра будет погода?

Пантелеев посмотрел на темную полоску. И она, будто смутившись под его пристальным взглядом, начала таять.

— Хорошая будет погода! — Он вдруг засмеялся.

— Ну, тогда выкладывайте, — сказал я.

— Ладно, — сказал Пантелеев. — Ничего особенного не произошло. Представьте, разговариваете вы со своей девушкой или, допустим, женой. Вы что-то сказали, а она по-

няла по-своему и обиделась... Времени осталось мало, а она в слезах. А вам надо идти... Что бы вы сделали?

— Я бы опоздал на... двенадцать минут,—признался я.

Июльским утром границу перешел нарушитель. Не считаясь с правилами маскировки, он ломал деревья, красил зеленые кусты в красный цвет. Фронтом в четыре километра шел лесной пожар.

Ветер подхватил пламя, перекинул с кустов на сухую стерню, со стерни — в небольшой лесок.

Застава поднята по тревоге. Работают помпы. Прорубаем просеки. В дыму и копоти два тракториста опахивают поля еще не везде убранной пшеницы.

Пожар подступил к заставе. Мотопомпы не успевали подавать воду. Сбивали пламя с казармы, а уже дымилась крыша конюшни. Тушили конюшню и бежали расширять просеку.

И несли службу! Валились с ног от усталости, но шли в наряд. Валились с ног от усталости, но брали в руки пилы и топоры, и огонь, наконец, покорился и затих.

После пожара была инспекторская проверка. Очень неприятно было отдавать Красное Знамя соседям. Инспектирующие не делали скидку на «объективные» причины. Соседи лучше сдали инспекторскую, и знамя перекочевало к ним.

Вместе с Терентьевым собрали коммунистов и комсомольцев и ршили: не падать духом.

На собрании выступил Хабибуллин.

— Погорело много инженерного оборудования,— сказал старшина.— Конечно, не сегодня-завтра нам его дошлют, но и самим надо работать. Пожар не кончился. Пожар продолжается: крышу казармы и конюшни надо отремонтировать. Словом, вернуть знамя!..

Он сжал пальцы. Поморщился. Сел. Руки были обожжены.

Сколько непредвиденных дел! Их надо было сочетать с учебой и службой. Месяц не заглядывал в тетрадь, а когда заглянул, то застава была как прежде, если не лучше, подтянулась по боевой и политической подготовке.

И вот снова проверка. Начали с огневой.

В прошлый раз неважно отстрелялись,— заметил проверяющий.— Посмотрим, как подготовились теперь.

Начальник заставы первым вызвал на огневой рубеж старшину Хабибуллина.

Одна за другой пули ложились в цель. И, точно подхватив эстафету, все пограничники отлично выполнили упражнение.

Уже потом проверяющий спросил:

— Вы были уверены, что всё получится хорошо?

— Да,— ответил Терентьев,— после того, как первый отстрелялся на «отлично».

— Но ведь старшина мог промахнуться?

Мы, то есть Терентьев и я, переглянулись.

— Не мог!

— Почему?

— Такой человек... Это во-первых. А во-вторых... Эх, если бы вы знали, сколько раз мы всех проверяли на стрельбище!..

Младший сержант Ломовицкий принял отделение. Что я знаю о нем? Комсомолец. Окончил школу сержантского состава с отличием. Первое, о чем спросил: часто ли пополняют библиотеку? Здорово работает на перекладине. Засмотришься. Но, мне кажется, он еще не привык чувствовать себя командиром.

Утром солдат третьего года службы Дьяков прошел мимо Ломовицкого и не поприветствовал его. Ломовицкий сделал вид, что ничего не заметил. Я хотел вмешаться, но откуда ни возьмись — старшина.

— Товарищ младший сержант!

— Слушаю, товарищ старшина!

— Почему не требуете, чтобы вам отдавали честь?

Ломовицкий смущен:

— Не заметил...

— Плохо! — рубит старшина.— Верните Дьякова.

— Рядовой Дьяков! — окликает Ломовицкий.

Дьяков продолжает идти.

— Дьяков! — громче повторяет Ломовицкий.

Солдат лениво останавливается.

— Подойдите сюда.

Солдат подходит.

Вы почему меня не приветствовали?

Когда? — притворяется удивленным Дьяков.

— Да только что.

— Не может быть.

— Не паясничайте! — обрывает старшина. — Пятнадцать минут строевой! — И засекает время.

Пятнадцать минут Дьяков проходит мимо Ломовицкого, отдает честь. Потом оба докладывают старшине: приказание выполнено.

Старшина отводит Ломовицкого в сторону:

— Авторитет командира должен создавать сам командир.

Всем известно, что солдату положена короткая прическа. Столько-то сантиметров. Так ведь не будешь ее линейкой мерять. А у старшины глаз наметанный.

— Построить отделение. Постричь людей!

Вздыхают.

Командир отделения говорит старшине:

— Специалиста нет.

— Ладно, подстригу сам.

И действительно, всех подстриг. А командира отделения тоже подстриг, но в одном месте снял, а в другом не тронул.

Командир отделения к старшине:

— Поправьте, товарищ старшина!

— Некогда!

— Как же я теперь?

— Научите кого-нибудь из отделения. Пусть подправит...

Этот случай стал широко известен на заставе. Теперь в каждом отделении есть свой парикмахер. И не один.

Сейчас закончил занятия по русскому языку с солдатом и вновь раскрыл тетрадь.

История моих занятий такова.

Однажды вижу картину: сидит на скамейке солдат из новеньких, только прибыл. Лицо безусое, скуластое. Глаза узкие, черные. Сгорбился. Неловко скручивает цыгарку.

Подхожу, вижу: очень неумело он это делает. А курить, видно, хочется.

— Сыпь табак. — И показываю, как надо скручивать цыгарку. — Понял?

Солдат благодарит, закуривает и, заткнувшись, раздражается долгим кашлем.

— А знаешь, как еще лучше делать?.. Дай пачку.— Беру махорку и в карман.— Раз не умеешь курить, зачем учиться?

— Надо курить,— неуверенно говорит солдат.

— Почему же?

Оказывается, в казарме кто-то посмеялся над новичком: по-русски мол, говоришь плохо, курить — и то не умеешь. Какой же ты солдат?

Объясняю, что над ним пошутили. А что касается русского языка, то дело наживное. Научись. Читай больше. Если какого слова не знаешь, спрашивай у товарищей, не стесняйся. Будешь молчать — никогда не научишься.

Солдат слушает внимательно, но вижу, что обида не прошла. Вот тогда и сказал:

— Будем заниматься.

...Сегодня он читал вслух сказки Ушинского. Неплохо. Видимо, сам готовится к занятиям.

Мне доложили: рядовой Жужель снова в наряд не назначен. Что такое? Хороший солдат. По физической подготовке не отставал, а тут: ноги болят. Почему, если его назначают часовым по заставе — не отказывается, а в дальний наряд не идет. Летом всегда охотно ходил на границу.

На дворе — зима. Неделю назад выпал снег. Старшина подобрал лыжную мазь. Сейчас пойдем прокладывать лыжню. Охотников идти с нами немало. Жужель не просится: ноги болят!..

Приезжал врач. Ничего у Жужеля не нашел, а тот стоит на своем: ноги болят!..

Старшина пришел за советом. Жужель просил у него рекомендацию в партию. Решили на ближайшее партсобрание вопрос о приеме Жужеля кандидатом в члены КПСС не выносить. Нужно разобраться.

Я посоветовал старшине:

— Скажите Жужелю, что прием в партию — большое событие, скажите, что коммунист должен быть всегда честен... Словом, знаете, что сказать...

Жужель сознался: не умеет ходить на лыжах. Боялся — васмеют друзья.

— Что же вы сказали ему? — спрашиваю я у старшины

Будем тренироваться. А с рекомендацией пока воздержусь.

...На лыжных соревнованиях Жужель уложился в норму ГТО первой ступени. Интересно, сколько с ним занимался старшина?

Спросил Хабибуллина:

— Теперь дадите рекомендацию?

— Рано.

— Что же вы, мастера из него хотите сделать?

Старшина ответил:

— Человека...

На днях старшина передал рекомендацию на рядового Владимира Константиновича Жужеля, просил заверить.

«Верю, что рядовой Жужель оправдывает высокое звание коммуниста».

На партийном собрании рядового Жужеля единогласно приняли в кандидаты партии.

Старшина сегодня дежурный по заставе. Увидел свет в моем окне и заглянул на огонек. Я пишу, а он стоит у полки и роется в книгах.

Я пишу:

«...среди моих друзей, новых друзей по заставе.

Но когда я остаюсь один, то даже не эта тетрадь, а книги были и остаются моими друзьями. «В книге не одно прошедшее — она составляет документ, по которому мы вводимся во владение настоящего, во владение всей суммы истин и усилий, найденных страданиями, облитых иногда кровавым потом; она — программа будущего... Это — мысль человека, получившая относительную самобытность, это — след, который он оставил». Так написал, вернее, сказал Герцен, и он, конечно, был прав».

Я читаю вслух. Старшина молчит.

— Вы как думаете, старшина?

— О чем?

— О книгах, о следе жизни.

— След не только в книгах.

— Еще бы!..

— Мы, живые, прокладываем этот след.

«Э, старшина, — думаю я, — и ты, оказывается, любишь пофилософствовать».

— А что такое жизнь? — говорю я и вспоминаю Павленко: — «Жизнь — не те дни, что прошли, а те, что запомнились».

Старшина соглашается:

— Вот служба на границе, по-моему, всем запомнится. Как с ним не согласится? А старшина уже рассказывает, подкрепляет свою мысль:

— Такой был случай. Сегодня захожу в конюшню, гляжу Макарухин провел по шерсти коня щеткой раз — другой и решил: хватит. Только повесил щетку на гвоздь, а я:

«Устали, Макарухин?»

«Не устал. Хватит».

«Ну, конечно, вы человек занятой».

«Занятой», — отвечает Макарухин.

«Ну-ка, дайте сюда щетку», — и начинаю чистить коня. Макарухин стоит рядом, переминается с ноги на ногу. А я будто не замечаю его. Наконец, он не выдерживает «Дайте, товарищ старшина. Я почищу».

«Вам же некогда».

В это время слышим шаги. Кто-то идет в конюшню. Парень чуть ли не вырывает у меня щетку:

«Увидят, товарищ старшина».

«Ну и что?»

«Так ведь совестно: вы моего коня чистите, а я пень-колодой стою».

«Ладно, — говорю. — Берите свою щетку».

Схватил щетку и чистит коня, как, наверно, еще никогда не чистил.

Входит начальник заставы, застыл на месте. Любуется Макарухиным. А тот-то, наверно, думает, что я расскажу, как было дело. Щетка застывает в руках, когда я начинаю говорить. Покраснел парень, пунцовый весь.

А я говорю вот что:

«Это, — говорю, — хорошо, что вы обещаете всегда так старательно чистить коня. Ведь обещаете?»

«Обещаю!» — твердо говорит Макарухин и, бледнея, глядит то на меня, то на Терентьева.

...Я думаю: как не записать об этом в тетрадь?!

И еще один случай вспомнился.

Сидит на скамье солдат, читает. Вдруг старшина, такой озабоченный, подходит, садится рядом.

Солдат захлопывает книгу:

— Что случилось, товарищ старшина?

— Дело есть, — говорит Хабибуллин, да помочь некому

Солдат, конечно:

— Давайте я помогу.

А он:

— Выходной у вас, не положено.

Солдат настаивает. Ну старшина, наконец, соглашается и просит принести топор.

Я слышу их разговор, не вмешиваюсь, а сам думаю: зачем вдруг топор?

Солдат — на кухню и тут же возвращается.

Берет старшина топор, медленно поднимает, да как гаркнет:

— Клади руку на скамью!

Что он, думаю, спятил?

А старшина приказывает еще строже:

— Клади руку. Рубить буду!

Солдат бормочет что-то несвязное:

— Как же так, товарищ старшина? Без руки солдату, ну, совсем невозможно...

А он:

— Да не руку я тебе рубить собрался. Ногти!.. Помстри какие у тебя ногти? Смотреть противно...

Мелочь, скажете вы. Подумаешь, ногти!.. Но ведь с этих мелочей начинается дисциплина. И старшина делает так, чтобы каждая мелочь запомнилась. Тогда уже она не будет казаться мелочью.

На заставе вручается вымпел лучшему отделению. Отделение младшего сержанта Ломовицкого принимает вымпел.

Ломовицкий сияет. Кто-то из старослужащих предупреждает:

— Завоевать вымпел легко. Удержать трудно.

И другой добавляет:

— Теперь старшина на нашем отделению помогать будет.

— А мы как же? — спрашивает Ломовицкий.

— Вы и так самые сильные.

Прибыл на заставу капитан Яшко проверять инструктора и вожатых служебных собак. Вечером сидели у начальника заставы. Капитан Яшко разговорился. Ночью я попытался записать его рассказ по памяти.

...В детстве у меня был щенок. Я выменял его на старый бинокль. Бинокль был без окуляра, а щенок... без хвоста. Говорят, он родился таким. Но не в хвосте дело. Щенок был серый и сошел за овчарку. Иначе бы я не отдал бинокль.

Весь день я придумывал ему кличку. Джеком он быть не захотел, Тайфуном — тоже.

На другое утро я поставил перед ним консервную банку с молоком:

— Пей, Рекс!

Он сразу стал пить, и я решил, что эта кличка ему по душе.

Потом я начал с ним заниматься. Он научился лаять, когда видел у меня в руках сахар. И переставал лаять, когда я убирал сахар.

Рекс провожал меня в школу, но возвращался домой лишь тогда, когда я поднимал с земли камень.

Это был очень смысленный щенок. Я завел на него табель успеваемости. И если сам получал «пятерку», то и ему ставил «пятерку». А если вместо «пятерки» случалось получить «пару», то... Словом, Рекс безошибочно определял, какое у меня настроение. Он либо весело бежал навстречу, либо забивался под крыльцо и никаким сахаром его невозможно было выманить.

Рос он быстро, но больше в длину. Вскоре стало ясно, что это не овчарка, а помесь таксы с обыкновенной дворнягой.

А я хотел овчарку. Да где ее возьмешь, настоящую?!

Когда призвали на границу, меня не надо было уговаривать поступить в школу служебного собаководства.

Помню, подводят к вольеру. Там злобный кобель, темносерый, с мощной грудью. Ощерился. Клыки — в палец...

— Твой, — говорят. — Кличка — Рекс.

— Это Рекс? — спрашиваю.

— Рекс.

Надо же такое совпадение!

— Ну, иди, знакомься.

Я — к вольеру. Рекс скалит зубы. Страшно, но иду. Он бросается на решетку. Лапы — как у медведя. Сейчас, думаю, перешибет.

— Рекс! — зову нежно.

Куда там: разорвет.

Так и ушел ни с чем.

В обед приношу кашу. Проталкиваю миску палкой под решетку. Он впивается зубами в палку. Хочу вырвать — не могу. Бросаю палку, и он разжимает челюсти.

— Ешь! — говорю.

А он в сторону миски не смотрит.

Я стою, уговариваю. Рекс рычит только. Обозлился я и ушел.

Через некоторое время — опять к нему. Миска чистая. Я обрадовался. За палку и ташу к себе миску.

Рекс — лапой по миске. Отлетела она в дальний угол. Не достать.

Тут сержант, инструктор:

— Подружились?

— Еще как! — говорю.

Вечером надо кормить Рекса, а миски нет. Стыдно сознаться, что отобрал у меня Рекс миску. Ну, были кое-какие сбережения. Я — в военторг. Купил миску. Иду в раздаточную.

— Что это у вас за миска? — спрашивает сержант.

— Особенная, — говорю. — Чтобы не путать.

Иесу Рексу ужин.

Рычит и опять к прыжку изготовился. Я — за палку. Втиснул миску под прутья и рванул палку назад. Только полоснул по ней Рекс клыками, а схватить не успел.

Утром та же история. Подхожу за миской, и эта — в дальнем углу. Рекс лежит тихо. Положил морду на лапы.

Потоптался я, потоптался. Нашарил мелочишку в кармане и знакомой дорогой — в военторг.

Опять в раздаточной:

— Что это у вас вчера зеленая миска была, а сегодня — синяя?

— И вчера была синяя, — говорю. А сам глаза отвожу.

Иду с полной миской к Рексу. Ничего. Не рычит. Без палки толкаю к нему миску. Подошел он к ней, понюхал, и нос воротит.

— Ешь.

Не ест.

— Ешь!

Злс берет, а ничего не могу поделатъ.

Спрятался я за угол. Наблюдаю из своего укрытия: стал есть. Вот бестия!

Подождал я, пока он миску вылизает, и опять подхожу. А он словно играет: бац лапой по миске, и летит она в угол. Я схватил камень, и тут мою руку перехватили.

Инструктор:

— Так дело не пойдет.

— Что же теперь?

Дает он мне поводок:

— Выводи на прогулку.

— Как?

— Заходи в вольер и приласкай.

— Да вы что?

— Только смело иди. Ну?..

Понимаю: он опытной. Зря говорить не будет. Но как идти?

— Давай, давай,— подбадривает он.

Ну, я иду.

Рекс насторожился.

Я отпираю замок. Скрипит дверца. Ноги будто приросли к земле. И голос вроде не мой:

— Хорошо, Рекс, хорошо.

Он ощерился. Рычит.

— Смелей! — подбадривает сержант.

И, поверите, ничего.

Погладил я Рекса. Пристегнул к ошейнику поводок. Он охотно пошел гулять. Засиделся, видно.

Так мы с ним и подружились.

Через несколько дней началась дрессировка. Я с первых же дней приучал его к дисциплине. Конечно, и тут инструктор помогал.

В школе я понял, что дрессировка — сложная наука и одним сахаром тут не отделаться. Научить собаку трудно. Здесь мало воспитать условный рефлекс на команду или жест. Надо совершенствовать его до безотказности.

Возьмем самый простой прием дрессировки: посадка.

Рекс садился охотно, но сразу вскакивал. Я строго повторял команду и резко дергал поводок. Он посидит две секунды и поднимается. Еще строже повторяю команду, нажимаю на спину. Сидит.

— Хорошо,— говорю я и даю сахар.— Гуляй!

Потом снова его сажаю и, если он вскакивает без команды, дергаю поводок.

Он садится и повизгивает. А я про себя считаю до десяти. Только тогда даю сахар и разрешаю встать.

На другой день Рекс высиживал уже пятнадцать секунд. А через неделю — минуту. Затем он перестал визжать и терпеливо ждал лакомства. Получит — встанет.

Прошло еще некоторое время, и он стал сидеть пять минут, десять — сколько угодно.

Или, скажем, прорабатываем учебный след. Вдруг, откуда ни возьмись, чужая собака. Рекс вначале бросал след и — за ней.

— Фу! — говорил я резко и дергал за поводок так, чтобы ему было больно. «Фу» — команда запрещающая, и Рекс научился это «понимать».

А я тоже учился терпению.

...Помню, уже после окончания школы, на заставе, несли мы службу в плавнях. Ночь темная. Накрапывал дождь. Река шумела. В такую погоду вся надежда на собаку.

Я хорошо изучил Рекса. Поведет ушами, значит, учуал кого-то. Отпустит — ничего страшного нет. Ну, может, хорек, может, кабан. И всё-таки чуть он шевельнется, я настороже. Зря он шевелиться не будет. Лежит, прижмется ко мне, точно заснул. А сам всё слышит.

В ту ночь обстановка на участке была напряженная. Начальник заставы, отправляя нас в наряд, сказал: возможно нарушение границы.

Лежим час, другой. Рекс не шелохнется. А дождь то припустит, то затаится. У Рекса шерсть мокрая, но терпит, не отряхивается. Знает: нельзя.

Еще час прошел. Скоро рассвет. Вдруг Рекс настораживается. Тычется мордой в ладонь.

— Слушай!

Он застыл, к прыжку изготовился. Теперь и я слышу: идет кто-то.

— Фу! — шепчу одними губами.

Так мы взяли нарушителя.

В другой раз — сложнее.

Мы преследовали неизвестного. Он видно хорошо знал местность и спешил к большому селу, где его следы могли затеряться. Дважды дорогу пересекала речка. Рекс волновался, потому что нарушитель хотел сбить нас со следа и забирался в воду. Но Рекс снова находил след и рвался вперед.

Мы настигли нарушителя в кустарнике, за которым начиналась церковная ограда. Перемахнул он через нее, и трудно сказать, как бы дальше развернулись события.

Я спустил Рекса с поводка. Он сшиб нарушителя, прижал к земле.

— Фу!

Слушается.

— Встать. Руки вверх! — и пока мой напарник обыскивает задержанного, снова беру Рекса на поводок.

Мужчине лет тридцать. Зарос щетиной. Брюки полувоенного образца. В заднем кармане пистолет. В потрепанном бумажнике — советская валюта, билет на поезд, командировочное удостоверение. Сапоги сбиты. Стали конвоировать — прихрамывает на левую ногу.

Мы вели его на заставу, разгоряченные погоней, довольные, что всё обошлось благополучно.

Вдруг он останавливается. Мы шли среди камышовых зарослей. До заставы уже недалеко.

— Не могу идти дальше, — прохрипел нарушитель и попросил разрешения снять сапоги. Я был еще неопытным. Разрешил.

Он сел на дороге. Стянул сапог. Засунул руку в голенище.

— Так и есть — гвоздь, — сказал он и рванул руку.

Мы не успели опомниться, как Рекс бросился на него. Неизвестный вскрикнул, разжал кулак и... выронил пистолет. Где он там у него в сапоге помещался, просто удивительно.

Этот урок я запомнил на всю жизнь.

...Чувствую себя неловко с того самого момента, как мне вручили телеграмму. Почему я? Ведь на заставе я без году неделя. По-моему, передавать опыт воспитательной работы должны другие.

«Поезжайте спокойно, — говорил мне начальник заставы. — Год — срок немалый. Всё, как и мы, знаешь...

Так то так, но лучше было послать в командировку Хабибуллина или младшего сержанта Ломовицкого. Он теперь у нас секретарь комсомольской организации и удивительно быстро вошел в курс дела.

Однако лечу я. Лечу на нашем, пограничном, самолете. Они, наши летчики, тоже «ходят» в наряд.

Командир самолета — Леонид Дмитриевич Антонов, широкий в плечах, коричневый от загара. Смотрит, прищурясь не то от яркого солнца, не то по привычке. В такие глаза не заглянешь.

Только что командир подразделения, не задумываясь, назвал Антонова лучшим летчиком.

Но Антонов пожимает плечами:

— Подвигов не совершаем, нарушителей сами не ловим. При чем тут лучший?.. Таких у нас пруд пруди...

После семинара, в порядке «премии» получаю разрешение «пойти» в наряд.

Рассвет наступает сразу. К этому времени «АН-2» ложится на курс. Внизу, среди песчаных барханов, вьется река-граница.

Высота сто метров. На вспаханой земле отлично видны следы-ниточки, оставленные бороной. Эти ниточки бегут всё дальше и дальше, словно кто-то невидимой рукой разматывает клубок.

Время от времени под крылом встают пограничные заставы. Они встречают самолет, ошестинившись наблюдательными вышками.

Бортрадист рядовой Резниченко привычно выстукивает позывные. У него смешно топорщатся вихры, будто специальная система для улавливания радиоволн. Губами повторяет сигнал.

«Вас слушаем!» — отвечает заставка.

«На границе без происшествий!» — сообщает самолет и, не сбавляя скорости, пронесится мимо.

Река внизу делает крутой поворот. Возле пограничного знака — наряд. Радист принимает сигнал: проверьте квадрат такой-то. Докладывает командиру. Штурман, старший лейтенант Вяльцев, прокладывает на карте новый маршрут.

Внизу поражающие однообразием пески, угрюмые, желтые.

Самолет входит в указанный нарядом квадрат. Здесь особенно опасный, сыпучий песок. Не скоро бы добрались сюда конники. Да и автомашина не пройдет. А самолету — всего три с половиной минуты!

Начинается поиск. АН-2 проходит над квадратом из конца в конец, разворачивается, летит в обратном направлении.

За одним из барханов — кабаный выводок. Несомненно, это он встревожил наряд.

Больше ничего подозрительного в указанном квадрате нет, и самолет возвращается к пограничному столбу.

Наряд ждет. Летчики сбрасывают вымпел:

«Всё в порядке. Можете продолжать службу».

Другая застава принимает сообщение с борта самолета:
«На границе без происшествий!»

Но вот на мягком грунте ясно просматриваются следы. Конечно, с самолета точно не определишь, кто проходил здесь: животное или человек, маскирующий следы. Да это и неважно. На ближайшую заставу поступает приказ: проверить! И спешит к месту обнаружения следа наряд с розыскной собакой.

Летчики знают: пограничники разберутся. А самолету нельзя задерживаться.

Теперь особенно тщательно просматривается береговая линия, острова. И вдруг на одном из них (лишь узкая полоска воды шириной в десять — двенадцать метров отделяет его от сопредельного берега) замечен в камышах плот. Когда он появился здесь? С какой целью?

Застава, охраняющая этот участок границы, немедленно ставится в известность: обнаружены плавучие средства.

...Навстречу бегут горы. Впереди — один из самых могучих неарктических ледников в мире. Он тянется почти на семьдесят километров, а толщина льда здесь достигает пятисот пятидесяти метров!

Всё выше поднимаются горы, заманивают самолет в ущелье. «АН-2» тоже забирается выше, обходит ловушку. А потом снижается и скользит среди скал.

Нужно быть смелым человеком и большим мастером пилотажа, чтобы провести здесь самолет. Нужно обладать исключительным хладнокровием и точным расчетом, чтобы посадить машину на «пяточке» — крохотной площадке, со всех сторон сдавленной каменными громадами.

Этими качествами обладают командир самолета Антонов и штурман Вяльцев. Может быть, обладают больше, чем другие летчики подразделения, и потому сегодня они — в полете.

Где-то далеко, на горной заставе, заболел человек.

Еще вчера вечером солдат чувствовал себя здоровым. А вернулся с границы под утро и слег. В округ поступила тревожная радиограмма: острый приступ аппендицита. Необходима срочная операция...

«АН-2» замирает на краю посадочной площадки, где его поджидает карета скорой помощи.

Я уступаю свое место больному и медицинской сестре.

...Впереди триста километров дороги «на перекладных» до нашей заставы.

БЫЛ СОЛДАТ...

РАССКАЗ

Он шел безлюдной улицей, мимо затихших домов. На широкой площади открылось небо — при всех звездах, как на параде. Он залюбовался им и замедлил шаги.

В гостинице потребовали документы. Ченцов протянул паспорт.

— Надолго приехали? — спросила дежурная.

— Нет.

— Командировочное...

— Я приехал по своим делам, — объяснил он.

Дежурная сухо заметила:

— Принимаем только командировочных.

— Где ж ночевать?

Где дела, там и ночуйте.

— Странные у вас порядки, — сказал он устало.

Она рассердилась:

— А вы не указывайте. Уж какие есть. Не мое решение — горисполкома... Гостиница-то одна. Разве вместишь всех?

Ченцов молчал.

Дежурная посоветовала:

— Идите к знакомым.

У меня нет знакомых.

Она уловила в его голосе грусть.

— Ладно. Если до утра — койка найдется.— И стала выписывать квитанцию.— Паспорт останется у меня.

— Хорошо,— согласился он.

Дежурная сделала знак подождать. Встала и закрыла конторку.

— Идемте! — Притопывая каблучками, повела на второй этаж.— Это ваш номер.

Ченцов подошел к окну и смотрел на горы. Смотрел пристально, долго, до боли в глазах. Собственно, гор не было видно: сплошная громада чернеет, угадывается. А он видел. Скалы. Пропасти. Сейчас он был там. Под небом. Выше туч. Скидывал мокрые рукавицы. Разгребал снег. Захлебывался ветром.

Дежурная задержалась:

— На горы смотрите?

— Я жил здесь,— ответил Ченцов.— Семь лет назад.

— Ну как, изменился наш город?

— Еще ничего не видел. Прямо с поезда... Хотя, судя по вашей гостинице, не изменился.

— Что вы! — возразила она.— Новую гостиницу строят. А домов понастроили — ужас!.. Поезжайте в новый город.

— Не успею.

— Как так? Приехали в город, где столько лет не были и вдруг — не успеть! — Поморгала.— Вы долго здесь жили?

— Вечность.

— А вы в какую организацию?

— Так, по делам...

Она спустилась в дежурку и достала его паспорт. Из паспорта выпала повестка в народный суд.

Ченцову не спалось. Он лежал с открытыми глазами. В распахнутую настежь форточку врвался холодный воздух. Мысли были тяжелые, как горы, и давили, как горы.

Сквозь дверную щель проникал свет. Ченцов отвернулся к стене.

Завтра, наконец, всё решится. Странно: семь лет как разошлись, а Ольга все ещё его жена. Семь лет!

Он не видел ее с тех пор. Но где-то в глубине души... Она, пожалуй, тоже его любила. Это проскальзывало в письмах. Письма приходили всё время. Он отвечал.

Почему разошлись?

Об этом обязательно спросят на суде.

Почему?

«Закрою форточку и засну!»

Он подошел к окну. На полном диске луны — силуэты чинаров. Он вспомнил дорогу к тем чинарам. Не пылит дорожка лунная... Это она говорила. Ольга.

Опять Ольга!..

Он резко захлопнул форточку. Спать. Обязательно спать! Он должен завтра чувствовать себя свежим. Должен выглядеть хорошо.

Кровать прогнулась под ним, заскрипела.

...Да, семь лет... А прожили вместе каких-нибудь три года. Из них половину... Она шутила: «письменная жизнь!» — и хранила все письма и все конверты с треугольным штампом «солдатское»...

Наверное, в парке осталась эта «Площадка танцев». Отлетел каблук. Смешно...

Конечно, он любил и сразу сделал предложение. Если человек в горах и только раз в полгода спускается в город... А если бы встретила не она? Да, а что, если б не Ольга?!

В загсе работала ее подружка — Лера. Нет, кажется. Люся. Да, Люся. Заочно училась в каком-то институте.

Не всё ли равно!..

Он натянул на голову одеяло. Спать.

Их часть стояла за тремя перевалами. Граница, ничего не скажешь... Весной начинались обвалы. Выворачивало столбы и приходилось восстанавливать линию.

Однажды срашивали провода, и вдруг сверху донесся шорох. Грудь схватило ледяным дыханием. Закружило. Понесло... Отлежался и пошел отыскивать напарника.

Акрам сломал ногу. Тащить его на спине — нельзя: сломанная нога болтается. Можно представить, каково Акраму. Надо придумать что-то другое...

Он полз, тащил катушку с проводом. Разгребал снег руками. Очень трудно отыскать концы провода. Почему-то все эти мелочи не забываются.

Вернулся к дороге. Негнущимися пальцами достал из-за пазухи трубку. Воткнул штепсель в розетку на столбе. И опять связи не было.

Акрам стонал.

— Будешь говорить с заставой! — передал ему трубку и — опять в снег. Нашел концы провода. Лег на спину.

Подтянул один конец и взял в зубы. Потом — другой. Хлестнуло, будто нагайкой. С тех пор на губе отметина.

Вот она. Нащупал языком...

Хочется пить. И тогда очень хотелось.

...Начальник отряда объявил благодарность. Предоставил отпуск на десять суток. Ченцов провел их с Ольгой. Подумалось: десять дней, которые потрясли мир. Так и было.

Они куда-то идут. Ольга поет. Он помнит:

Если милый не жалеет,
Если милый не умеет
Даже губы,
Даже губы,
Даже губы
Отогреть!..

— Умею! — кричит он. Губы у нее солоноватые и горячие...

Ченцов открыл глаза. Луч света струился над головой.

...А как-то в парке на танцевальной площадке к ним подошел лейтенант.

— Разрешите пригласить вашу даму?

— Пожалуйста.— Словно заворожили новенькие погоны.

Лейтенант протянул Ольге руку. Она пошла. Потом он подвел ее к Ченцову.

— Я здесь недавно. Еще никого не знаю.— И попросил разрешения станцевать с ней еще раз.

— У нас билеты в кино,— нахмурился Ченцов и увел Ольгу.

— Мы правда идем в кино? — спросила она.

— Нет,— ответил он.— Просто я не хочу, чтобы ты с ним танцевала.

Ольга удивилась:

— Но ведь ты сказал — пожалуйста?

— Что же я еще мог ответить? А уж дальше тебе самой надо было решать.

Она прижалась к его плечу:

— Не хочу решать. Ты решай. Всё за меня решай. Ладно?..

Она была первым человеком, который вот так открыто доверился ему.

После демобилизации поселился в их доме... Их доме. Их!...

Он сорвал с головы одеяло. Не думать. Ни о чем не думать. Лежать и не думать!..

А как-то принес зачетку. Одни пятерки за первый курс. — Поздравляю! — Ольга так и светилась счастьем.

И в который раз он спросил:

— А почему бы тебе не учиться?

Она вздохнула:

Я чем-то переболела в детстве.— И сослалась на мать: — Спроси, если не веришь.

— Тебе не скучно сидеть дома? — спросил он в другой раз.

— Так ведь хорошей жене это просто необходимо.

И это были не ее слова. Так говорила ее мать.

Проблема тещи встала на повестку дня.

Ольгу приучили не иметь своего мнения. Она слепо полагалась на всех. Он попытался объяснить ей, что так жить нельзя. Но она не поняла и разрыдалась. И тут на него набросилась теща.

Мы все хотим видеть в своих женах помощника, друга. Умного друга... Как узнать в юной девушке на танцплощадке, какой она будет женой? Какой тещей будет ее, молчаливая при первом знакомстве, мать?! И вообще, зачем торопиться с женитьбой, если ты еще солдат?..

Ченцов сдавил руками виски.

...Ольга говорила вечером, когда он приходил с занятий:

— Читала рассказы Фолкнера. Хорошие. Только непонятные.

Она читала всё, что попадется под руку.

А однажды сказала, глядя его жесткие волосы:

— Ты бы к соседям ходил. Кому плитку починил, кому приемничек.

— Зачем? — удивился он.

Теща повела речь о деньгах, и он всё понял.

Конечно, лишние деньги не помешают. Но как же вот так просто идти к чужим людям, словно за милостыней...

Надо уехать отсюда. Пожить одним. Эта мысль стучала в мозгу все настойчивей.

Он списался с Акрамом. И однажды сказал:

— Поедем, Ольга.

— Надо спросить у мамы,— растерялась она.

Теща не возражала.

— Только вначале сам устройся, а уж потом жену забирай.

«А ведь я не сплю!»—рассердился на себя Ченцов и перевернулся на другой бок.

Не приехала Ольга.

Письма, письма. «Письменная жизнь»...

И вот позади семь лет.

Неужели за это время ему не встретишься женщина, которую бы смог полюбить? Или просто не разглядел, испугавшись ошибиться еще раз?

Ольге проще: доверчивая, мягкая, она быстро привыкает к людям. Мать снова ее сосватала. И теперь, кажется, Ольга с кем-то живет. Впрочем, какое уж там «кажется», если у них родился ребенок. Сын!..

Значит, у нее жизнь сложилась.

...За окном посерело.

Выспался, нечего сказать! И стоило добиваться гостиницы. С таким же успехом мог бы бродить по городу.

И вдруг глаза стали слипаться. Он открыл их, когда было уже светло.

В вестибюле заметил дежурную.

— Вот паспорт. Понадобится. А насчет койки — не беспокойтесь. Номер пока не занят.

Не верилось, что декабрь. Снега на улице не было. Ярко светило солнце.

Ченцов шел, задумавшись, и удивился, когда вдруг оказался перед серым двухэтажным зданием с резным карнизом. На фронтоне — герб с пятиконечной звездой в лучах солнца.

В этом здании решаются судьбы. И его, Ченцова, судьбу, тоже решат. Хотя она уже и без того решена.

Снова навалилась тоска и тревога.

В приемной секретарь — молодящаяся, предупредительная, знающая себе цену женщина — спросила вежливо:

— По какому делу?

Он достал повестку.

— Ах, Ченцов.— Она показала на дверь.— Пройдите к судье, гражданин.

Он оказался в комнате с широкими окнами. За столом — женщина в синем костюме. Подчеркнуто строгая. Стол низкий, тяжелый, заваленный папками. Несгораемый шкаф...

Он вдруг почувствовал робость.

— Дело мое должно слушаться... О разводе.

Судья положила локоть на стол. Прижала палец к щеке.

— Я сегодня не могу разобрать ваше дело, товарищ Ченцов.

— Почему? — недовольно спросил он.

— Отложили на послезавтра, Семен.

Он нахмурился: еще два дня.

И вдруг опешил. Как, как она его назвала? Семен?!

Теперь он смотрел на нее. Миловидная, но усталая. На шее газовая косынка. Золотые волосы стекаются в тугой узел, открывают высокий лоб и маленькие уши, схваченные клипсами. Черные глаза с монгольским разрезом. Где-то он уже видел эти глаза. И едва заметную оспинку на щеке.

Она поправила косынку. Удивительно знакомым движением — неторопливым и мягким.

Ченцов вдруг вспомнил это движение. Спросил, еще не веря себе:

— Вы... Это вы?!

И увидел девушку в ситцевом платье, какую-то лучистую. В косынке, которую она поправляла вот таким же движением. С букетом цветов. Эти цветы она преподнесла им с Ольгой в тот памятный день...

Ну конечно же, она училась в юридическом. А он шутил, что с ее характером нельзя быть судьей. Слишком мягкий.

Заступалась Ольга: «Это у Лены-то мягкий? (Ах, вот как, значит, ее зовут!) Да ты не знаешь. Она — сильная. Она всё может».

— Лена, вы?..

Она кивнула и провела рукой по папкам:

— Очень запутанное дело о хищении в промкомбинате. Понимаете: фиктивные счета, приписки, «черная» касса. Сейчас будем слушать.

Теперь ему не хотелось уходить отсюда.

— Процесс открытый?

— Открытый.

— Можно послушать?

В дверях показалась секретарь:

— Елена Петровна, все в сборе.

— Так я послушаю, — сказал он.

Она улыбнулась:

— Пожалуйста...

Огромный зал. Потолок расписан квадратами. Тяжелая

люстра. На стенах — ромбы. Высокие окна. Одно — с решеткой. Под ним за железным барьером привинчена к полу скамья.

Стол для адвокатов. Напротив — другой стол. Тоже под зеленым сукном. Здесь — прокурор и судэксперт. На помосте еще один стол и три кресла.

Зачем в судах кресла с такими высокими спинками?..

Зал переполнен.

На скамье подсудимых — двое. Конвой.

— Суд идет!

Лена, нет не Лена, а председательствующий объявляет судебное заседание открытым. С этой минуты всё здесь подчинено ей. Она — закон.

Но Ченцов видит девушку с букетом. Ловит себя на мысли, что это уже не та девушка, и что ей, по сути говоря, нет никакого дела до него.

Он смотрит на нее и тоже видит Закон.

...Слушается дело. Уже установлены личности подсудимых, состав суда, прокурор, адвокаты. Отводов суду нет. Ходатайства?

Поднимается человек в полувоенном костюме; в таких часто ходят хозяйственники. Мясистый нос, тонкие, нервные губы. Лохматые брови потянулись к вискам и почти срослись с бакенбардами. Выражение лица неприятное. Просит вызвать таких-то и таких-то свидетелей, приложить к делу копии телеграмм, справку какой-то конторы.

— Зачем нужна справка? — спрашивает судья.

— Подтвердить, что план по ассортименту был выполнен, — небрежный кивок в сторону прокурора. — Это в отношении премиальных, которые мы, якобы, получили незаконно.

Подсудимый шумно садится, и человек рядом с ним сжимается. Он в телогрейке. Комкает в руках шапку. Лицо измученное. Ходатайств не имеет.

Судья читает:

— Произведенным расследованием установлено... — Какие-то фамилии, цитаты из протоколов допроса. — На основании изложенного обвиняются...

Ченцов вспоминает: он идет с Ольгой в горы. Держутся за руки. Молчат. Неизвестно откуда появляется моряк. В бескозырке. Вихрастый. Улыбается Ольге.

— Полегче! — предупреждает Ченцов.

— Не бойся, братишка,— отшучивается моряк,— вторым бортом не стану.

А потом, на своей свадьбе, Ченцов вновь с ним встретился. Моряк сидел рядом с Леной. И не спускал с нее глаз. Интересно, где он сейчас работает? Наверное, у них дети?

Ченцов смотрит на Лену, словно она скажет ему: райкомовский работник, детей трое...

Но Лены нет. Есть судья, которому медленно, с апломбом отвечает директор комбината:

— Неправильно получал подъемные? Может быть. Или взять командировочные, когда ездил на своей «Победе», а получал проездные. Тут, стало быть, не учел... Ну, а в отношении прочего — фиктивки там разные. Извините. Семнадцать тысяч. Это — главбух! — уничтожающий жест в сторону другого подсудимого.— С него и спрашивайте. А я в государственный карман не лазил.

— Но вы подтверждаете, что неправильно получали подъемные,— говорит председательствующий.— И командировочные. А кто вам их выплачивал? Разве не государство?

Встает человек в телогрейке. Голос у него дрожит:

— Я виноват, граждане судьи... Очень виноват... В том, что верил ему, директору нашему. Не мог даже допустить мысли, что счета представлялись подложные.

— Че-пу-ха! — взрывается бывший директор.

Как разобраться: кто из них прав, кто виноват? Или, может быть, оба виноваты?

Ченцов испытующе смотрит на судью. Ей очень идет синий костюм. Острая, поперечная складка на лбу. И оспинка на щеке. Оспинку, правда, не видно. Но Ченцов знает, что она есть. Может быть, один он в зале это знает.

Председательствующий обращается к прокурору: есть ли вопросы?

У прокурора — седые виски. Высокий. Спокойный:

— Вы подтверждаете, Солярин, что двести тридцать декалитров вина, приписанные к плану третьего квартала, были выработаны в сентябре?

— Да, — небрежно отвечает Солярин.

— И это дало вам возможность получить премиальные?

Бывший директор нетерпеливо поводит шейю.

— Тогда я прошу суд заслушать эксперта.

Ченцов смотрит на эксперта. Маленький, подвижный. Шуршит бумажками.

Но судья напоминает установленный порядок следствия. Эксперту предоставят слово в конце судебного заседания. Прокурор соглашается.

Ченцов с уважением смотрит на председательствующего. И это — Лена?!

...Так, значит, о моряке. Удивительно, как мог забыть о нем и о Лене. И как вдруг всё это вспомнилось. И вот он завидует им. Завидует, потому что живет на свете бызем.

Друзей много, а дома он — один. И когда находится в аппаратной — там тоже один. И когда вечерами бывает у Акрама. И когда трехлетняя Назира обнимает его перепачканными шоколадом ручонками. И когда пятилетний Рустам взбирается на плечи. И когда с Назирой и Рустамом идет гулять. Там он тоже один. Правда, в редкие минуты он чувствует себя счастливым. Но это — не его счастье.

А Лена тоже счастлива. И моряк...

Перед судом — свидетель Баратов, механик промкомбината. Он в кирзовых сапогах и прорезиненном плаще. А под плащом, на спецовке, должно быть, комсомольский значок. Рубит фразы:

- Подсудимых знаю. Личных счетов не имею.
- А вы, Солярин? — спрашивает судья.
- Н-не помню, — мохнатые брови сдвигаются.
- Точнее, Солярин.
- Не имею.

Свидетель рассказывает, что запасные части приобретались у барышников втридорога, централизованное снабжение игнорировалось.

Бывший директор ерзает, делает непонятные знаки. Адвокат — человек с коричневой лысиной, в роговых очках — перехватывает эти знаки. Пытается вставить реплику.

— Не мешайте! — властно предупреждает его судья.

«Правильно!» — соглашается про себя Ченцов.

Наконец адвокат получает слово.

— Так вы заявляете, что двигатель к «С-80» был приобретен незаконно? А за сколько, позвольте вас спросить?

— Смотрите том третий, страница девяносто четвер-

тая, — охлаждает его пыл судья. — Не нужно задерживать следствие.

Адвокат смотрит том третий, страницу девяносто четвертую и умолкает.

«Неужели это — Лена? Та самая Лена с «мягким» характером?» — думает Ченцов.

— У нас личные счета! — кричит Солярин. — Я не признаю показаний свидетеля!

— Признавать будете не вы, а суд — спокойно поправляет судья. — А насчет личных счетов — напрасно. Вы сами подтвердили, что не имеете личных счетов к Баратову.

«Такая не скажет: решай сам, решай за меня!» — думает Ченцов.

Он смотрит на Елену так, словно сделал открытие.

После судебного заседания они вместе выходят на улицу. Ченцов хочет спросить ее о моряке, вообще о том, как она живет, но почему-то говорит о деле, которое сегодня слушалось в суде. Откуда берется вся эта мразь и как можно защищать Солянкина?

— Солярина, — поправляет Елена.

— Ну, Солярина, — искренне возмущается он. — Солярин — жулик. Самый настоящий жулик. Я убежден в этом.

— Одного убеждения мало, — возражает она. — Нужны доказательства.

— Солярин — беспардонный, страшный человек! — настаивает Ченцов.

— Вы разве его знаете?

Он даже останавливается.

— Кто — я? Понятия не имел, что он существует.

Елена смотрит на него испытующе:

— Но ведь если так, вы можете ошибиться. Не всегда первое впечатление самое верное.

— Знаю, знаю, — вдруг улыбается Ченцов. — Только я верю своей интуиции.

Она тоже улыбается и предлагает:

— У вас, наверное, свободный вечер, Семен. Зайдемте к нам, посидим.

Он застигнут врасплох. Знает: одному будет очень тоскливо. И не хочется возвращаться в гостиницу. Но, с другой стороны, прийти в чужую семью...

Он решается:

— Я сейчас! — сворачивает к гастроному.

Она ждет на улице.

Он возвращается скоро.

— А вот это можно было не делать, — мягко упрекает она, показывая глазами на его сверток.

С гор дует ветер. Сгущаются сумерки. Желтой мерзкой вспыхивают фонари...

Желтый свет льется из-под абажура. Ченцов сидит в небольшой уютной комнате. Рядом стеллажи с книгами. Между ними заблудившийся медвежонок. Над стеллажами — этюд маслом. На столе «Виргинцы» Теккерера.

Разговор не клеится. Что-то о погоде, о кино.

Она прислушивается к звонку в передней. Выходит открывать дверь.

Моряк!..

И вдруг ему хочется, чтобы моряк не приходил.

Но входит Елена. Одна. Он вопросительно смотрит на нее.

— За газ собирают деньги.

Она накрывает на стол. Эти пирожки, наверное, с мясом. Как давно он не ел домашние пирожки!

Она разворачивает сверток.

— Всѣ-таки коньяк?

Первый тост — за хозяйку дома, второй — за гостя.

— Так ты что же, одна живешь? — Он не замечает, что перешел на «ты».

Она не поправляет его.

— Одна.

Сейчас он спросит о моряке.

— Давай еще выпьем.

— Пей, — отвечает она.

— А ты?

— Я не хочу больше.

Она пересаживается на диван.

Он наполняет стопку до краев.

— Твое здоровье! — и выпивает залпом.

— А помнишь, как в ливень, — тихо говорит Елена.— Да, это был настоящий ливень... Я куда-то спешила и промокла до ниточки... А ты встретил и спрятал меня под шинель?

— Не помню, — сознается он, досадуя на себя.

Она смеется, чуть подзадоривая:

— А ты хороший, Семен. Это ведь было. И так было тепло под твоей шинелью.

Он подсаживается к ней и берет за руки. Она улыбается и неожиданно говорит:

— Знаешь, Семен, а повидайся-ка ты завтра с Ольгой.

Он смотрит на нее растерянно.

— Семь лет — срок большой, — продолжает она. — И я, конечно, могу вас развести. Но, как судья, я должна вначале попытаться вас примирить. Как друг — тем более... Скажу честно: такие попытки редко удаются. Уж если люди решили разойтись — они расходятся. И я бы, например, от нашего кодекса о браке, семье и опеке мокрого места не оставила... Не на суде, раньше нужно вмешиваться в семью. Пойми меня: вмешиваться — не значит мешать; укреплять семью, научить людей жить красиво... Ты спросишь: почему же я предлагаю повидаться с Ольгой? — Она задумывается, словно подбирая слова, которые бы он лучше понял. — Да потому, что Ольга еще любит тебя.

Он делает нетерпеливое движение.

— Подожди, — говорит она. — Как судья и как друг я не могу признать причину вашей размолвки состоятельной. Кто же не ошибается в двадцать лет?.. Подумай, Семен. И если в твоём сердце еще сохранилось чувство — не глуши его.

Неужели всё, что только что было в этой комнате — и вино, и ее руки — тепло их он еще чувствует, — неужели всё для того, чтобы выслушивать судебские сентенции?

— Но у нее ребенок, — возражает он, подыскивая самые веские аргументы. — И у ребенка — отец.

Теперь они снова сидят за столом. Она долго мешает ложечкой в чашке. И вот он видит ее глаза — прямые и честные:

— Отец не любит ребенка. И не любит Ольгу.

Ченцов в недоумении:

— Зачем же тогда ей понадобился развод?

Она говорит, отставляя чашку:

— Это очень сложно, Семен, дорогой... Сложно страшно... Дело в том, что у человека, с которым жила Ольга, есть другая семья. В другом городе. И есть ребенок. Вначале он скрывал это. А когда она должна была родить, заявил, что вернется к прежней семье.

— А потом? — напряженно спрашивает Ченцов.

— Потом нужно было регистрировать ребенка, и Ольга не захотела тебя связывать.

— Ну, а где же этот... отец? — говорит он, с беспокойством думая об Ольге.

— Его нет, — отвечает Елена. — И лучше тебе не знать, где он и кто он. Я уверена, что он никогда даже не вспомнит о ребенке. Никогда не встанет на вашем пути. Вот и подумай. До завтра.

Ченцов молчит. Он не был подготовлен к такому разговору. А она продолжает:

— Мне хотелось повидаться с тобой до суда, потому я и отложила дело. Уж ты, пожалуйста, извини.

Он вдруг догадывается:

— Тебя Ольга просила?

— Нет, нет! — перебивает она. — Поверь, Ольга меня ни о чем не просила. — До Ченцова с трудом доходит смысл ее слов. — А ребенок...

Он вставляет раздраженно, чувствуя себя усталым жалким:

— Дело не в ребенке. А в том, что столько лет мы могли обойтись друг без друга.

— И всё-таки повидай ее, — мягко, но настойчиво просит Елена.

На утро Ченцов встает разбитый, с тяжелой головой. Ни о чем думать не хочется.

Он надевает пальто и спускается в вестибюль.

С дивана поднимается женщина в белой шубке. Прижимает к груди ребенка.

— Ольга? — изумляется Ченцов.

Она кивает смущенно и радостно. Глаза влажные.

Он идет навстречу.

— Пойдем отсюда, — просит она, глотая слезы...

Свежо. Еще не улегся ветер. Ольга заботливо подвертывает одеяльце.

— Вот, — говорит она виновато, показывая на сына.

Что-то вскипает в груди, похожее на обиду, но Ченцов заставляет себя улыбнуться.

Они идут, не замечая прохожих.

— Я знала, что ты приехал, — говорит Ольга смущенно. — Мне, наверное, не следовало тебя видеть. Но знаешь, как-то очень хотелось.

— Сколько времени мальчику?

— Три месяца.

— Замерзнет.

Она качает головой.

— Всё-таки лучше зайти в помещение,— настаивает Ченцов, зная, что она согласится.

И действительно, Ольга спрашивает:

— Куда?

Он показывает на столовую:

— Заодно и позавтракаем.

Она кивает, и он узнает прежнюю, безропотную Ольгу.

Без шубки она кажется девочкой — стройной и тонкой.

Но где же ее коса? И разве это ее глаза — беспокойные, грустные? И губы — бескровные, стертые.

Ему становится больно.

Ольга прикрывается косынкой, чтобы накормить ребенка.

— Я часто вспоминаю, как мы вместе ходили в горы...— говорит она.

— Да.

— А помнишь...

Официантка подает шницель. Ченцов лениво берет вилку. Ольга к еде не притрагивается.

Перед ним — женщина, которую он любил. Ченцов пытается заставить себя поверить в это. Пытается расшевелить то светлое чувство, что теплилось в нем все эти годы. Но чувства нет. Есть только жалость.

Говорить ли, что вчера был у Елены?

Он хмурится:

— Как фамилия, ну... отца твоего ребенка?

— Солярин,— выдавливают она.

Он где-то уже слышал эту фамилию. И вдруг холодеет:

— Солярин? Директор промкомбината?!

Она опускает голову.

Он задыхается от возмущения и обиды. Так вот почему Елена...

— Солярин, Солярин! — восклицает он.— Понимаю: персональная машина и всё прочее... И это, конечно, твоя мать!..

— Мама умерла недавно,— покорно вставляет Ольга

— Прости,— смущается он. И снова говорит резко: — Ты почему не в суде? Иди. Скорей. Его, может быть, оправдают!

Она сидит поникшая, жалкая, не знающая, что делать. Повтори он это еще раз — и она побежит в суд. Неужели жизнь ничему ее не научила?

«А меня?» — думает Ченцов.

Только сейчас он понял, что обокрал себя — и в тот роковой день, когда расстался с Ольгой, и потом, все эти годы, с мальчишеским пренебрежением думая о женщинах и потому не понимая их.

— Мы что-то прозевали с тобой, Ольга! — говорит он.

Она молчит. И тогда он спрашивает о том, что мучает его со вчерашнего дня:

— Кстати, куда делся тот моряк, помнишь, он был на нашей свадьбе?

Ольга осторожно отнимает грудь от ребенка.

— Не знаю. Скрытная она, Лена... Да по всему видать... Так и живет одна. Сильная... А вот я не смогла. — И слова звучат непривычно, твердо: — Выходит всё у нее впереди... самое лучшее... А у меня...

Декабрьский вечер. Теплый. Только на юге бывают такие вечера в декабре.

Перрон. Фонари. Руки — в перчатках, без перчаток. С цветами. Без цветов. Намокшие от слез глаза. Смех.

Ченцов смотрит из окна вагона. Его провожает Ольга. Они теперь совсем чужие. Но Ольга молодец, что пришла его проводить. Он сказал: не надо, а она пришла. И сейчас ему это приятно.

Рядом с Ольгой стоит Елена. Она здесь, чтобы Ольге не было так тяжело.

— Поезд семьдесят восьмой отправляется с первого пути! — бездушно хрипит репродуктор.

Ченцов смотрит на Ольгу и Елену, и чувство такое, будто он что-то недодумал, недоговорил. И этих «недо» собирается много...

СОДЕРЖАНИЕ

- В МЕТЕЛЬ НА КЫЗ-БАЙТАЛЕ**
(По запутанному следу). Повесть 3
- Глава первая. СТО ТЫСЯЧ ПОЧЕМУ**
Перехваченная кодограмма.— Инструктаж.— Воронков путешествует по карте.— Цифры отказываются говорить.— Надо верить в таланты.— Метеориты бывают разные.— Кто был на перевале Кыз-Байтал? 5
- Глава вторая. ПРОИСШЕСТВИЕ В ПУТИ**
Дорога.— Девушка его мечты.— Собрание переносится.— Новые знакомые.— Обручев не любит балагуров.— Земляки.— «Смотри же внимательно в лица» — Ральф превышает власть.— «Чудак человек» 9
- Глава третья. ДЖИМ КЕНТ ПОЛУЧАЕТ ЗАДАНИЕ**
Где-то за океаном — Катастрофа в Канзас-сити.— Разговор с боссом.— Тренировка.— Часы с секретом.— Метеоритная «экспедиция» действует 16
- Глава четвертая. ЗАСТАВА В ГОРАХ**
Гебридзе рассуждает и немного завидует.— Машины останавливаются у шлагбаума.— Махров хочет отпустить усы.— В кабинете капитана Демина.— «Это твой дом, Зубарев».— Встреча друзей 21
- Глава пятая. «СТАРЫЙ БУКИНИСТ»**
Книголюб Тихомиров — Алексей Петрович углубляется в чтение.— Часы отсчитывают минуты.— Жизнь под личиной.— Яд действует мгновенно.— Представим, что он говорит правду.— Майор Безуглый разговаривает с майором Безуглым.— Почему повторяется «88»? — Поиски 26
- Глава шестая. НАПРЯЖЕННАЯ ОБСТАНОВКА**
*Лейтенант Ганиев идет в гости— Свадебный ужин.— Письмо незнакомки.— Секрет старого профессора.— Наташа хочет работать.— Майор Безуглый терпит неудачу.— Что такое «КВСАМП»? . . . * * ** 30

Глава седьмая. ПОСЛЕ РЕЙСА

В ожидании колонны.— «Чужая семья — потемки».— Петр Калачкин интересуется литературой.— Случайная встреча.— Странная дружба .

37

Глава восьмая. НА ТОЙ СТОРОНЕ

Неожиданная находка.— Воспоминания бывают разные.— Фукс может сменить погоню.— Тугай возвращается ночью.— Что делает ретушь . . .

40

Глава девятая. ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ

Ветер, ветер, ветер.— Концерт для пограничников.— Связой от Ибрагима.— «Ракету! Залп! Огонь!» — Благодарность.— История Ибрагима.— «Почему он такой хмурый, Очень странно...»

44

Глава десятая. «ВСЕ ГОТОВО. ЖДЕМ»

Полковник Воронков задает вопросы.— Ключ найден.— Кто читает Драйзера? — Следы ведут в автопарк.— Почему Петр Калачкин не взял книгу? — Новая кодограмма.— След на 123-м километре.— Майор Безуглый снова ломает голову.— «Все готово. Ждем»

47

Глава одиннадцатая. ИБРАГИМ, ГУЛЬДЖАН И ДРУГИЕ

Двое в горах.— Гульджан говорит: «Да».— Ставни в кибитке старого Ибрагима — Ибрагим не хочет разговаривать.— К чему приводит упрямство.— Полковник Воронков: обстановка усложняется! .

53

Глава двенадцатая. НОЧНОЙ ГОСТЬ

Фукс делает ставку на Ибрагима.— Человек, который не дорожит своей жизнью.— Тугай, Динкер, Тумаков, их всего трое.— Ночной гость предлагает свой план.— Глава тринадцатая называется: «Жребий брошен».— На что намекал Теодор Драйзер? — Шифровка доставлена в посылство .

59

Глава тринадцатая. ЗАДАЧИ СУМАСШЕДШЕГО МАТЕМАТИКА

Свет в окне.— Лейтенант Ганиев предлагает старшине Каримову свои услуги.— Гульджан будет согласна.— Концерт для русских эмигрантов.— Белые, серые и черные собаки.— Опять загадка.— Где недостающие цифры? — Старшина уточняет.— «В высших сферах делового мира все так или иначе друг с другом связаны».— Где условленное место? — Итак, «в условленном месте».— Встреча будет обеспечена

62

Глава четырнадцатая. СЛУЧАЙ В ГАРАЖЕ

Когда болит голова.— Чужая семья — потемки.— Петр Калачкин требует денег — Опять книга Драйзера.— Игнатюк выдворяет товарища.— Всё это становится подозрительным

71

Глава пятнадцатая. СЛЕДЫ НА СНЕГУ

На закате перед вечером.— Старшина обходит владенья свои.— Игра на интерес.— Приготовиться на боевой расчет — Приказ.— Кто вспугнул архиров? — Чужой след.— Преследование продолжается.— Сигнал на заставу.— Выстрел из-за камня.— Обручев летит в пропасть .

74

Глава шестнадцатая. НА ГРАНИЦЕ И В ТЫЛУ

Когда бывает не до сна.— «В ружье!» — Капитан Демин разговаривает с «Соколом».— Дорога ведет к кибитке Ибрагима.— Опять перехват.— Восемь билетов на Актюбинск.— Старушка со странностями.— Для кого купил билет шофер Петр Калачкин.— При чем тут Игнатюк?— Где восьмой?

86

Глава семнадцатая. ШРАМ НА ЩЕКЕ

Портрет сына.— «Ахмед мог быть начальником заставы».— Ожидание.— Тугай приносит радостную весть.— Их было трое.— Фотография.— «Хочу видеть сына!» — Первая ошибка Тугая.— Обвал.— Где четвертый? — Ошибка Фукса.— Еще одна ошибка Тугая

93

Глава восемнадцатая. ЕЩЕ ОДИН СЛЕД

Обручева несет лавина — Боль и долг.— Белый бугор.— Слово предоставляется автомату.— Господин Всеволод Горев.— Подмога.— Еще один след.— Наперерез через скалы.— Ральф показывает, на что он способен.— Искать, искать!

100

Глава девятнадцатая. В ЗАПАДНЕ

Поиск.— Вопросы, на которые пока не было ответа.— Кто в кибитке Ибрагима.— Джордж Динкер теряет доллары.— Резников сокращает расстояние.— Тугай считает, что в подобной ситуации самое лучшее — бежать.— Саттар проезжает мимо.— Просьба Гульджан.— «Звони на заставу!» — Динкер теряет шансы на жизнь.— Развязка на кладбище

107

Глава двадцатая. НА РАССВЕТЕ

Полковник Воронков прибывает на заставу.— Врач Наташа Демина.— «Они выйдут на шоссе».— Закрывать допogu.— Где-то здесь должен быть этот шофер.— Буханка хлеба.— «Спасибо, Гульджан»

116

Глава двадцать первая. И ПОСЛЕДНЯЯ

Ральф берет след.— Неизвестный убит выстрелом в затылок.— Кто ожидал нарушителя? — Погоня.— Проверка у шлагбаума.— Откуда у него посадочный талон.— На границе все может быть. — Два разговора, о которых лучше было молчать.— Много становится понятным.— Конец Джима Кента.— На границе все в порядке .

118

ИЗ ТЕТРАДИ

(Рассказы пограничника)

129

БЫЛ СОЛДАТ

(Рассказ)

161

Левин Минель Иосифович

Г Р А Н И Ц А

Повесть и рассказы

Общественный редактор *А. Б. Одинцов*

Художник *С. Вишнепольский*

Художеств. редактор *Л. Винников*

Технич. редактор *Р. Анисимова*

Корректор *Л. Басова*

Сдано в набор 24/VII-1963. Подписано в печать 13/I 1964. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Печатных листов 5,75 (9,66). Учетно-издат. листов 9,11. Тираж 150 000. (2 завод 50001—150000). Цена 42 коп.
КЛ 01207. Заказ № 5262.

Душанбе. Полиграфкомбинат Госкомитета Совета Министров Таджикской ССР по печати

42 коп.

ТАДЖИКГОСИЗДАТ